КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й

1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 Марта 1895 года.

Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода[1]).

ГЛАВА 1-я.

Ученіе Сковороды, по основнымъ чертамъ своимъ, должно быть названо *идеалистическимъ*. Хотя самъ Сковорода и училъ, что Царствіе Божіе, которое онъ проповѣдывалъ, не трудно, но на дѣлѣ достичь его было, конечно, очень не легко; для этого человѣку нужно было по возможности отрѣшиться отъ житейскихъ интересовъ и поставить главною цѣлью своей жизни внутреннее усовершенствованіе. Но чѣмъ большихъ жертвъ требовало оно отъ человѣка съ житейской, практической точки зрѣнія, тѣмъ больше и давало ему самаго важнаго въ жизни— счастія. Высшее же счастіе состояло въ полной побѣдѣ духа, дававшей и полный душевный миръ. Но являлся вопросъ, возможно ли было осуществить въ жизни эти *самыя высшія* требованія нравственнаго идеала Сковороды; являлась необходимость живого личнаго примѣра, который бы доказалъ возможность осуществленія его на дѣлѣ. И эту миссію принялъ на себя самъ Сковорода. Такимъ образомъ, въ немъ мы видимъ довольно рѣдкій примѣръ полнѣйшей гармоніи между ученіемъ и жизнью; онъ жилъ такъ, какъ училъ, и училъ такъ, какъ жилъ. И это обстоятельство пріобрѣтаетъ особую важность, во 1-хъ, въ силу высокихъ требованій его нравственнаго идеала, а во 2-хъ, вслѣдствіе того, что Сковорода *сознательно, по принципу*, съ полнымъ убѣжденіемъ, избралъ себѣ свой путь жизни и шелъ по

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 2.

немъ до конца, до самой своей смерти, не сворачивая ни направо, ни налѣво, и даже умеръ такъ, какъ долженъ былъ умереть человѣкъ съ его взглядами на смерть. При своемъ широкомъ образованіи, умѣ, краснорѣчіи, онъ, какъ извѣстно, выбралъ себѣ самое низкое званіе—нищаго странника, но сдѣлалъ это не въ силу необходимости: наоборотъ, его таланты открывали ему возможность достиженія самыхъ высокихъ степеней, особенно въ духовной іерархіи,—*а совершенно сознательно*, желая такимъ образомъ сохранить внутреннюю свободу и быть учителемъ всего народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. „Духъ его отдалялъ, говоритъ біографъ Ковалинскій, отъ всякихъ привязанностей и, дѣлая его пришельцемъ, присельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства, стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій природы, простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго“ (1-е отд. стр. 5—6). Извѣстно, что много разъ Сковородѣ дѣлали весьма заманчивыя съ точки зрѣнія житейской предложенія: убѣждали его принять монашество, которое доставило бы ему вполнѣ обезпеченное положеніе, честь и славу; губернаторъ Щербининъ представлялъ ему на выборъ любое занятіе—но онъ опять отказался. „Милостивый Государь!—отвѣтилъ онъ ему—свѣтъ подобенъ театру; чтобы представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ, дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что я не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простого, безпечнаго, уединеннаго: я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ... Еслибы я почувствовалъ сегодня, что могу безъ робости рубить турковъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности есть удовольствіе“ (1-е отд., стр. 22). Самъ Ковалинскій дѣлаетъ по этому поводу еще нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, указывая, что Сковородѣ пришлось выдер-

жать здѣсь нѣкоторую внутреннюю борьбу. „Лѣта, дарованія душевныя, склонности природныя, житейскія звали его попеременно къ принятію какого либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда пловущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ. Въ монашествѣ, удалявшемся отъ начала своего, видѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву. Не тѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостяжанія, всѣ трудности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ любомудрію" (1-е отд., стр. 6—7). И если мы припомнимъ ученіе Сковороды о счастіи, то увидимъ, что онъ шелъ по тому пути, который указывалъ другимъ, взявъ на себя роль какъ бы праведника и руководителя болѣе слабыхъ. Онъ не разъ при этомъ сознавался, что нашелъ на этомъ пути то, чего искалъ, т. е. счастіе, хотя многіе склонны были считать его жизнь преисполненной всяческихъ бѣдствій и страданій. „Признаюсь, друзи мои, предъ Богомъ и предъ вами, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ трактатовъ, что въ самую сію минуту, въ которую съ вами бесѣдую, брошу нынѣшнее мое счастье, хотя въ немъ состарѣлся, и стану послѣднѣйшимъ горшечникомъ, какъ только почувствую, что доселѣ находился въ немъ безъ природы, имѣя сродность къ скудельничеству. Повѣрьте, что съ Богомъ будетъ мнѣ во сто разъ и веселѣе, и удачнѣе лѣпить одни глиняныя сковороды (намекъ на свою фамилію), нежели писать безъ натуры. Но доселѣ чувствую, что удерживаетъ меня въ семъ состояніи нетлѣнная рука Вѣчнаго. Лобызаю оную и ей послѣдую. Презираю всѣхъ постороннихъ совѣтниковъ безсовѣтіе. И если бы я ихъ слушалъ, давно бы сдѣлался врагомъ Господеви моему. А

нынѣ рабъ Его есмь" (2-е отд., стр. 119—120). Нѣкоторые (въ родѣ губернатора Щербинина) пускали въ ходъ доброжелательные совѣты; другіе же прямо осуждали ту жизнь, какую велъ Сковорода (говорили, что онъ ничего не дѣлаетъ и т. п.). И вотъ для опроверженія ихъ онъ выступаетъ съ двумя письмами, гдѣ развиваетъ свою *теорію „недѣланія"*, состоящую въ безпрерывномъ умственномъ трудѣ и внутренней работѣ сердца. „Мнози глаголютъ, пишетъ онъ Ковалинскому, что ли дѣлаетъ въ жизни Сковорода? Чѣмъ забавляется? Азъ же о Господѣ радуюся. Веселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ. Забава, (увеселеніе) римски oblectatio, еллински діатриба, словенски глумъ или глумленіе есть кориѳа и верхъ и цвѣтъ, и зерно человѣческія жизни. Она есть центръ каждыя жизни. Всѣ дѣла коеяжды жизни сюда текутъ, будто стебліе преобразуясь въ зерно. Суть нѣкіе безъ центра живущіи, будьто безъ гавани плывущіи. А я о растлѣнныхъ не бесѣдую. Своя коемуждо вѣдь забава мила. Азъ же поглумлюся въ заповѣдяхъ Вѣчнаго. Ты вѣси, яко люблю Его и яко онъ возлюбилъ мя есть. Речеши, како 10 заповѣдей довлѣютъ въ долголѣтнюю забаву! Тфу! Аще бы и сугубый Маѳусаиловъ вѣкъ, и тогда довлѣютъ. Ахъ! все омерзѣніемъ и во омерзѣніе исходитъ развѣ святыни. Ахъ! Не всуе Давидъ: *дивна* (де) *свидѣнія твоя.* Все предваряютъ, все печатлѣютъ, всякой кончины суть концомъ и останкомъ безъ мерзости. Вѣчная мати святыня кормитъ мою страсть. Я во вѣки буду съ нею, а она со мною. Вся бо преходятъ, любезная же любовь—ни! Кратко рещи, се есть діатриба и типикъ моей жизни. (2-е отд., стр. 46).

Въ письмѣ къ какому-то Артему Дорофеевичу Сковорода еще подробнѣе развиваетъ эту теорію (1779 г.). „Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ, пишетъ онъ: скажите мнѣ—что онъ тамъ (въ пустынѣ) дѣлаетъ?" Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣря, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я празденъ и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ Кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка, продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягать-

ся, портняжить, строиться, ловить звѣря? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда?.. Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы самихъ себя, за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущеся. Похожи на щоголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Коликая жъ намъ отсюду тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ коліосъ, одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такова, каковыя у шкорбутика или подагрика ноги или матрозскій алтына не стоющій козырекъ. Она въ насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ не довольна, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣдная, точно такая, какъ паціэнтъ изъ лазарета. Такая душа если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей?.. Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ. О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и нощь печется Сковорода. Онъ любитъ сей родъ блиновъ паче всего. Далъ бы по одному блину и всему Израилю, если бы былъ Давидомъ, какъ пишется въ книгахъ царствъ, но и для себе скудно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустынѣ [1]". Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о внутренней работѣ сердца, о такомъ самопознаніи, какому училъ въ своихъ трактатахъ Сковорода. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ въ письмѣ къ Ковалинскому Сковорода пишетъ: „Не орю убо, ни сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что! *Всегда благословяще Господа, поемъ Воскресеніе его.* Далѣе объяснивъ, что Воскресеніе—это Библія, Сковорода продолжаетъ: „тамо и самъ я покоюся, наслаждаюся, веселюся. Пою съ Марономъ: Deus nobis haec otia fecit—Богъ нашъ сіе

---

[1]) Рук. бк—и Имп. Харьк. Университета.

празднество даровалъ... (2-е отд., стр. 193). Сковорода такъ стремился къ внутреннему созерцанію и самопознанію, до такой степени отвлекался отъ всего земного и погружался въ духовное, что приходилъ въ состояніе глубокой радости, когда начиналъ говорить объ избранномъ имъ пути жизни. „Бесѣда двое" заканчивается такимъ именно сильнымъ лирическимъ заключеніемъ; это—радостная пѣснь души, страстно искавшей правды и нашедшей наконецъ высокую цѣль своего существованія. „Прощайте на вѣки дурномудрыя дѣвы, сладкогласныя сирены, съ вашими тлѣнными очами, съ вашею старѣющеюся младостью, съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашего рыданія исполненною гаванью. Пойте ваши пѣсни людямъ вашего рода! Не прикасается Израиль гергесеямъ. Свои ему поютъ пророки. Самъ Господь ему яко левъ возреветъ и яко вихрь духа возсвищетъ въ крылехъ своихъ и ужаснутся чади водъ... Радуйся кефо моя, Петре мой, гавань моя, гавань вѣры, любви и надежды! Вѣмъ тя, яко не плоть и кровь, но свыше рожденъ еси. Ты мнѣ отверзаеши врата во блаженное царство свѣтлыя страны. Пятьдесятое лѣто плаваю по морю сему и сего достигохъ ко пристанищу тихому въ землю святую, юже открылъ Господь Богъ мой. Радуйся градо-мати! Цѣлую тя, престоле любезныя страны, не имущія на путехъ своихъ бѣдности и сокрушенія, печали и воздыханія. Се тебѣ приношу благій даръ отъ твоихъ же вертоградовъ—кошницу гроздія и смоквей и орѣховъ, со хлѣбомъ Пасхи, въ свидѣтельство, яко путемъ праотцевъ моихъ внійдохъ въ обѣтованную землю" (2-е отд., стр. 80).

Извѣстно, что Сковорода остановилъ свой выборъ на страннической жизни, совершенно свободной отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, только по оставленіи харьковскаго коллегіума въ 1766 году, когда и занялся составленіемъ своихъ философскихъ трудовъ, которые окончательно убѣдили его въ томъ, что онъ избралъ себѣ вѣрный путь. Тогда наступила полная гармонія слова и жизни. Но эта жизнь требовала подъема духа, ибо была постояннымъ, безпрерывнымъ *подвигомъ*, сама осуществляла ту борьбу плоти съ духомъ, о которой проповѣдывалъ Сковорода. Она приводила подъ часъ Сковороду въ со-

стояніе религіознаго экстаза, возбужденія; отсюда вытекали его сны и видѣнія. И тѣ, и другія имѣютъ чисто психологическое объясненіе; они свидѣтельствуютъ не о мистицизмѣ его (который можетъ быть разсудочнаго происхожденія и примиряться съ холодностью чувства), а съ искреннимъ, глубокимъ экстазомъ на религіозной почвѣ. Въ такомъ состояніи духа онъ создалъ между прочими и свою „Борьбу архистратига Михаила съ сатаною", гдѣ внутренняя борьба въ человѣкѣ двухъ теченій жизненнаго пути (спасительнаго и мірскаго) воплотилась въ образахъ и фигурахъ, имѣющихъ исключительно аллегорическое значеніе. И вотъ здѣсь то Сковорода изобразилъ и самого себя, какъ человѣка, избравшаго правый, истинный путь. Это путь душевнаго *мира*, которымъ, говоритъ здѣсь Рафаилъ, пошелъ и Варсава (такъ называлъ себя Григорій Саввичъ). „Сей есть путь царскій, путь верховный, путь горній. Симъ путемъ Енохъ, Илія, Аввакумъ и Филиппъ восхищены, не обрѣтошася въ мірѣ. Симъ путемъ вошелъ на гору Авраамъ вознести въ жертву Исаака и пріялъ отъ Бога печать вѣры. Симъ путемъ возшелъ на гору Фасга Моисей и упокоился. Симъ путемъ шествуетъ весь Израиль во обѣтованную землю. Симъ путемъ возшелъ въ Сіонъ Давидъ, насытился священныхъ хлѣбовъ, раздавъ и сущимъ съ нимъ по сковрадному блину. Симъ путемъ восходитъ въ горняя Маріамъ, цѣлуетъ Елисавету и ублажается. Симъ путемъ восходятъ на гору Галилейскую апостолы и видятъ свѣтъ Воскресенія. Сей есть путь субботный, разумный, мирный... Сей путь есть радостенъ, но пустъ, пустъ, но радостенъ и внѣ его нѣсть спасенія; пустъ же, яко людемъ избраннымъ точно отверстъ міръ мнитъ его быти пустымъ, сирѣчь, суетнымъ. Сіе есть клевета. Мнитъ же его паки быти горнимъ, сирѣчь, горькимъ. И сіе клевета. Гора значитъ превосходство, не трудъ и горесть. Горе глаголющимъ сладкое горькое и вопреки (2-е отд., стр. 202—203). Нѣсколько раньше мы находимъ изображеніе жизни и душевнаго состоянія этого путника—Варсавы, т. е. Сковороды. „Любезная моя братія! говоритъ архангелъ Гавріилъ ангеламъ. Отвратите отъ содомлянъ ангельскія очи ваши и призрите на грядущаго предъ вами странника сего на землѣ. Онъ шествуетъ

со жезломъ веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣваетъ; пришлецъ азъ есмь на землѣ... Воспѣвая обращаетъ очи то на десно, то налѣво, то на весь горизонтъ, почиваетъ то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленой, вкушаетъ пищу безприправную, но самъ онъ ей, какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно и тѣми же Божіими видѣніями во снѣ и внѣ сна наслаждается. Возстаетъ заутра свѣжъ и исполненъ надежды, воспѣвая Исаіевскую пѣснь: *взалчутъ юнѣйшіе и утрудятся юноты и избранныи не крѣпцы будутъ; терпящіи же Господа обновлятъ крѣпость, окрылатѣютъ, яко орлы, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не взалчутъ.* День его вѣкъ ему и есть яко тысяща лѣтъ и за тысящу лѣтъ нечестивыхъ не продастъ его. Онъ по міру паче всѣхъ нищій, но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ веселіе сердца, животъ человѣку, жезлъ его есть Господь страстей и вожделѣній его и радости его никтоже возьметъ отъ его. Досталъ онъ сей миръ, не яко же міръ доставать обыче. Онъ возлюбилъ путь и славу Божію. Сей есть истинный миръ и животъ вѣчный, а вѣсть его благовѣстіе. *Да слышитъ земля глаголы устъ моихъ!* Сей странникъ бродитъ ногами по землѣ; сердце же его съ нами обращается на небесѣхъ и наслаждается. *Праведныхъ души въ руцѣ Божіей*, у безумныхъ почитаются погибшими и заблудшими; *оны же суть въ мирѣ.* Хотя тѣлесныя наличности досаждая безпокоятъ, но сей уронъ со излишкомъ награждаетъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено и воцарившійся Господь въ нихъ во вѣки. Не слышите ли, что сей пѣшеходецъ поетъ? Какъ не слышать, воскликнули архангелы. Онъ руками машетъ и поетъ пѣснь сію; *на пути свидѣній твоихъ насладихся, яко во всякомъ богатствѣ.* Онъ единъ намъ есть милѣйшій *позоръ* паче всѣхъ содомлянъ. Мы же его познали. Сей есть другъ нашъ: Даніилъ Варсава" (2-е отд., 200—201). Здѣсь мы находимъ чрезвычайно важное признаніе Сковороды о томъ, какое счастіе доставлялъ ему сознательно избранный имъ путь матеріальныхъ лишеній, бѣдности, простоты, странничества.

О томъ, какъ произошелъ въ немъ этотъ внутренній переломъ, этотъ окончательный и безповоротный выходъ на новую

дорогу, самъ Сковорода разсказывалъ своему ученику и другу Ковалинскому такъ: избѣжавши моровой язвы въ Кіевѣ и поселившись послѣ этого въ ахтырскомъ монастырѣ, имѣя разженныя мысли и чувствіе души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано пошелъ я въ садъ прогуливаться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я въ сердцѣ моемъ, была нѣкая развязность, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутрь себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя моя возгорѣлась огнемъ и, казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкіимъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонію во весь составъ мой. Я проникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе Духу Божію". Ковалинскій отъ себя прибавляетъ, что до этого момента сердце Сковороды почитало Бога, аки рабъ; съ этихъ же поръ возлюбило его, аки другъ (1-е отд., стр. 28). Здѣсь, въ этомъ признаніи, мы имѣемъ исторію душевнаго переворота въ Сковородѣ, причемъ точно указывается и моментъ событія (дѣло происходило въ 1770 г.), и ближайшій поводъ къ нему (перстъ Божій, спасшій его отъ кіевской чумы). По прошествіи 24 лѣтъ (въ годъ своей смерти въ 1794 г.) Сковорода передавалъ этотъ разсказъ Ковалинскому съ особеннымъ чувствомъ, давая понять, какъ близокъ къ намъ Богъ, какъ Онъ заботится о насъ, хранитъ насъ, подобно тому какъ кокотъ своихъ птенцовъ, собравъ ихъ подъ свои крылья, если только мы не удаляемся отъ него во мрачныя желанія нашей растлѣнной воли. Ковалинскій, съ своей стороны, въ объясненіе этого явленія, вспоминаетъ разсказы Ксенофонта и Пла-

тона о геніѣ Сократовомъ, т. е. внутреннемъ тайномъ, необъяснимомъ побужденіи, которому онъ слѣдовалъ. Сковорода также вѣрилъ въ такого генія или Минерву. Онъ пріучалъ себя во всѣхъ дѣяніяхъ жизни придерживаться тайнаго гласа внутренняго, невидимаго и неизъясняемаго мановенія духа, которое есть гласъ воли Божіей и которое люди чувствуя втайнѣ и послѣдуя движенію его ублажаются, не повинуясь же побудителю сему и не памятуя онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайнаго руководительства сего, возбуждалъ вниманіе въ другѣ своемъ и въ притчахъ къ сему святилищу внутреннія силы Божія и часто приглашалъ прислушиваться изреченіямъ сего прорицалища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ, яко друга, въ развращенныхъ, яко судіи, въ непокорливыхъ, яко мстителя. Онъ называлъ его тѣмъ первобытнымъ закономъ человѣковъ, о которомъ говоритъ Св. Писаніе: нетлѣнный Духъ Твой есть во всѣхъ... Онъ утверждалъ, что Сей былъ тотъ самый геній, которому послѣдуя во всемъ добродушный Сократъ, яко наставнику своему, достигъ степени мудраго, т. е. счастливаго". (1-е отд., стр. 16—17). Ковалинскій къ этому прибавляетъ, что Геній—это разумная внутренняя сила человѣка; другіе подразумѣваютъ подъ нимъ изощренное чувствованіе добра и зла. У Сковороды это было соединеніе того и другого. Создавъ своимъ разумомъ себѣ міровоззрѣніе, Сковорода окончательно укрѣпилъ его въ себѣ чувствомъ, обратилъ его въ религію, которою весь проникся и которую сдѣлалъ единственною цѣлью своей жизни. На ней сосредоточились всѣ его душевныя силы—вообpаженіе, мысль, чувство и воля. И такъ какъ все это было направлено къ внутреннему самопознанію, къ отысканію внутри себя Верховной Силы, съ волей которой онъ хотѣлъ совершенно слить свою собственную, то естественно, что онъ, подобно Сократу, пріобрѣлъ привычку постоянно прислушиваться къ голосу своей совѣсти, особенно въ такихъ случаяхъ, когда въ немъ самомъ происходила борьба побужденій, стремленій и желаній. Прекрасной иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій разсказъ о Сократѣ, когда его осудили на

смерть и друзья совѣтовали, чтобы онъ написалъ оправдательную рѣчь, онъ отвѣтилъ: „я нѣсколько разъ принимался ее писать, но Геній всегда мнѣ въ томъ препятствовалъ. Можетъ быть угодно Богу, чтобы я умеръ нынѣ легкою смертью, пока не прійду въ многоболѣзненную и немощную старость“ (1-е отд., стр. 28).

Жизнь Сковороды представляетъ, можно сказать, идеальное соотвѣтствіе съ требованіями его ученія безъ малѣйшихъ отступленій отъ него даже въ самыхъ незначительныхъ неважныхъ подробностяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сдѣлаемъ систематическія сопоставленія его ученія и жизни. *Общій смыслъ жизни* Сковороды, какъ это мы только что видѣли, вполнѣ сходится съ сущностью его ученія. Тоже самое нужно сказать относительно отдѣльныхъ сторонъ его міросозерцанія. Намъ извѣстно уже, что онъ отвелъ Библіи первое мѣсто среди источниковъ познанія. И въ жизни онъ также не разставался съ этою книгой никогда, зналъ ее изумительно (и при томъ въ подлинникѣ); она была для него главнѣйшимъ основнымъ источникомъ, предметомъ постояннаго изученія и размышленія; онъ вникалъ во всѣ тонкости ея текста, толковалъ ихъ и заявлялъ, что въ самомъ простомъ на видъ ея изреченіи скрывается часто глубокій смыслъ. „Библія, говоритъ онъ, есть нашъ верховнѣйшій другъ и ближній, приводя насъ къ тому, что есть единое дражайшее и любезнѣйшее. Она есть для насъ предками нашими оставленный завѣтъ, хранящій сокровище Боговидѣнія. Боговидѣніе, вѣра, страхъ Божій, премудрость есть одно и тоже. Все это истинная премудрость“. „Простите, други мои, говоритъ Сковорода въ своемъ трактатѣ о душевномъ мирѣ, чрезмѣрной моей склонности къ сей книгѣ (т. е. Библіи). Признаю мою горячую страсть. Правда, что изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и маніе влечетъ меня къ нравоучительнымъ книгамъ и я ихъ паче всѣхъ люблю; они врачуютъ и веселятъ мое сердце, а Библію началъ читать около 30 лѣтъ рожденія моего, но сія прекраснѣйшая для меня книга надъ всѣми моими полюбовницами (т. е. другими любимыми книгами) верхъ одержала, утоливъ мою долговременную алчбу и жажду хлѣбомъ и

водою, сладшайшей меда и сота Божіей правды и истины, и чувствую особливую мою къ ней природу. Убѣгалъ, убѣгаю и убѣжалъ, за предводительствомъ Господа моего, всѣхъ житейскихъ препятствій и плотскихъ вожделѣній, дабы могъ спокойно наслаждатись въ пречистыхъ объятіяхъ краснѣйшей паче всѣхъ дщерей человѣческихъ Сей Божіей дщери. Она мнѣ изъ непорочныхъ ложеснъ своихъ родила того чуднаго Адама, кой, какъ учитъ Павелъ, *созданный по Бозѣ, въ правдѣ и преподобіи истины*, и о коемъ Исайя говоритъ: *родъ же его кто исповѣсть?* Никогда не могу надивиться пророческой премудрости. Самые праздные въ ней тонкости для меня кажутся очень важными. Такъ всегда думаетъ влюбившійся. Премногіе никакого вкуса не находятъ въ сихъ словахъ—*Веніаминъ волкъ хищникъ: рано ястъ еще и на вечеръ даетъ пищу*; *очи твои на исполненіяхъ водъ*—а мнѣ они несказанную въ сердце вливаютъ сладость и веселіе, чѣмъ чаще ихъ отрыгая жваніе жую. Чѣмъ было глубочае и безлюднѣе уединеніе мое, тѣмъ счастливѣе мое сожительство съ сею возлюбленною въ женахъ, и симъ Господнимъ жребіемъ я доволенъ. Родился мнѣ мужескъ полъ, совершенный и истинный человѣкъ, умираю не безчаденъ. И въ семъ человѣкѣ похвалюся, дерзая съ Павломъ: *не всуе текохъ*. Се то тотъ Господенъ человѣкъ, о коемъ писано: *не отемнѣютъ очи его*" (2-е отд., стр. 110—111). И дѣйствительно, занятія Библіей были для Скороводы умственной работой всей его жизни; къ ней направлялось все его философское любомудріе; она въ тоже самое время была для него и единственнымъ источникомъ познанія, ибо это послѣднее онъ отождествлялъ съ Богопознаніемъ, она была и цѣлью, и средствомъ познанія, она была сама истина, которую человѣкъ долженъ въ ней познавать посредствомъ разума и вѣры.

Выше мы познакомились съ ученіемъ Сковороды о счастіи а указавъ, какой жизненный путь онъ сознательно выбралъ себѣ самъ, могли убѣдиться, что и тутъ было полнѣйшее соотвѣтствіе: Сковорода основалъ *свое* счастіе на внутреннемъ самопознаніи, на своемъ душевномъ мирѣ; и тутъ на немъ самомъ оправдалась (по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени) справедливость

его теоріи, которая съ перваго взгляда кажется только афоризмомъ (что истинное счастіе не трудно, ибо оно нужно всякому). Говоримъ „оправдалось", потому что онъ несъ бремя жизни легко, никогда не отступая въ сторону отъ своего пути, и не только не жаловался на свою судьбу, но, наоборотъ, постоянно до глубокой старости и смерти былъ доволенъ и счастливъ, живя съ сознаніемъ, что избранный имъ путь былъ для него единственно правильный. Это былъ путь бѣдности и всяческихъ матеріальныхъ лишеній. Сковорода проповѣдывалъ необходимость освобожденія отъ тѣхъ путъ, которыя всецѣло захватываютъ человѣка и дѣлаютъ его рабомъ своимъ (богатство, почести, знатность рода), и самъ буквально все это примѣнилъ къ себѣ: его не соблазнили ни перспектива виднаго общественнаго положенія, ни даже тѣ обычныя удобства житейской обстановки, которыя могутъ быть оправданы какою угодно системою нравственности, между тѣмъ отказъ отъ нихъ очень труденъ и даетъ себя безпрерывно чувствовать. Всякій человѣкъ имѣетъ право на свой домашній уголъ, на семью, на необходимыя средства для своего пропитанія. Сковорода, нисколько не возставая противъ всего этого, самъ добровольно отказался отъ нихъ, чтобы лучше сохранить необходимую свободу духа и дѣятельности. Такимъ образомъ, и здѣсь онъ шелъ не обычнымъ путемъ, а путемъ тяжелого, съ нашей точки зрѣнія, подвига. Отставъ отъ учительской должности въ Переяславѣ, онъ скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно переносилъ недостатки, „имѣя тогда только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотовый кафтанъ, одни башмаки, одни черные гарусные чулки" (1-е отд. стр. 4). Получивъ мѣсто учителя въ харьковскомъ коллегіумѣ (въ 1759 г.), Сковорода „одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ, состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ воздержанъ,

цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожность безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести" (Ib. стр. 10-я). Въ этихъ словахъ ученика Сковороды Ковалинскаго онъ выступаетъ передъ нами, какъ живой. Здѣсь всякая фраза, всякое слово рисуетъ намъ или образъ жизни его, или нравственную физіономію, или характеръ. Въ своемъ образѣ жизни онъ не былъ аскетомъ; его вегетаріанство (употребляемъ современный терминъ) не было ни результатами суевѣрія, ни внѣшнимъ флагомъ его ученія; онъ относился къ этому дѣлу просто, здраво, разумно, безъ фанатизма: „не ѣлъ рыбы и мяса по внутреннему расположенію", говоритъ Ковалинскій, и этимъ сказано все; т. е. самъ не чувствовалъ къ нимъ вкуса, но не считалъ ихъ вредными для всѣхъ, какъ это проповѣдуютъ современные вегетаріанцы. Еще вступая въ должность учителя харьковскаго коллегіума, онъ не захотѣлъ брать причитающагося ему жалованья, полагая, что удовольствіе, которое онъ находитъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду; сдѣлавшись же странникомъ, онъ окончательно отказался отъ денегъ, и такимъ безсребренникомъ оставался до конца дней своихъ. Когда въ 1794 г. ученикъ и другъ его Ковалинскій, у котораго онъ гостилъ нѣкоторое время, провожалъ его въ Украйну и хотѣлъ дать ему на дорогу денегъ (а предстоялъ ему, 74 лѣтнему больному старцу, не малый путь изъ Орловской губерніи въ Харьковскую [1]), Сковорода рѣшительно отказался. „Напутствуя его

---

[1]) Обыкновенно Григорій Саввичъ ходилъ пѣшкомъ; но тутъ путь былъ слишкомъ великъ—и онъ поѣхалъ, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ себя нездоровымъ. О его страсти къ пѣшему хожденію свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ. Въ одно время по большой дорогѣ возвращался изъ Воронежа помѣщикъ Тевяшовъ (пріятель Григорія Саввича, у котораго тотъ подолгу проживалъ) въ свое имѣніе въ каретѣ и видитъ по дорогѣ пѣшеходца, въ которомъ, къ удовольствію своему, узнаетъ Григорія Саввича, идущаго съ своей вѣчной котомкой и палкой, къ нему въ

всѣмъ потребнымъ, разсказываетъ Ковалинскій, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чемъ ѣхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ надобности, нужный запасъ, говоря: „возьмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить"... „Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ. Неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное во благовременность?" Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ. (1-е отд., стр. 38). Но и здѣсь опять таки не было отрицанія общественной необходимости денегъ, какъ видно изъ объясненія самого Сковороды (на которомъ мы остановимся далѣе при разборѣ обвиненій его въ Манихейской ереси); онъ только примѣнялъ это требованіе къ себѣ, потому что выбралъ роль бѣдняка голыша нищаго. Но подобно тому, какъ Сковорода не былъ проповѣдникомъ аскетизма, такъ и въ своей личной жизни онъ не былъ аскетомъ. Онъ, правда, ѣлъ умѣренно и по большей части простую крестьянскую пищу, но не изнурялъ себя голодомъ; онъ былъ противъ пьянства, какъ излишества, но, какъ въ письмѣ къ Тевяшову, хвалилъ древне-римскія пирушки, приправленныя мудрой бесѣдой, такъ и самъ не отказывался отъ нихъ, когда его приглашали къ себѣ добрые друзья и знакомые по случаю различныхъ радостныхъ событій своей жизни—именинъ, свадебъ и т. п. Мало того: тѣже близкіе къ нему люди постоянно доставляли ему подарки, выражая этимъ свое расположеніе къ

гости. Добрый помѣщикъ несказанно обрадовался этой встрѣчѣ и хотѣлъ усадить Сковороду съ собой въ карету, чтобъ ѣхать вмѣстѣ, но никакъ не могъ его въ томъ убѣдить. „Ни пане, не треба мени прывыкать къ сёму, се—мое, а то—твое изжай соби зъ Богомъ, я ще може дожену тебе—онъ тамъ на горци". Между тѣмъ въ это время наступала грозная туча съ бурей, обѣщавшая проливной дождь, и дѣйствительно Сковорода догналъ Тевяшова и, къ удивленію послѣдняго, былъ весь сухъ, тогда какъ небыло по дорогѣ мѣста, гдѣбы укрыться отъ дождя. Какъ это ты, Григоріи Саввичъ, ухитрился укрыться отъ дождя, спросилъ его Тевяшовъ? Эге! Я жъ знявъ зъ себе жупанъ и черевыкы и шапку и все те въ суму заховавъ, а якъ перейшовъ дожжичокъ, я и надивъ все сухе и, якъ казавъ, догнавъ тебе; не дурно пословыця каже: „*швыдко поидешь, недалеко уидешъ*" (Григорій Саввичъ Сковорода. Біографическій очеркъ—въ Ворон. Литерат. Сборникѣ, изд. Н. Гардениным. Подъ редакціей П. Малыхина; вып. I-й Вор. 1861 г., стр. 252—253).

нему; такъ, Ковалинскій и жена его посылали ему музыкальные инструменты, очки, книги и трубку (значитъ, Сковорода курилъ), сыръ, рыбу, платочки; харьковскій купецъ (бывшій потомъ городскимъ головою), Е. Е. Урюпинъ, принималъ его у себя въ домѣ, сдѣлалъ пиръ, а потомъ снабдилъ его на дорогу виномъ въ бочоночкѣ (другой бочоночекъ далъ ему Дубравинъ [1]); свящ. Іакова Правицкаго Григорій Саввичъ просилъ о присылкѣ ему Бабаевскаго (домашняго) пива, очковъ, зимнихъ сапогъ (котовъ) и, наконецъ, лимоновъ и ягоднаго соку; въ этомъ послѣднемъ онъ нуждался по случаю болѣзни (горячки), остатки которой мучили его въ это время [2]). Чистымъ источникомъ неизсякаемыхъ радостей была для Г. С. Сковороды природа, на лонѣ которой онъ проводилъ большую часть своего времени. Онъ не любилъ, какъ мы видѣли, городовъ и предпочиталъ имъ села, но и въ этихъ послѣднихъ выбиралъ „пустыни", т. е. самыя уединенныя мѣста—лѣса, сады, пасѣки и т. п. Вотъ стихотвореніе несомнѣнно автобіографическаго характера; въ немъ Сковорода изображаетъ собственную жизнь въ обычной деревенской обстановкѣ: „о селянскій, милій, любый мой покою, всякій печали лишенный! О источниковъ шумъ журчащихъ водою, о лѣсъ земный, прохлажденный, о шумящи кудри волосовъ древесныхъ, о на лукахъ зелень красна, о самота-мати ради душъ небесныхъ, о сумна тихость ужасна, гдѣ развѣ гласъ только птичое даетъ волѣ да сопѣлка пастухова, какъ вигонитъ овцы въ благовонне поле или въ домъ пригонитъ знова! О мой столикъ малій, ни скупъ ни излишній стравами (кушаньями) селскими набратій! Ни тѣ, чтобъ господскій раздражнить вкусъ пишній, кухарь присмачилъ (сдѣлалъ вкуснѣе) нанятій, но что синамъ зъ батькомъ, наспѣвшимъ зъ орання сама варитъ мати въ домѣ! О библіотеко ты моя избранна, о немногимъ книги чтомы"! (2-е отд., стр. 289—290). Практика *воспитанія* Сковороды находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его теоріей. Въ такомъ духѣ онъ воспитывалъ своего питомца Василія Томару и особенно Мих. Ковалинскаго,

---

[1]) Эти бочоночки подали потомъ поводъ къ превратнымъ толкованіямъ.

[2]) Письма Г. С. Сковороды къ свящ. Правицкому, стр. 13, 21, 10.

въ такомъ духѣ онъ велъ преподаваніе и въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. „Сковорода, поселившись у Тамары, началъ раньше воздѣлывать сердце воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ ращеніи направленіи легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію“ (1-е отд., стр. 4—5). Къ Ковалинскому онъ всецѣло примѣнилъ свою педагогическую теорію: заботился и объ его здоровьѣ [1]), обращалъ вниманіе на эстетическую сторону его развитія, но главное, дѣйствовалъ развивающимъ образомъ на его умъ и сердце. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Ковалинскій: „Григорій (Саввичъ) часто началъ посѣщать его и, по склонности молодого человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговору и нравоученію, открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, какого желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа“ (1-е отд., стр. 12). Сковорода хотѣлъ сдѣлать изъ Ковалинскаго своего ученика и послѣдователя—и достигъ этого. Объ этомъ категорически свидѣтельствуютъ съ одной стороны самъ Ковалинскій, а съ другой—письма къ нему Сковороды, раскрывающія передъ нами во всѣхъ подробностяхъ этотъ процессъ нравственнаго перерожденія ученика подъ вліяніемъ учителя (на этомъ мы еще остановимся ниже). Ковалинскій былъ не только ученикомъ Сковороды по Харьковскому Коллегіуму, но и его интимнымъ питомцемъ, котораго онъ полюбилъ сразу, и эта любовь, съ теченіемъ времени, только усиливалась; другіе ученики Сковороды по Коллегіуму, конечно, стояли отъ него несравненно дальше, но и къ нимъ онъ примѣнялъ свою систему нравственнаго воспитанія, открывъ для нихъ курсъ христіанскаго добронравія, въ которомъ кратко изложилъ сущность своего христіанско-философскаго міросозерцанія. Наконецъ, тѣже идеи онъ проповѣдывалъ и впослѣдствіи, оставивъ педагоги-

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ писемъ его къ Ковалинскому; 1-е отд., стр. 76—78, ср. также 70.

ческую дѣятельность въ Коллегіумѣ и сдѣлавшись странствующимъ народнымъ учителемъ въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. И здѣсь онъ оставался наставникомъ, учителемъ съ тою только разницею, что наставлялъ не дѣтей, не юношей, а взрослыхъ. Характерною особенностью его педагогическихъ пріемовъ было то, что онъ не подлаживался подъ вкусы и привычки своихъ слушателей, а, наоборотъ, всѣмъ, всегда и вездѣ, прямо и открыто излагалъ свои мнѣнія, изобличалъ заблужденія и предразсудки. И понятно, почему швейцарцу Вернету такая прямая откровенность рѣзкая проповѣдь истины представлялась неудобной; по его мнѣнію, истина должна быть всегда прикрыта пріятною завѣсою.

Но Сковорода, со своимъ прямодушіемъ и чистосердечіемъ, былъ далекъ отъ всякой искусственности и фальши. Онъ говорилъ и дѣлалъ то, что думалъ и чувствовалъ. Такъ онъ поступалъ и въ самомъ святомъ дѣлѣ своей жизни—*религіи*. Здѣсь опять онъ жилъ такъ, какъ училъ. Въ ученіи своемъ онъ, какъ мы знаемъ, постоянно обращалъ вниманіе на внутреннюю сторону христіанства, указывалъ и здѣсь, какъ вездѣ, на превосходство духа надъ внѣшностью, обрядомъ, церемоніей. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ этого слова духовнымъ христіаниномъ, постоянно всѣмъ сердцемъ своимъ стремившимся къ Богу. „Въ лишеніяхъ своихъ, говоритъ Ковалинскій, призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвленіи самопроизволенія духа, т. е. побужденій отъ себя происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагаго и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ. Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзать господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности“ (1-е отд., стр. 11). Ночью онъ отдыхалъ отъ своихъ глубокихъ размышленій; легкій, тихій сонъ укрѣплялъ его силы, изнуренныя дневными подвигами. Полунощное время онъ всегда посвящалъ молитвѣ, которая протекала въ глубокомъ сосредоточеніи чувствъ и безмолвіи природы и потому сопровождалась богомысліемъ. Ковалинскій очень картин-

но рисуетъ внутреннюю борьбу, происходившую при этомъ въ Сковородѣ. „Тогда онъ, говоритъ К., собравъ всѣ чувства и помышленія въ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: возстаните лѣнивіи и всегда низу поникшіи ума моего помыслы! Возьмитеся и вознеситеся на гору вѣчности. Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержателемъ вѣка—свѣтскимъ разумомъ, собственными бренности человѣческой слабостями и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее, возстать на престолѣ свободы ея и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездесущему, вся исполняющему и заставляю его облещись во вся оружія Божія, дабы возмощи ему стати противу кознемъ лжемудрія. Какое бореніе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятешася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству? Тако за полунощные часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою. Сей былъ образъ жизни его“. Таково было недѣланіе Сковороды. „Можно было жизнь Сковороды назвать жизнію“. Такимъ характеромъ отличалось пустынножительство, отшельничество, монашество Сковороды.

Но это была только одна половина его жизни, посвященная внутреннему самопознанію и созерцанію, непосредственному обращенію къ Богу. Другая была направлена къ общенію съ людьми и проповѣди имъ тогоже вѣчнаго духа, Бога, къ которому стремился онъ самъ. Тамъ Сковорода исполнялъ заповѣдь любви къ Богу, тутъ другую заповѣдь—любви къ ближнему. Этимъ чувствомъ руководился онъ, посѣщая больныхъ, обращая на путь правды и добра заблудившихся. Отшельникъ въ немъ соединялся съ проповѣдникомъ нравственности. Сосредоточившись исключительно на такомъ чисто духовномъ Богo-

познаній, возбудивъ всѣ свои чувства и помышленія къ служенію этому невидимому Духу, по себѣ только считая обряды формою, подъ которою должна скрывать ея внутрення сила, Сковорода лично самъ не придерживался ихъ, и это потому что усвоилъ себѣ другой путь—прямого внутренняго непосредственнаго общенія съ Богомъ. Конечно, онъ не удовлетворялъ въ данномъ случаѣ требованіямъ обычной православной ортодоксальности. „Сковорода думалъ, что совершенство человѣка состоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительны къ слову, а царствіе Божіе есть въ силѣ или въ дѣлѣ. (1-е отд., стр. 13—14). Стараясь подъ буквальнымъ смысломъ вездѣ открыть высшій духовный, Сковорода вносилъ это аллегорическое толкованіе въ объясненіе таинствъ и разныхъ библейскихъ повѣствованій; съ этой точки зрѣнія онъ объяснялъ таинство евхаристіи, воскресеніе мертвыхъ, судъ Божій, адъ, рай. Вотъ какъ понималъ онъ воскресеніе и судъ Божій. Грядетъ часъ и *нынѣ есть*, егда мертвіи услышатъ гласъ сына Божія и слышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ часъ есть, то почто на утріе на тысящу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе, судъ, гласъ Сына Божія? Нося уже въ себѣ огнь неугасаемый мучительныхъ желаній и чувствій и червь неусыпаемый угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія не слышится въ насъ еще, что труба Божія не низвела еще къ намъ судію страшнаго, праведнаго, судящаго якоже слышитъ онъ сердце наше?“ (1-е отд., стр. 20). „Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы мѣру и число дѣла человѣческія и судъ Божій. Другъ мой! Величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня; зажги огнь—тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои, возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели—тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погаси огнь,—тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію:

се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него? Нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огнь и жупелъ, духъ будетъ, часть чаши ихъ" (1-е отд., стр. 36—37). Аллегорическому толкованію Преображенія и Воскресенія Господня Сковорода посвятилъ двѣ проповѣди, которыя цѣликомъ вошли въ его „Потопъ зміинъ". Злые духи, съ сатаною во главѣ,— это, по мнѣнію Сковороды, злыя, т. е. плотскія наши мысли, и онъ картинно изобразилъ борьбу въ человѣкѣ этихъ добрыхъ и злыхъ мыслей, ангельскаго и діавольскаго сердца въ своемъ произведеніи „Борьба архистратига Михаила съ сатаною". Грѣхи— это наши страсти; чистосердечіе и спокойствіе—это добродѣтели. (2-е отд., стр. 192). Въ письмѣ къ нѣкоему Кириллу[1]) онъ говоритъ: все оставляю и оставилъ и въ теченіе всей своей жизни намѣренъ только стремиться къ тому, чтобы уразумѣть, что такое смерть Христова, что означаетъ воскресеніе, ибо никто не можетъ возстать со Христомъ, если раньше не умретъ съ нимъ. Намъ снится, что мы постигли высоту священнаго писанія, между тѣмъ, какъ мы не знаемъ, что такое крещеніе и причащеніе[2]), хотя эти таинства и считаются понятными для всякаго. Не слѣдуетъ искать Господа только въ храмѣ: онъ близъ насъ, съ нами, внутри насъ; Духъ святой внутри насъ, будучи стражемъ всего добраго и дурнаго; нѣтъ добраго человѣка, у котораго не было бы Бога въ сердцѣ.

Въ церковь Сковорода обыкновенно не ходилъ, но молился всякую ночь въ глубокомъ уединеніи, устремляя свои помыслы къ невидимому Богу. Это отрицаніе обрядовъ и таинствъ сближаетъ какъ бы Сковороду съ сектантами; но, на самомъ дѣлѣ онъ чувствовалъ глубокое внутреннее нерасположеніе ко всякому сектанству и при томъ даже въ его *идеѣ*, ибо оно ско-

---

[1]) 1-е отдѣленіе, стр. 54—55.

[2]) См. объ этомъ латинское стихотвореніе Сковороды, сущность котораго заключается въ слѣдующихъ стихахъ. „Frustra corpus edit, qui in corpore sistit edendo, qui nec ut ad mentem progrediatur edit,... sume mihi cum Carne Animum, Carissime, Christi et sic cum Domino Spiritus unus eris. (Ibidem. 79, 80); ср. также 58-е письмо, стр. 93.

вывало человѣка опредѣленными формами, противъ которыхъ онъ боролся всю свою жизнь. Въ этомъ отношеніи между нимъ и основателями русскаго раскола цѣлая пропасть. Тѣ готовы были душу свою положить за единую букву *азъ*, между тѣмъ какъ Сковорода доказывалъ, что познаніе Бога и правды доступно не только всѣмъ безъ различія христіанамъ, но и нѣкоторымъ лучшимъ представителямъ стараго классическаго язычества. У Сковороды вовсе не было религіозной нетерпимости, фанатизма и исключительности: наоборотъ онъ вооружался противъ нихъ чрезвычайно горячо и рѣзко въ своихъ сочиненіяхъ; онъ ихъ отождествлялъ съ суевѣріемъ и считалъ не менѣе вреднымъ явленіемъ, чѣмъ и безвѣріе. „Благочестивое сердце, по его словамъ, между высыпанными курганами буйнаго безбожія и между подлыми болотами рабострастнаго суевѣрія, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво, прямо течетъ на гору Божію". Секты, по его словамъ, происходятъ изъ суевѣрій. „Изъ суевѣрій, говоритъ онъ, родились вздоры, споры, секты, вражды междоусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи пр." (2-е отд., стр. 252—253). Сковорода, можно сказать, не отрицалъ таинствъ и обрядовъ въ ихъ сущности, а только старался найти въ нихъ высшій смыслъ и значеніе, понималъ ихъ духовно, аллегорически, т. е. относился къ нимъ такъ, какъ и къ Библіи вообще. Это не было, такимъ образомъ, настоящее принципіальное отрицаніе или разореніе закона, а только пополненіе его. Такъ онъ самъ смотрѣлъ на это дѣло. „Многіе, говорилъ Сковорода, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клевещутъ, якобы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдую въ оной духовный разумъ, чувствую Богописанный законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю, ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и священное писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то симъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слова сей исторіи есть духъ воина, дѣла его... Но историческіе хрис-

тіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человѣки, духа не имуще, хулятъ то, чего не разумѣютъ" (1-е отд., стр. 34, 36). Правда лично для себя онъ не считалъ необходимымъ внѣшнихъ формъ Богопочитанія; но это потому, что онъ всецѣло предался, посвятилъ себя внутреннему непосредственному общенію съ Божествомъ, что, конечно, было доступно только такимъ исключительно религіознымъ людямъ, какимъ былъ онъ. Но и въ этомъ *личномъ* отрицаніи обрядности была огромная разница между Сковородой и сектантами: онъ не увлекался духомъ отрицанія и не дѣлалъ изъ него *сущности* своей религіозной системы или даже знамени его, какъ это мы видимъ у многихъ изъ нихъ. И тутъ онъ оставался въ высокой степени послѣдовательнымъ: еслибы отрицаніе обрядности онъ возвелъ въ своего рода культъ, онъ бы этимъ самимъ придалъ ей такое важное значеніе, какого она отнюдь не имѣла въ его глазахъ, онъ бы сталъ въ противорѣчіе съ основами своего міросозерцанія. Но онъ этого не сдѣлалъ и остался вѣренъ себѣ и въ данномъ случаѣ также точно, какъ былъ послѣдователенъ въ отношеніи къ вегетаріанству. Прекрасной иллюстраціей къ этому могутъ послужить три случая изъ его жизни, которые отнюдь не являются доказательствомъ его непослѣдовательности или слабости характера, а наоборотъ ярко рисуютъ его высоко нравственную личность и свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи въ немъ религіознаго фанатизма, исключительности. „Нѣкогда, разсказываетъ Баталинъ, Григорій Саввичъ Сковорода жилъ въ Острогожскѣ. Въ это время прибылъ туда преосвященный Тихонъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, Г. С. всячески избѣгалъ случая встрѣтиться съ нимъ; но преосвященный непремѣнно желалъ видѣть этого необыкновеннаго человѣка и упросилъ хозяина дома, гдѣ жилъ малороссійскій философъ, доставить ему случай къ этому. Случай вскорѣ и представился, не смотря на все нежеланіе Г. С. Сковороды. Послѣ обычныхъ привѣтствій завязался разговоръ. Между прочимъ преосвященный спросилъ у Г. С., до чего онъ болѣе охотникъ. „До пчелъ", отвѣчалъ тотъ. За этимъ, разумѣется, пошли разсказы о пчелиномъ государствѣ, о примѣрномъ благоустройствѣ этихъ насѣкомыхъ

и пр. Незамѣтно собесѣдники коснулись и религіи. „Почему вы не ходите никогда въ церковь“?, спросилъ преосвященный у Г. С. „Если вамъ угодно, я завтра же пойду“, отвѣчалъ философъ—и дѣйствительно, на другой же день сдержалъ свое слово. Преосвященный никакъ не могъ надивиться такой противоположности между сочиненіями и поступками знаменитаго любомудра Малороссіи [1])“ А секретъ заключается въ томъ, что такого противорѣчія и не было: оно явилось результатомъ слабаго, поверхностнаго знакомства съ трудами и воззрѣніями нашего украинскаго мудреца. Сковорода, не впадая въ противорѣчіе съ собою, могъ, дѣйствительно, явиться въ церковь, на зовъ архипастыря, хотя обыкновенно предпочиталъ молиться въ полномъ и глубокомъ уединеніи. Другой случай передаетъ извѣстный К. С. Аксаковъ. „Однажды въ церкви въ ту минуту, какъ священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнесъ: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“, Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошолъ къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сковороды и боясь пріобщить нераскаявшагося (вѣроятно, Сковорода не исповѣдывался у него), спросилъ его: „Знаешь ли ты, какой великій грѣхъ ты можешь совершить, не приготовавшись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству? „Знаю и готовъ!“, отвѣчалъ суровый отшельникъ, и духовникъ, вѣря его непреложнымъ словамъ, пріобщилъ его охотно [2])“. Третій случай относится уже къ къ послѣднимъ часамъ его жизни, когда онъ проживалъ у своего друга помѣщика Анд. Ковалевскаго. Этотъ послѣдній, „видя его крайнее изнеможеніе, предложилъ ему нѣкоторые обряды для приуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ апостолъ (посланіе къ Римл., гл. 3-я, стр. 28), почитая обряды обрѣзанія ненужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ, подобно какъ Павелъ же іудеямъ обрядствующимъ. Но, *представя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался.*“ (1-е отд. стр. 39). Ка-

[1]) Москвитянинъ, 1849, № 24, стр. 68.

[2]) Украинская старина, стр. 68.

кое глубокое пониманіе заповѣди любви! Какая чуткость и уваженіе къ убѣжденіямъ ближнихъ! Какая терпимость! Сковорода не боялся смерти, былъ готовъ къ ней и умеръ, какъ подобало умереть истинному философу, всю свою жизнь проповѣдывавшему безсмертіе. Онъ часто бесѣдовалъ о смерти со своимъ ученикомъ и другомъ М. И. Ковалинскимъ. „Страхъ смерти, говорилъ онъ ему, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями—они суть не дѣйствительны—но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевный миръ пріуготовляется издали, тихо въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствіемъ сдѣланнаго добра, по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего къ кругу, занимаемому нами. Сіе чувстіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія; впрочемъ, преходитъ образъ міра сего и, яко соніе возстающаго, уничтожается“... Жизнь наша, продолжалъ онъ далѣе, это сонъ мыслящей силы нашей. „Прійдетъ часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи временности сей исчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное, яко соніе востающаго, уничтожится“. (1-е отд., стр. 36). И если принять во вниманіе тотъ внутренній душевный миръ, который давно уже создалъ себѣ Сковорода, если присоединить къ нему сознаніе сдѣланнаго имъ добра и глубокое убѣжденіе въ безсмертіи человѣческаго духа, то для насъ станетъ вполнѣ яснымъ, почему онъ не только безбоязненно, а даже съ радостію уходилъ изъ этого временнаго жилища въ предѣлы вѣчности. Вотъ описаніе его смерти. „Въ деревнѣ (Панъ-Ивановнѣ) у помѣщика А. Ковалевскаго небольшая „кимнатка“ окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую. Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду

было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило, послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ, рылъ яму—узкую, длинную могилу. „Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?"—сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. „Пора, другъ, кончить странствіе!"—отвѣтилъ Сковорода: и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! Пора успокоиться!"—„И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!" „Иду! Но я буду провить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила"... И пошли въ домъ. Сковорода не надолго въ немъ остался. Онъ пошелъ въ „кимнатку", перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, положивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую „свитку", легъ, сложивши накрестъ руки. Долго его ждали къ ужину, Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его, но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый [1])". Ковалинскій прибавляетъ, что передъ кончиною онъ завѣщалъ похоронить себя на возвышенномъ мѣстѣ близь рощи и написать слѣдующую эпитафію: „Міръ ловилъ меня, но не поймалъ".

Эта эпитафія дѣйствительно выражаетъ *смыслъ его жизни*, и онъ имѣлъ полное право выразиться о себѣ такимъ образомъ, не по тщеславію или самомнѣнію, а по глубокому сознанію въ истинѣ пройденнаго имъ жизненнаго пути, которымъ онъ шелъ прямо, ни разу не свернувъ въ сторону. Къ нему какъ нельзя болѣе подходитъ стихъ Кобзаря Украйны: „мы просто йшлы—

---

[1]) Утренняя звѣзда, 1833, стр. 89—91.

у насъ нема зерна неправды за собою". „Міръ меня ловилъ, но не поймалъ". Это не значитъ, чтобы Г. С. Сковорода считалъ себя какимъ-нибудь анахоретомъ, вполнѣ отрѣшившимся отъ жизни и ея интересовъ. Онъ и не былъ, и не считалъ себя такимъ отшельникомъ, такимъ *мертвымъ* членомъ общества. Наоборотъ и въ ученіи, и въ жизни онъ стремился къ *живой* общественной дѣятельности, понимая ее очень широко, вводя сюда и умственный прогрессъ, и нравственное усовершенствованіе. Онъ только не хотѣлъ быть *рабомъ* міра, или иначе, рабомъ господствовавшихъ въ немъ мнѣній (съ его точки зрѣнія ложныхъ), закоренѣлыхъ и вредныхъ для общаго блага предразсудковъ. Онъ хотѣлъ неприкосновенно сохранить яркую *индивидуальность* своего ума и жизни, провести ихъ благополучно среди безчисленнаго множества подводныхъ камней и мелей, которыми преисполненъ былъ „міръ", и ввести въ тихую гавань и пристанище внутренняго душевнаго нашего храма Божія. И это ему вполнѣ удалось. Яркимъ пламенемъ горѣлъ этотъ свѣтильникъ истины и добра въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, окружающей его тьмы суевѣрій, невѣжества, схоластики, лицемѣрія, ханжества. Приходилось ему держать нерѣдко фонарь для слѣпыхъ, быть звонаремъ для глухихъ; но это его не останавливало; его искреннее, откровенное слово раздавалось и въ послѣдніе годы жизни такъ же точно, какъ и въ началѣ его общественной дѣятельности; остались неизмѣнными даже вкусы и привычки, характеръ; онъ сохранилъ до конца дней своихъ простоту, добродушіе, любовь къ тихимъ назидательнымъ бесѣдамъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу. Сюжетомъ этихъ бесѣдъ являлся все тотъ же основной вопросъ—господство духа надъ плотью. Уѣзжая отъ Ковалинскаго и обнимая его въ послѣдній разъ, собираясь переселиться въ новый міръ Вѣчности, онъ обратился къ нему съ слѣдующимъ послѣднимъ напоминаніемъ: „можетъ быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время" (1-е отд., стр. 38). И Ковалинскій оставилъ намъ краткую, но чрезвычайно мѣткую характеристику

своего учителя въ сочиненной имъ эпитафіи. Здѣсь каждое слово имѣетъ глубокій смыслъ и оправдывается всею совокупностью извѣстныхъ намъ документальныхъ данныхъ о Сковородѣ. Вотъ эта превосходная эпитафія, свидѣтельствующая не только объ огромномъ уваженіи, правильнѣе, благоговѣніи Ковалинскаго къ Сковородѣ, но и о необыкновенно тонкомъ пониманіи его личности и характера.

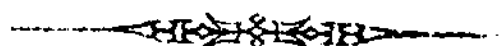
„Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ;
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода".
„Ревнитель истины".

Да, это былъ постоянный искатель и смѣлый поборникъ правды, всю жизнь свою ловившій птицу—истину, видѣвшій въ этомъ смыслѣ своей жизни и чистый родникъ неизсякаемыхъ радостей бытія; это былъ правдолюбецъ, какъ въ ученіи, такъ и въ жизни не допускавшій и не знавшій никогда никакихъ компромиссовъ съ житейскими требованіями и правилами узко понятой морали. „*Духовный богочтецъ*"... Можно ли было короче и вмѣстѣ съ тѣмъ точнѣе выразить другую не менѣе характерную черту міросозерцанія Сковороды—его внутреннюю духовную религію, столь тѣсно связанную съ истинно философскимъ стремленіемъ къ истинѣ? „*И словомъ, и умомъ и жизнію мудрецъ*". Здѣсь ближайшимъ образомъ опредѣляется характеръ мудрости Сковороды и вмѣстѣ съ тѣмъ типичная особенность его какъ философа: слово у него не расходилась, а тѣсно сливалось съ мыслью, а жизнь вполнѣ соотвѣтствовала слову; онъ училъ такъ, какъ думалъ, и жилъ такъ, какъ училъ. „*Любитель простоты и отъ суетъ свободы*"... Болѣе всего онъ любилъ простоту въ жизни и ненавидилъ суету міра, который дѣлаетъ человѣка своимъ рабомъ; онъ стремился къ внутренней свободѣ и полной независимости духа, которая одна равно въ состояніи дать *всякому* человѣку счастіе. „*Безъ лести другъ прямой*"... Да, это былъ дѣйствительно не льстивый истинный другъ, цѣнившій дружбу, какъ одно изъ самыхъ высокихъ благъ

жизни; онъ предъявлялъ къ ней очень большія требованія, но и самъ въ полной мѣрѣ имъ удовлетворялъ, дружба замѣняла ему бездомному страннику личныя привязанности—родныхъ, жену, дѣтей; неудивительно, поэтому, что въ нее онъ вкладывалъ всѣ силы своего горячаго, преданнаго, открытаго, бьющагося любовью къ человѣчеству сердца. Сердечно любя и *уважая* своихъ друзей, онъ не только никогда не льстилъ ихъ слабостямъ, а, наоборотъ, всегда отмѣчалъ таковыя и не скрывалъ передъ ними своихъ задушевныхъ убѣжденій, хотя бы они были имъ непріятны и могли вызвать временное или даже и полное охлажденіе; къ этому влекла его искренность и прямота его натуры, не выносившей никакой фальши и сдѣлокъ. „*Доволенъ всѣмъ всегда*"... Это довольство собой было результатомъ душевнаго мира, идею котораго проповѣдывалъ Сковорода и который царилъ въ его собственномъ сердцѣ; онъ слилъ свою волю съ волей Божіей и вслѣдствіе этого достигъ оптимистическаго, жизнерадостнаго настроенія, которое сопровождало его до самой смерти, съ которымъ онъ ушелъ и въ могилу, побѣдивъ въ себѣ страхъ этого неизбѣжнаго конца, бывшаго въ его глазахъ только давно желанною гаванью и покоемъ. „*Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы*"... Сковорода не былъ только начетчикомъ, какъ многіе изъ древне-русскихъ писателей; это былъ настоящій глубокомысленный ученый, достигшій научныхъ вершинъ, работавшій самостоятельно въ избранномъ имъ родѣ знаній и значительно подвинувшій рѣшеніе многихъ спеціальныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ широко образованный человѣкъ, воспитавшій свой умъ на классической литературѣ и философіи; природныя способности въ соединеніи съ духомъ научной пытливости и съ общимъ образованіемъ, которое онъ старался повернуть изъ его западно-европейскаго первоисточника, помогли ему создать цѣльное, свободное отъ противорѣчій міросозерцаніе, которое онъ проводилъ всю свою жизнь. Его ученіе было посвящено высшимъ вопросамъ духа и касалось съ одной стороны человѣка, а съ другой природы, этого большаго міра, который, по его мнѣнію. состоялъ изъ безчисленнаго множества другихъ меньшихъ міровъ. „*Достойный для*

сердецъ примѣръ Сковорода"... Жизнь Сковороды, стоявшая въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіемъ, посвященная исключительно *дѣятельной* любви къ Богу и ближнему, является высокимъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Но особенно поучительна его общественная работа надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ; она дѣйствуетъ уже не на умъ, а на наше чувство; она не поражаетъ, не удивляетъ, а трогаетъ насъ, заставляетъ биться наше сердце горячимъ сочувствіемъ къ пылкому любвеобильному сердцу этого человѣка, котораго нѣкоторые, однако, называли мизантропомъ и песси мистомъ!

Д. Багалѣй.



Старинный проектъ заселенія Украины (1590 г.).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Памятникъ, предлагаемый вниманію читателей „Кіевской Старины“ въ переводѣ на современный русскій языкъ, представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ образцовъ польской публицистики по украинскимъ вопросамъ въ концѣ XVI-го вѣка[1]). Онъ принадлежитъ перу тогдашняго Кіевскаго бискупа Іосифа Верещинскаго, біографія котораго была уже изложена на страницахъ „Кіевской Старины“ (см. 1894 г., февраль, стр. 204—230). Брошюра in 4° изъ 2 ненумерованныхъ и 56 нумерованныхъ страницъ, въ видѣ которой появилось въ свѣтъ разсужденіе Верещинскаго, является въ настоящее время величайшею библіографическою рѣдкостью, такъ какъ всего только *одинъ экземпляръ* ея уцѣлѣлъ отъ разрушительнаго потока времени, хранящійся въ библіотекѣ графа Сигизмунда Чарнецкаго въ имѣніи его *Руско*, расположенномъ въ Плѣшевскомъ уѣздѣ Великаго Княжества Познанскаго въ Пруссіи. Переводъ сдѣланъ съ рукописной копіи, изготовленной для насъ по спеціальному заказу при помощи любезнаго посредничества профессора Варшавскаго университета Ѳ. Ф. Вержбовскаго, которому приносимъ за это самую искреннюю благодарность.

Литературный обликъ автора этой брошюры, бискупа Верещинскаго, до сихъ поръ очень мало выясненъ. Мы знаемъ

[1]) На значеніе этого памятника для малорусской исторіи первый указалъ П. А. Кулишъ въ своихъ Запискахъ о Южной Руси, т. II, 1857, стр. 340.

только, что литературная дѣятельность его имѣла два рѣзко разграниченныхъ между собою періода: проповѣдническій и публицистическій, соотвѣтственно съ тѣми условіями, въ которыхъ проходила его жизнь.

Въ бытность его ксендзомъ при соборномъ костелѣ въ г. Красноставѣ и членомъ совѣта мѣстнаго бискупа, и потомъ въ бытность аббатомъ Сѣцѣховскаго кляштора, его умъ былъ направленъ на изученіе священнаго писанія и богослуженія католической церкви, и онъ стремился передать свои познанія обыкновеннымъ мірянамъ въ формѣ проповѣдей. Какъ служитель церкви, онъ училъ своихъ духовныхъ дѣтей—презирать смерть и суету этого свѣта и готовиться къ переходу въ вѣчное и блаженное царство небесное, молиться за усопшихъ, чистосердечно каяться во грѣхахъ, не предаваться пьянству и обжорству, сохранять супружескую вѣрность; онъ пояснялъ имъ высокую важность мученій и крестной смерти Христа Спасителя, значеніе праздниковъ и праздничныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, смыслъ литургіи и таинствъ; наконецъ, онъ изложилъ въ формѣ проповѣдей полный комментарій ко всѣмъ двѣнадцати членамъ Символа Вѣры. Въ особомъ сочиненіи онъ обращался къ евреямъ и стремился доказать имъ, что они заблуждаются, ожидая Мессію, такъ какъ обѣщанный Мессія пришелъ уже въ міръ въ лицѣ Господа Іисуса Христа. Когда умеръ Стефанъ Баторій (въ Гроднѣ 2—12 декабря 1586 г.) и Польша готовилась къ избранію новаго короля, онъ убѣждалъ магнатовъ, шляхту и духовенство, оставивъ распри,—отнестись серьезно къ своимъ избирательнымъ обязанностямъ, а затѣмъ обратился съ поученіемъ къ будущему королю и въ пространномъ трактатѣ изложилъ весь кодексъ нравственныхъ правилъ, коимъ долженъ слѣдовать христіанскій государь[1]).

---

[1]) Мы имѣли въ виду при обзорѣ литературной дѣятельности Верещинскаго исключительно *печатные* труды его. Современникъ и другъ Верещинскаго Клёновичъ перечисляетъ еще цѣлый рядъ его трудовъ, также проповѣдническаго характера, которые не появились въ печати, а погибли при разграбленіи Фастовскаго дома Верещинскаго княземъ Ружинскимъ въ 1596 г. См. „Кіев. Стар". 1894 г., № 2, стр. 223 и 227.

Въ этихъ сочиненіяхъ мысль Верещинскаго не была свободной: она была связана самимъ предметомъ сочиненій—догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ церкви, которое онъ только излагалъ и разъяснялъ, преклоняясь какъ и подобаетъ не только лицу духовному, служителю алтаря, но и всякому доброму христіанину,—передъ его авторитетомъ. Вслѣдствіе этого онъ не былъ самостоятельнымъ и въ изложеніи проповѣдей, постоянно заимствуя слова и обороты изъ священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ и отцовъ церкви. Кромѣ того, не выработавши въ себѣ умѣнія пользоваться всѣмъ богатствомъ польскаго языка для выраженія мысли, онъ подчинился вліянію одного изъ выдающихся предшественниковъ своихъ на литературномъ поприщѣ,—Николая Рея изъ Нагловицъ. Извѣстный изслѣдователь польской литературы г. Пташицкій въ своей брошюрѣ: „Mikołaj Rej z Nagłowic i Ks. Józef Wereszczyński. Ustęp z większéj całości". (Wilno 1880 г.)—подробно доказалъ, что въ сочиненіяхъ „Поведеніе христіанскаго короля", „О презрѣніи смерти" и „Вѣрный путь неумѣреннымъ пьяницамъ" Верещинскій не ограничился однимъ заимствованіемъ мыслей изъ сочиненія Рея „Поведеніе почтеннаго человѣка", но даже буквально переписалъ изъ него цѣлыя страницы.

Гораздо болѣе самостоятельнымъ является Верещинскій въ сочиненіяхъ публицистическихъ, гдѣ онъ обсуждаетъ современные ему вопросы государственной и общественной жизни и пытается найти для нихъ такія рѣшенія, которыя кажутся ему найболѣе соотвѣтствующими нуждамъ и пользамъ государства и общества въ данныхъ обстоятельствахъ. Публицистическихъ сочиненій Верещинскимъ напечатано было шесть. Вотъ ихъ точныя заглавія:

1) 1590 года. Droga pewna do prędszego y snádnieyszego osadzenia w Ruskich kráinách pustyń Krolewstwá Polskiego, jáko też względem drożnieyszey obrony wszystkiego ukráinnego położenia od nieprzyiaciół Krzyżą świętego. Pokazána Przez Księdzá Iozepha Wereszczynskiego z Wereszczyná, z łáski Bożey Nominatá Biskupstwá Kiiowskiego, á Opátá Sieciechowskiego. W Krákowie. W

Drukárniey Andrzeiá Piotrkowczyká [1]). Имѣется только въ библіотекѣ графа Сигизмунда Чарнецкаго въ Руско.

2) 1592 года. Excytarz Xiędza Iozepha Wereszczynskiego z Wereszczyna, z Łaski Bożey Nominatá Biskupstwá Kijowskiego á Opátá Sieciechowskiego. Do podniesienia Woyny S. przeciwko Turkom i Tatarom, jáko głównym nieprzyiaćielom wszystkiego Chrześćijáństwá. Z Drukárni Andrzejá Piotrkowczyká [2]). Имѣется только въ Варшавской университетской библіотекѣ.

3) 1594 года. Pobudka Ná Jego Cesárską Miłość wszystkiego Chrześćijáństwá: Iáko też ná Iego K. M. Krołá Polskiego: Tudźież też ná Iásnie Oświeconego Kniáziá Wielkiego Moskiewskiego: do podnieśienia Woyny świętey spolną ręką przećiw Turkom y Tátárom. Trąbiona Przez X. Iozepha Wereszczynskiego, z Wereszczyna, z láski Bozey Biskupá Kijowskiego, á Opátá Sieciechowskiego. W Krákowie, Z Drukárni Andrzeiá Piotrkowczyká [3]). Имѣется въ библіотекахъ: графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ [4]), графа Замойскаго въ Курникѣ близь Познани и Института Оссолинскихъ во Львовѣ.

4) Того-же 1594 года. Publika Xiędza Iozephá Wereszczyńskiego z Wereszczyná, z łáski Bożey Biskupá Kiiowskiego, á Opátá Siećiechowskiego: Ich M. Rzeczyposp: ná Seymiki przez list obiáśniona, ták z strony fundowánia Szkoły Rycerskiey synom Koronnym ná Ukráinie, iáko też Krzyżakow według Reguły Málteńskiey, w sąśiedztwie z Pogány y z Moskwą na wszystkim Zadnieprzu, dla snádnieyszego ochronienia Koronnego, od niebeśpieczeństwá wszelákiego. W Krákowie, Z Drukárni Andrzeiá Piotrkowczyká [5]). Имѣется въ библіотекахъ: въ Петербургской публичной, графа Еммерика Гутенъ-Чапскаго въ Станковѣ Минской губ., графовъ Замойскихъ въ Варшавѣ, въ Краковской университетской, графа Замойскаго въ Курникѣ близь Познани и института Оссолинскихъ во Львовѣ. Перепечатано Туровскимъ

---

[1]) См. Wierzbowski. Bibliographia Polonica. Vol. III, № 2879.

[2]) См. L. c. Vol. I, № 583.

[3]) См. L. c. Vol. II, № 1790.

[4]) Въ этомъ экземплярѣ не достаетъ двухъ послѣднихъ листовъ.

[5]) См. L. c. Vol. II, № 1791.

въ изданіи „Pisma polityczne ks. Iózefa Wereszczyńskiego“. Kraków 1858

5) 1595 года. Sposób osady nowego Kijowa i ochrony niegdy stolice księstwa Kijowskiego od niebiezpieczeństwa wszelkiego bez nakładu I. K. M. i kosztu koronnego: Ich. M. panom posłom na sejmie Krakowskim przyszłym podany. Przez ks. Iózepha Wereszczyńskiego z Wereszczyna, z łaski Bożej biskupa Kijowskiego a opata Sieciechowskiego. Профессоръ Вержбовскій не нашелъ ни одного экземпляра этого сочиненія въ осмотрѣнныхъ имъ библіотекахъ. Неизвѣстно гдѣ дѣлся и тотъ экземпляръ, съ котораго перепечатывалъ его Туровскій въ своемъ изданіи. Переводъ этого сочиненія на русскій языкъ съ изданія Туровскаго напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1894, № 3, мартъ, стр. 403—425.

6) Votum X. Iozepha Wereszczyńskiego, z łáski Bożey Biskupá Kijowskiego, á Opátá Sieciechowskiego, z strony podniesienia Woyny potężney przećiwko cesárzowi Tureckiemu bez ruszenia pospolitego: á iżby káżdy Gospodarz zostawszy w domu swoim, mogł beśpiecżnie záżywáć gospodárstwá swego. Ich M. Pánom Posłom ná seymie Wárszáwskim w roku 1597 ná pismie podáne. Drukowano w Nowym Wereszczżynie [1]). Имѣется въ библіотекахъ: графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ, Общества любителей наукъ въ Познани, г. Павла Попеля въ Краковѣ и Института Оссолинскихъ во Львовѣ. Перепечатано Туровскимъ.

Позднѣйшіе издатели нѣкоторыхъ сочиненій Верещинскаго Головинскій и Туровскій, въ предисловіяхъ къ своимъ изданіямъ, при перечисленіи литературныхъ трудовъ Верещинскаго, приводятъ заглавія еще двухъ яко-бы изданныхъ Верещинскимъ брошюръ публицистическаго характера, а именно:

1) Pobudka z strony fundowania szkoły rycerskiéj na Ukrainie, jako też Krzyżaków na Zadnieprzu. Kraków, 1594.—и

2) Pobudka z strony podniesienia wojny potężnéj przeciw cesarzowi tureckiemu, bez ruszenia pospolitego, a iżby każdy gospodarz, zostawszy w domu, mógł zażywać bezpiecznie gospo-

[1]) См. l. c. Vol. II, № 1855.

darstwa swego. Posłom na sejmie Warszawskim podane. W Nowym Wereszczynie, 1598 [1]).

Въ біографіи Верещинскаго (Кіев. Стар. 1894 г., февраль, стр. 228) вслѣдъ за Головинскимъ и Туровскимъ и мы помѣстили эти брошюры въ списокъ сочиненій Верещинскаго (№№ 5 и 8); но послѣ тщательныхъ библіографическихъ изысканій проф. Вержбовскаго можно съ увѣренностью утверждать, что сочиненій съ такими заглавіями Верещинскій никогда не издавалъ. Туровскій, какъ кажется, просто переписывалъ въ этомъ случаѣ Головинскаго. Ошибку же Головинскаго можно объяснить такимъ образомъ: кромѣ полныхъ экземпляровъ изданныхъ Верещинскимъ брошюръ, онъ имѣлъ подъ руками экземпляры дефектные (безъ заглавныхъ листовъ) сочиненій *Publika* и *Votum*, которые онъ принялъ за особыя сочиненія, и примѣнительно къ ихъ содержанію далъ имъ приведенныя выше, видимо не точныя, заглавія. Ошибка Головинскаго подтверждается еще и тѣмъ, что о подобныхъ сочиненіяхъ умалчиваютъ и современный Верещинскому Клёновичъ (1545—1602), когда онъ перечисляетъ литературные труды Верещинскаго въ посвященіи ему переведеннаго на польскій языкъ устава св. Бенедикта (см. изд. Тур. стр. 180), и самъ Верещинскій, упоминающій въ послѣсловіи къ своему сочиненію *Votum* о всѣхъ ранѣе изданныхъ имъ публицистическихъ брошюрахъ (см. изд. Тур. стр. 74).

Всѣ публицистическія сочиненія Верещинскаго появились изъ-подъ его пера въ тотъ девятилѣтній періодъ времени (1589—1598 [2]), когда онъ въ качествѣ Кіевскаго католическаго бискупа переселился на Украину и долженъ былъ играть здѣсь роль не только высшаго представителя духовной власти католической церкви, но и государственнаго сановника, сенатора Рѣчи—

[1]) См. Kazania J. Wereszczyńskiego. Pet. i Moh. 1854, стр. XVIII, №№ 2 и 3, а также Pisma polityczne Wereszczyńskiego, Kr 1858, стр. XIV, №№ 11 и 14.

[2]) До сихъ поръ большинство историковъ польской литературы полагало, что Верещинскій умеръ 1 го февраля 1599 г. Теперь слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, что если онъ и умеръ 1-го февраля, то не 1599 г., а 1598 г., такъ какъ въ декретѣ Люблинскаго трибунала отъ 17 іюля 1598 г. по дѣлу его съ Михайломъ Макаревичемъ—Иваншенчевичемъ онъ названъ уже покойнымъ (zeszły). См. Źródła dziejowe. Tom XXI., 1894, стр. 26.

Посполитой. Онъ смотрѣлъ крайне серьезно на свою публицистическую дѣятельность и видѣлъ въ ней не только способъ передать другимъ свои мнѣнія, но долгъ, возложенный на него его положеніемъ. Въ брошюрѣ „Способъ заселенія Новаго Кіева" (Кіев. Стар. 1894, мартъ, стр. 403) онъ прямо говоритъ: „Имѣя въ виду свою присягу, которою я присягнулъ моему Государю совѣтовать и препираться при каждой бѣдѣ, угрожающей Рѣчи-Посполитой, и не желая быть клятвопреступникомъ, я счелъ нужнымъ и умѣстнымъ, *по обязанности сенатора*, сообщить вамъ о громадной опасности"... и проч.

Мнѣнія, высказанныя Верещинскимъ въ переведенной брошюрѣ, не пріобрѣли, какъ видно, сочувствія среди пословъ, собравшихся въ Варшаву сеймовать въ мартѣ 1590-го года [1]). Хотя на сеймѣ состоялись постановленія и относительно устройства „Низовцевъ и Украины" (Porządek z strony Nizowcow y Ukrainy) [2]), и относительно колонизаціи украинскихъ „пустынь" (Danina pustyń za Białą Cerkwią leżących [3]), но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ дѣлѣ Верещинскому не была предоставлена сеймомъ та дѣятельная роль, о которой онъ мечталъ въ своей брошюрѣ. Но нельзя сказать того-же самого о польскомъ обществѣ вообще: на него какъ эта первая, такъ и послѣдующія брошюры Верещинскаго—произвели извѣстное впечатлѣніе, какъ это видно, напримѣръ, изъ словъ неизвѣстнаго по имени шляхтича, писавшаго въ 1606 году. „Czytałem Kśiąszke Biskupa pogranicznego Kśiędza Wereszczyńskiego... Zaprawdę znaydźie tam jako w saydaku wiele rzeczy dobrych y R. P. pożytecżnych..." (Я читалъ книжки пограничнаго бискупа Верещинскаго... Правду сказать, въ нихъ, какъ въ колчанѣ, можно найти много вещей справедливыхъ и полезныхъ для Рѣчи—Посполитой [4])...).

Переводъ сдѣланъ нами возможно близко къ подлиннику и можетъ замѣнить послѣдній при изслѣдованіяхъ истори-

---

[1]) Сеймъ продолжался съ 7 марта по 21 апрѣля нов. ст. 1590 г.

[2]) См. Volumina Legum, изданіе Огрызки, СПБ. 1859, томъ II, стр. 310.

[3]) Тамъ-же, стр. 318.

[4]) См. Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси. Москва, 1877, стр. 44—45.

ческихъ и литературныхъ; подлинникъ окажется необходимымъ только для изслѣдователя исторіи польскаго языка и слога.

Нѣкоторые необходимые комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ памятника изложены нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

А. С.

Вѣрная дорога къ болѣе быстрому и легкому заселенію пустынь въ русскихъ областяхъ Польскаго королевства, равно какъ къ болѣе разумной защитѣ всей украинской стороны отъ непріятелей святаго креста;

показана ксендзомъ Іосифомъ Верещинскимъ, по милости Господней нареченнымъ бискупомъ Кіевскимъ, аббатомъ Сѣцѣховскимъ. Въ Краковѣ, въ типографіи Андрея Піотроковчика, года Господня 1590.

Предисловіе автора къ книжкѣ, при прощаніи съ нею.

Иди же отъ меня, моя милая, очаровательная книжечка и весело привѣтствуй отъ моего имени каждаго брата. Передай ему благословеніе Господне, и моли, проси его, чтобы онъ не предавался чрезмѣрному сну. Видя, что сонливость и небрежность овладѣли имъ, Турокъ съ Татариномъ участили къ намъ. Это не сходитъ съ моего сердца и я проторилъ себѣ дорогу къ братьямъ, чтобы навѣститъ ихъ и узнать о здоровьи, а за тѣмъ, чтобы пробудить ихъ отъ сонливости и небрежности. Можетъ быть, найдется кто-нибудь настолько осмотрительный, что поблагодаритъ меня за мой трудъ и за мое предостереженіе. Будешь ты, книжечка, очень счастлива и унаслѣдуешь безсмертную славу, если Рѣчь-Посполитая предастся заботѣ, между тѣмъ какъ другіе спятъ и небрежничаютъ. Иди-же спокойно, моя милая книжечка, и пусть трудъ твой не будетъ тяжелымъ. Пріобрѣтай мнѣ у братіи добрую славу и милость, а ей передай мою искреннюю и сердечную преданность. Да не смущаешься ты, если какой Зоилъ отнесется къ тебѣ съ презрѣніемъ.

Ихъ милостямъ сенаторамъ короннымъ, рыцарству и всѣмъ сословіямъ Короны Польской и Литвы, а также всѣмъ областямъ русскимъ и инымъ, входящимъ въ составъ Короны, Іосифъ Верещинскій изъ Верещина, по милости Господней нареченный бискупъ Кіевскій и аббатъ Сѣцѣховскій, желаетъ всякаго добра.

Содержаніе[1]): *Какой свободой пользуются теперь Греки подъ турецкимъ владычествомъ вслѣдствіе дурныхъ порядковъ, у нихъ существовавшихъ? Перемиріе съ Турками всегда безплодно. Гнѣвъ Господень почти уже у порога. Вѣрный признакъ гнѣва Господня. Два обстоятельства, изъ-за которыхъ мы погибаемъ. Первая причина нашей погибели. Самый надежный соглядатай нашихъ порядковъ—это наши грѣхи и проступки. Вторая причина нашей погибели. Почему Украина*[2]) *съ давнихъ временъ уже опустошена? Русская земля—это житница другихъ странъ, какою былъ Египетъ. Поля тамъ превосходныя и урожайныя; скота, звѣрей, птицъ множество; меда—достаточно. Виноградъ и вино можно было-бы добывать въ изобиліи. Не малое число рыбныхъ рѣкъ, между которыми Днѣпръ—самая главная. Итальянскихъ*[3]) *орѣховъ безчисленное множество. Рыбныхъ озеръ—тьма. Украина—это какъ-бы обѣтованная земля. Украина имѣетъ свойство магнита: она каждаго притягиваетъ къ себѣ. Небрежность и сонливость наши по отношенію къ такому богатству, какъ Украина,—удивительны. Если бы мы заселили пустыни, то это очень помогло-бы намъ улучшить защиту края. Что Украина нѣкогда изобиловала богатствами, видно лучше всего по*

---

[1]) Въ подлинникѣ краткія резюме содержанія напечатаны на поляхъ, но для удобства при печатаніи перевода въ журналѣ мы собрали ихъ здѣсь вмѣстѣ.

[2]) Верещинскій употребляетъ слово „*Ukrainá*“ въ двухъ смыслахъ: широкомъ,—въ значеніи окраинной области, пограничья вообще; и въ тѣсномъ,—въ значеніи именно извѣстной области съ столичнымъ городомъ Кіевомъ во главѣ. Мы переводимъ это слово такъ или иначе, сообразуясь со смысломъ его въ подлинникѣ. Въ *Volumina legum* (II, 310, изд. 1859 г.) для обозначенія пограничной области употребляется еще слово *ugranicze*.

[3]) Эти орѣхи и до сихъ поръ называются въ Малороссіи *волошскими*, между тѣмъ какъ *włoski* по-польски значитъ: итальянскій. Въ русскомъ литературномъ языкѣ имъ усвоили названіе *грецкихъ* орѣховъ.

опустѣлымъ церквамъ. Замки или, вѣрнѣе, городища—такъ крѣпки, что если-бы укрѣпить ихъ башнями, то они сдѣлались-бы неприступными. Вслѣдствіе неизмѣримыхъ богатствъ Украины мы должны обращать на нее вниманіе. Первый способъ къ болѣе легкому заселенію пустынь. Нигдѣ Его Королевское Величество не можетъ содержать своего двора съ большею выгодою, какъ на Украинѣ. Второй способъ къ заселенію пустынь. Какимъ способомъ слѣдуетъ заселить Низъ? Какое жалованье должны получать козаки или наемники[1]*)? Въ какое время козаки или наемники должны будутъ заниматься военными упражненіями и подъ чьимъ руководствомъ? Жалованье козакамъ или наемникамъ должно идти изъ кварты или изъ русскихъ десятинъ. Самая надежная школа рыцарскихъ людей можетъ быть устроена на счетъ кварты и готовность ея къ войнѣ—самая быстрая. Какъ жалки люди, взятые въ плѣнъ, вслѣдствіе нашей небрежной обороны! Сколько дохода приноситъ кварта? Такъ какъ десятины по всей русской землѣ не идутъ на содержаніе церквей, то полезно было-бы обратить ихъ цѣликомъ на оборону Рѣчи—Посполитой и ввѣрить расходованіе ихъ въ руки Кіевскаго бискупа. Какую жалкую долю терпитъ русская Украина отъ жолнера или отъ козака! Если опредѣлить десятину на оборону, то какой опасности можно избѣгнуть. Нѣтъ такого могущества, которое не нуждалось-бы въ помощи Господней. Какъ бискупъ долженъ распоряжаться десятинами? Какимъ образомъ десятины должны быть доставляемы въ Кіевъ? Какимъ образомъ десятины могутъ быть отправляемы изъ Кіева на Пороги или въ войско? Что слѣдуетъ дѣлать съ остаткомъ отъ десятинъ? Пребываніе въ войскѣ Кіевскаго бискупа съ ксендзами и съ мудрыми проповѣдниками очень необходимо; бискупу также слѣдуетъ поручить распоряженіе какъ квартой, такъ и десятинами. Что дѣлать съ остаткомъ отъ десятинъ, если-бы таковой оказался по уплатѣ жалованья козакамъ или наемникамъ? Къ какому удовольствію и веселію можетъ повести своевременно внесенная*

---

[1]) Словомъ *наемникъ* мы переводимъ польское: *służebny*, которое именно обозначало воина, отдающаго свои услуги за деньги. Въ Конституціи сейма 1590 г. рядовой козакъ обозначается терминомъ *pachołek*.

десятина? Хотя казначейскія занятія несносны для бискупа, но не должны казаться тяжкими ради любви къ Рѣчи-Посполитой. Откуда Кіевскій бискупъ съ своими слугами и писарями долженъ получать содержаніе, если онъ будетъ казначеемъ? Какъ вредятъ намъ Армяне у чужихъ народовъ! Козаки или наемники, получая жалованье, не должны тратить его внѣ войска. Необходимо настроить амбаровъ для козаковъ или наемниковъ возможно больше и обильно снабдить ихъ всевозможными предметами необходимости. Какимъ образомъ можно легче всего снабдить амбары припасами? На какія деньги слѣдуетъ закупать припасы для амбаровъ? Какимъ образомъ казначеи должны продавать козакамъ или наемникамъ съѣстные припасы и другіе предметы необходимости, заготовленные въ амбарахъ? Причина этого. Почему козаки съ наемниками не должны обижаться этимъ? Саламаха, которую козаки считаютъ исключительнымъ лакомствомъ, это особенное кушанье Серба—это супъ, сваренный изъ костей. Примѣръ. Дѣйствительный патріотъ долженъ все переносить терпѣливо ради отечества. Любовь къ отечеству должна превосходить любовь ко всѣмъ другимъ вещамъ на землѣ. Средства къ возвышенію Рѣчи-Посполитой. Необходимо снабжать козаковъ или наемниковъ сукномъ. Откуда доставать сукно на козаковъ или на наемниковъ? Какой верхъ берутъ въ Польшѣ жиды? Насколько жиды враждебны христіанамъ, можно понять изъ ихъ Талмуда. Жиды три раза въ день проклинаютъ христіанъ и ихъ королей. Какой гетманъ долженъ начальствовать на Украйнѣ надъ войскомъ изъ козаковъ или наемниковъ? Откуда и какое содержаніе долженъ получать гетманъ? Откуда должены удовлетворяться жалованьемъ ротмистры или сотники и десятники? Какъ долго долженъ гетманъ стоять съ войскомъ лагеремъ на одномъ урочищѣ? Третій способъ того, какъ пустыни могутъ быть безъ затрудненія заселены. Здравый совѣтъ каждому шляхтичу, даже очень бѣдному, чтобы онъ не былъ причиною потери его потомствомъ не имъ заслуженнаго шляхетства. Бискупъ каждые два года долженъ отдавать отчетъ Сейму по своей кассѣ, какъ относительно ея приходовъ, такъ и расходовъ. Отъ кого онъ будетъ получать квитанціи? Какой сво-

бодой и достаткомъ будетъ пользоваться каждый изъ насъ съ благословенія Господня, если пустыни будутъ заселены. Если Господь поможетъ намъ заселить пустыни, то какимъ образомъ мы избѣгаемъ всякихъ злыхъ случайностей. Какъ мы неприлично зазнаемся, если только достигаемъ богатства или счастья! Какъ мы можемъ помочь себѣ, если захотимъ? Мы не можемъ сомнѣваться въ Промыслѣ Господнемъ.

Милостивые государи и братья! Размышляя исподоволь и внимательно присматриваясь къ приближающимся опасностямъ, которыя понемногу собираются надъ нашимъ отечествомъ и надъ милой Польской Короной; видя къ тому-же величайшую сонливость не только въ тѣхъ, что присягнули своему Государю и всей Рѣчи-Посполитой совѣтовать и препираться при каждой угрожающей Рѣчи-Посполитой бѣдѣ, но также и въ тѣхъ, что глубоко проникаютъ въ будущее и могли-бы дать благоразумный совѣтъ и указать путь къ болѣе легкому способу спасенія нашего отечества; боясь, чтобы и меня не зачислили въ число подобныхъ-же; не желая нарушить свою обязанность, но желая поддержать доброе мнѣніе обо мнѣ моего Государя, назначившаго меня съ соизволенія Господня на должность Кіевскаго бискупа;—я рѣшился своимъ сочиненіемъ пробудить Васъ отъ сна:—оно написано если не краснорѣчиво, если не витіевато, то за то искренне.

Вы читали, милостивые государи братья, о Греціи и ея благородныхъ королевскихъ домахъ, изъ которыхъ произошли всѣ эти славные герои, всѣ эти Гекторы, Геркулесы; посмотрите теперь, подъ какими правами сидятъ Греки, благодаря своимъ дурнымъ порядкамъ, какими свободами пользуются;—а такими, что добровольно должны подставлять свои головы подъ жестокую басурманскую саблю, какъ только имъ это прикажутъ. Нѣтъ у нихъ никакой защиты, никакого оружія, никакого собственнаго своего имущества; одинъ только поломанный ножъ могутъ они сберегать въ домѣ; и вотъ эти герои должны довольствоваться посохами. А у насъ ничего не видятъ впередъ, да утѣшаются ка-

кимъ-то ни къ чему не ведущимъ перемиріемъ съ Турками, которое они поддерживаютъ до поры до времени не изъ миролюбія, а изъ разсчета покончить сначала съ другими народами, противъ которыхъ они разставили сѣти.

Итакъ, милостивые государи братья, камни должны вопіять, если сыны Авраамовы молчатъ [1]). Почему вы спите и не думаете о грядущихъ неотвратимыхъ рѣшеніяхъ Господнихъ, которыя мгновенно васъ уничтожатъ, если вы не проснетесь и своевременно не опомнитесь? Господь давно обѣщалъ отдавать въ неволю народъ, сонный по отношенію къ самооборонѣ и небрежный въ общественныхъ дѣлахъ, такъ какъ поступать подобнымъ образомъ—гнусно и постыдно. Мѣста такихъ народовъ онъ обѣщалъ передавать другимъ народамъ [2]). Говоря по правдѣ, Господь и такъ долго ждетъ нашего пробужденія и сверхъ ожиданія долго покровительствуетъ намъ [3]).

Но кто захочетъ осмотрѣться, тотъ пойметъ, что гнѣвъ Его стоитъ почти-что у нашихъ воротъ, такъ какъ Онъ давно уже громко къ намъ взываетъ. Онъ говоритъ: „Если вы не будете подчиняться Моимъ совѣтамъ, желаніямъ и распоряженіямъ, то Я отворю ваши ворота дикимъ звѣрямъ и позволю суровому мечу погребсти васъ и уничтожить васъ за ваше легкомысліе [4])". Почти тѣми-же самыми словами грозитъ Моисей каждому изъ насъ, когда говоритъ [5]): „Если вы не будете слушать гласа Господа, Бога вашего, и не будете стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его; то Господь пошлетъ на васъ народъ издалека, отъ края земли: какъ орелъ налетитъ народъ, котораго языка вы не разумѣете, народъ наглый, который не уважитъ старца и не пощадитъ юноши. И будетъ ѣсть онъ плодъ скота вашего и плодъ земли вашей, доколѣ не разоритъ васъ, такъ-что не оставитъ вамъ ни хлѣба, ни вина, ни елея, ни плода воловъ вашихъ, доколѣ не погубитъ

---

[1]) Ев. Матѳ. гл. 3.

[2]) Прор. Іерем. гл. 17.

[3]) Пр. Варух. гл. 4.

[4]) Пр. Исаіи гл. 1.

[5]) Второзак гл. 28.

васъ. И будетъ тѣснить васъ во всѣхъ жилищахъ вашихъ, доколѣ во всей землѣ вашей не разрушитъ высокихъ и крѣпкихъ стѣнъ вашихъ, на которыя вы надѣетесь; и будетъ тѣснить васъ во всѣхъ жилищахъ вашихъ, во всей землѣ вашей".

Пусть же каждый изъ васъ, милостивые государи братья, осмотрится: развѣ мало этихъ звѣрей видимъ мы и въ нашихъ хлѣвахъ, и около нашихъ плетней? Вѣдь басурманы почти-что знаютъ уже, чтó варится на кухнѣ у Его Величества Короля и у каждаго изъ насъ. Но и этого мало; къ прискорбію начинаетъ литься кровь около границъ нашихъ и въ границахъ нашихъ; какъ Господь угрожалъ жестокимъ жителямъ Іерусалима, не радовавшимся его прибытію, что враги обложатъ ихъ окопами и крѣпкими стѣнами, а затѣмъ уничтожатъ ихъ [1]), такъ все это начинаетъ сбываться на насъ: наши враги со всѣхъ сторонъ окружили насъ крѣпкими окопами и мощными стѣнами и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе распространяется этотъ жестокій огонь вокругъ нашихъ границъ.

Посмотри-же каждый: развѣ это не наказаніе Господне? Взгляни на всѣ наши дѣла: развѣ есть кто-либо между нами, кто объ этомъ обстоятельно говорилъ-бы, кто думалъ-бы, кто старался бы предупредить надвигающуюся опасность своими совѣтами. А между тѣмъ каждый отчетливо видитъ и слышитъ, что дѣлается на глазахъ нашихъ на Подоліи, въ границахъ областей русскихъ и даже литовскихъ; какъ вездѣ льется невинная кровь, раздаются плачъ и крики; какую великую и ужасную неволю терпятъ христіанство и народъ Господень по справедливому и дивному приговору Господню; какъ невинные притѣсняются жестокими. Не только люди рыцарскіе или военные, но даже невинныя дѣтки, и невинныя женщины, и люди преклоннаго возраста—подвергаются безъ милосердія притѣсненіямъ и мукамъ: ихъ натыкаютъ на колья такъ, какъ поросятъ на вертелы. Страшно и ужасно говорить и писать объ этомъ. А развѣ не печально смотрѣть на милое отечество, какъ оно дымится подобно Содому, какъ падаютъ крѣпкіе города и замки, какъ

[1]) Ев. Луки гл. 19.

разрушаются жилища, какъ басурманы разсѣиваютъ богатства, какъ предметы наслажденія людей передъ очами ихъ разсыпаются въ прахъ! Но всего тяжелѣе смотрѣть на басурмана въ то время, какъ онъ передъ твоими глазами учиняетъ насиліе надъ женою твоею и надъ семействомъ твоимъ; а тебя самого на величайшій позоръ ведетъ басурманъ на цѣпи, словно пса, съ боку своего коня и наноситъ постоянные удары твоей почтенной главѣ. Увы, милый мой господинъ, какъ скорбятъ въ это время душа и сердце твои!

А отчего все это происходитъ, милостивые мои государи братья? Каждый изъ васъ долженъ сознаться, что происходитъ это главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ:

Во-первыхъ, мы очень часто нашими грѣхами оскорбляемъ Господа Бога и Его святое величіе.

Во-вторыхъ, нашими небрежностью и сонливостью и даже болѣе того: пренебреженіемъ къ милому отечеству—мы подвергаемъ громадной опасности весь пограничный христіанскій народъ.

Грѣхи наши—главная причина того, почему басурманскій народъ развернулъ знамена надъ милымъ отечествомъ нашимъ и надъ нами, его обитателями; Господь Богъ грозилъ этимъ каждому народу, который изъ злобы и несправедливости передвигаетъ царства съ мѣста на мѣсто и одни народы обращаетъ въ другіе[1]). Каждый можетъ также легко убѣдиться въ этомъ изъ слѣдующихъ непогрѣшимыхъ словъ Его, которыя, какъ молотъ, должны постоянно ударять въ уши каждому народу, чтобы каждый, какъ громомъ, устрашенъ былъ этими словами[2]): „Если вы будете ходить въ послушаніи у меня и будете исполнять волю Мою, то Я благословлю всѣ дѣла ваши, и ваши непріятели будутъ страшиться васъ и будутъ трусливо бѣжать передъвами, такъ что передъ пятью изъ васъ будетъ ихъ убѣгатьсто, а передъ сотней вашихъ—ихнихъ десять тысячъ". Тамъ-же Онъ потомъ добавляетъ: „Если вы оставите безъ вниманія приказаніе Мое, гласъ Мой

---

[1]) Екклес. гл. 10.

[2]) Второзак. гл. 28.

и заповѣдь Мою, тогда навсегда будутъ прокляты всѣ дѣла ваши, и страхъ появится въ очахъ вашихъ передъ самымъ слабымъ непріятелемъ, и лицо Мое обращу противъ васъ, такъ-что вы падете отъ меча непріятелей вашихъ и очутитесь въ рабствѣ у народа невѣдомаго, который будетъ чувствовать къ вамъ омерзѣніе. И вы будете спасаться бѣгствомъ, хотя никто не будетъ гнаться за вами. Наконецъ, вы будете страшиться древеснаго листа, колеблемаго вѣтромъ". Вотъ вамъ, милостивые государи братья, по-истинѣ суровое рѣшеніе и суровый приговоръ, но въ тоже время непогрѣшимый, исходящій отъ Господа Бога; онъ долженъ постоянно раздаваться въ ушахъ нашихъ.

Что за несчастіе, Милостивый Боже,—эта наша безмѣрная сонливость! Хотя мы явно видимъ, что мы оскорбляемъ и безчестимъ святое имя Господне, тѣмъ не менѣе мы продолжаемъ безпечно спать и даже явно предаемся излишествамъ въ нашемъ ожесточеніи. Развѣ нуженъ лучшій соглядатай нашему непріятелю или бóльшій предатель, который сообщалъ-бы о всѣхъ нашихъ дѣлахъ, когда имѣется на лицо самый ужасный соглядатай и предатель—нашъ грѣхъ вмѣстѣ съ нашими преступленіями? По-истинѣ мы должны сознаться, что мы сами являемся добровольными соблазнителями и грабителями нашего отечества и всѣхъ нашихъ богатствъ; Господь, какъ Онъ и грозилъ, надѣляетъ нашихъ непріятелей смѣлымъ сердцемъ и свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ дѣлахъ, а намъ внушаетъ страхъ, такъ что мы легко пугаемся древеснаго листа, колеблемаго вѣтромъ; такимъ образомъ мы никогда не соберемся ни на какой доблестный подвигъ.

Поэтому, милостивые государи братья, издавна всюду славные и достойные Поляки!—если мы хотимъ быть страшными каждому нашему непріятелю, если мы хотимъ обезопасить себя отъ всѣхъ самыхъ ужасныхъ несчастій, если мы хотимъ, чтобы всѣ дѣла и предпріятія наши всегда были славными и цвѣтущими во всѣхъ отношеніяхъ, то мы должны поступать согласно предостереженію святаго Павла: „Доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро [1])". Мы должны также поступать согласно поуче-

[1]) Посл. къ Галат. гл. 6.

нію пророка Господня Исаіи, который обращается къ намъ съ слѣдующими словами: „перестаньте дѣлать зло, научитесь дѣлать добро [1]". Вотъ ваше оружіе, вотъ ваши пушки, вотъ ваши самые крѣпкіе панцыри! Обратитесь, совѣтую вамъ, милостивые государи братья, къ этому святому оружію, къ этому крѣпкому щиту; это оружіе—самое мощное, оно освободитъ васъ отъ вашихъ несчастій. Самый мощный щитъ это упованіе на Господа Бога; вооруженный такимъ оружіемъ ничего не бойся, никакого противника твоего, никакого твоего несчастія!

Вѣдь если Господь по заповѣдямъ своимъ будетъ съ тобою, то каждый противникъ твой долженъ падать и дрожать предъ тобою и не будетъ для тебя никакой опасности. Глаза твои будутъ внушать такой страхъ, что отъ одного взгляда твоего множество враговъ твоихъ должно убѣгать; Гогъ и Магогъ [2]), т. е. твои самые злѣйшіе враги Турокъ съ Татариномъ, не устоятъ на одномъ мѣстѣ, ибо, по заповѣди Господней, они должны быть уничтожены и стерты со всѣми своими войсками, они должны впасть въ ничтожество со всею своею силою, такъ что псы и степные звѣри не будутъ въ состояніи пожрать ихъ трупы, а твои кони по косточки будутъ бродить въ крови воителей.

Если-бы мы по нашей сонливости и небрежности или даже по вѣроломству вздумали-бы обманывать милое отечество, самихъ себя и весь христіанскій пограничный народъ, то въ такомъ случаѣ каждый легко можетъ убѣдиться въ милости къ намъ Господней изъ того, что Господь Богъ отвелъ намъ въ обладаніе Королевство Польское, громадное вдоль и вдоперекъ. Какъ въ ширину, такъ и въ длину не малое пространство захватываетъ оно со всѣми своими угодьями; но если гдѣ оно могло-бы имѣть мѣсто для своихъ колоній, то только на Украинѣ! Какъ легко могла-бы осуществиться эта колонизація, если-бы не препятствовали ей—наши небрежность и сонливость. Хотя Господь Богъ былъ разгнѣванъ и сильно оскорбленъ несносными и жестокими поступками украинскихъ обитателей, которыми

---

[1]) Пр. Исаіи гл. 1.

[2]) Пр. Іезек. гл. 39.

они и ранѣе раздражали Его святую милость, тѣмъ не менѣе я смѣло могу сказать, что причиною этому, какъ въ Содомѣ и Гоморрѣ, было исключительно чрезмѣрное изобиліе хлѣба, въ которомъ они плавали точно какъ-будто въ салѣ. Сдѣлавшись тучными, жирными, они вздумали противиться Господу [1]). За это Господь Богъ, воспылавъ противъ нихъ страшнымъ гнѣвомъ, уничтожилъ ихъ роскошныя царства, ихъ самихъ отдалъ въ неволю въ басурманскія руки, а Украину вотъ ужъ нѣсколько сотъ лѣтъ какъ обратилъ въ голую пустыню. А между тѣмъ эта Украина, какъ я говорю, можетъ быть житницей другихъ странъ, какъ нѣкогда былъ Египетъ. Поля ея такъ прекрасны, какъ Елисейскія поля у Вергилія; то они тянутся равниною, то пересѣкаются горами, борами и лѣсами; характеръ ихъ веселый и урожайный. Въ Украинѣ такое изобиліе скота, звѣрей, различныхъ птицъ, рыбъ и другихъ вещей, служащихъ для пропитанія людей, что можно подумать, будто она была родиною Цереры и Діаны. Меда столько добывается въ ея бортяхъ и пасѣкахъ, что забываются и сицилійская Гилла, и аттическій Гиметъ. Виноградная лоза произрастаетъ тамъ и легко можно было-бы устроить добываніе вина. Огромное число въ Украинѣ рыбныхъ рѣкъ, отцемъ которыхъ является Днѣпръ, шириною, какъ Висла во время половодья; онъ беретъ начало въ предѣлахъ Московскаго государства, течетъ мимо Кіева и затѣмъ впадаетъ въ море. Итальянскихъ орѣховъ такое множество въ Украинѣ, какъ будто она была ранѣе итальянской землей. Трудно перечислить, сколько въ ней рыбныхъ озеръ. Но къ чему тратить напыщенныя слова, когда можно однимъ словомъ опредѣлить, что Украина—это все равно, что та обѣтованная земля, которую Господь Богъ обѣщалъ народу еврейскому,—текущая молокомъ и медомъ [2]). Я смѣло могу примѣнить къ этой Украинѣ слова, заимствованныя святымъ апостоломъ Павломъ [3]) у Исаіи [4]): „Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не при-

[1]) Прор. Іерем. гл. 5.

[2]) Исходъ гл. 13.

[3]) 1 посл. къ Кор. гл. 2.

[4]) Пр. Исаіи гл. 64.

ходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его". Итакъ я говорю, что эта прелестная Украина была наказана за свои грѣхи, и по нашей сонливости и небрежности обращена почти въ пустыню. Теперь мы не заботимся о томъ, чтобы эту пустыню и эту привлекательную Украину вновь заселить людьми и при томъ такими людьми, за спинами которыхъ мы, какъ-бы за стѣной, были укрыты отъ непріятелей св. Креста. А между тѣмъ это легко можно было-бы осуществить, такъ какъ каждый, кто только попробуетъ Украины, долженъ въ ней и остаться: она притягиваетъ къ себѣ человѣка, изъ какого-бы народа онъ ни происходилъ, какъ магнитъ желѣзо. А происходитъ это отъ свойствъ страны: небо Украины веселое, климатъ здоровый, земля плодородная. Украина манитъ насъ и громко призываетъ пріидите ко мнѣ всѣ, которые боретесь съ песками и съ трудомъ добываете пропитаніе, и я надѣлю васъ землями, щедро дающими урожай. Справедливо призываетъ она тѣхъ бѣдняковъ, которые предпочитаютъ здѣсь терпѣть нужду и недостатокъ, нежели на Украинѣ плавать въ изобиліи и воздавать честь и хвалу Господу Богу за неизрѣченные дары его. Лѣнивцы и сонливцы предпочитаютъ, чтобы непріятель развертывалъ въ ихъ отечествѣ свои знамена и наслаждался, нежели, чтобы сами они совмѣстно съ своимъ милымъ и достойнымъ потомствомъ пользовались дарами Божіими въ честь и хвалу Господу Богу. Лѣнивый землякъ мой предпочитаетъ, чтобы тамъ напрасно горѣли пожары, выли волки, блаженствовали дикіе кони вмѣстѣ съ медвѣдями и сернами, нежели, чтобы онъ самъ, разумное твореніе Господне,—былъ обладателемъ всего этого. Этимъ путемъ можно было-бы отразить и тѣ татарскіе загоны, которымъ очень понравилось пребываніе тамъ. Если оставить это дѣло безъ вниманія теперь, то потомъ, дѣйствительно, оно принесетъ не малый вредъ. Хотя люди считаютъ это—мелочью, но тѣмъ не менѣе вредное это владѣніе, и трудно придумать, какъ потомъ выгнать давно владѣющаго злаго сосѣда. О если-бы они опомнились и раскаялись въ своемъ легкомысліи! Если не теперь, то потомъ они будутъ жалѣть объ этомъ! И скоро они сознаютъ, если не

опомнятся, что они должны сожалѣть объ этомъ. Вѣдь если-бы эти пустыни прочно заселились, то прославилась-бы этимъ Корона, да и людей прибавилось-бы не мало для защиты. Я смѣло могу сказать, что прибавилось-бы столько, сколько собирается изъ Малой и Великой Польши. Увеличился-бы по крайней мѣрѣ вдвое и доходъ Короны Польской соотвѣтствовенно съ тѣмъ доходомъ, который давала эта Украина раньше, въ былыя времена. Изъ многихъ данныхъ видно, что раньше тамъ корцами мѣрили деньги; видно это также по церквамъ и по немалымъ расходамъ, которые производились въ честь и похвалу Господу Богу; просто лопатами валили деньги на стѣны и крыши церквей, украшая ихъ довольно замысловатыми художествами. Обратимся также къ опустѣлымъ замкамъ или, какъ ихъ называютъ въ томъ краѣ, городищамъ, насыпаннымъ изъ земли, очень прочнымъ и внушительнымъ; ихъ нельзя взять никакой силой (развѣ выморить городомъ гарнизонъ) и нельзя разрушить, даже если свезти пушки со всего свѣта; они могутъ существовать безъ всякаго разрушенія, пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ; если ихъ укрѣпить нѣсколько башнями, и призвать на помощь Господа Бога, то я не знаю, кто можетъ выступить противъ насъ [1]), ибо въ нихъ можно упорно отбиваться нетолько отъ турецкой и татарской силы, но даже отъ всѣхъ силъ цѣлаго свѣта. Кто этому не вѣритъ, пусть самъ осмотритъ и легко и безошибочно убѣдится въ справедливости моего мнѣнія.

Видя Украину, столь богатую даже на первый взглядъ, во всѣхъ отношеніяхъ выгодную и легко обороняемую, будемъ-ли мы и далѣе небрежными и сонливыми въ отношеніи къ населенію этой пріятной, милой, роскошной и изобильной окраины нашего отечества? Будемъ-ли мы—ради Бога живаго!—и далѣе такъ мало желать добра себѣ самимъ, братьямъ и сестрамъ нашимъ? Будемъ-ли мы и далѣе отдавать не только самихъ себя, но и достойныхъ братьевъ нашихъ въ мясныя лавки непріятелю Святаго Креста вмѣсто того, чтобы помагать имъ устроить болѣе

---

[1]) Посл. къ Римл. гл. 8.

спокойный и безопасный быть? А между тѣмъ есть нѣсколько способовъ устроить такъ, что непріятель не будетъ вторгаться такъ далеко и не будетъ распускать своихъ знаменъ, разгуливая по роскошнымъ, милымъ, очаровательнымъ елисейскимъ полямъ.

Для того, чтобы вы, мои милостивые государи братья, узнали наиболѣе легкій и быстрый способъ заселенія этихъ пустынь къ величайшей выгодѣ и къ удивленію всей Польской Короны, я подамъ вамъ нѣсколько совѣтовъ, весьма практичныхъ и удобоисполнимыхъ.

Прежде всего вы должны уговорить Его Величество Короля, чтобы онъ со всѣмъ дворомъ своимъ проводилъ какъ можно болѣе времени (если дѣла дозволятъ это) на Украинѣ или даже въ самомъ Кіевѣ. Люди, которые часто будутъ проѣзжать къ Королю и отъ него обратно, будутъ присматриваться къ плодороднымъ краямъ, къ роскошнымъ мѣстамъ, къ очаровательному мѣстоположенію; сначала будутъ любоваться, а затѣмъ вздумаютъ и поселиться. Также и тѣ, которые будутъ находиться въ составѣ двора Его Королевскаго Величества, сами по себѣ будутъ заселять эти пустыни, такъ какъ давно уже сложилась справедливая поговорка: гдѣ хорошо, тамъ и отечество. Издержки на содержаніе Его Величества Короля со всѣмъ дворомъ его будутъ далеко меньшими, потому-что на Украинѣ Его Величество за два года не истратитъ того, что онъ истратитъ за годъ, живя въ Польшѣ. Его Величество Король въ первый-же годъ убѣдится въ этомъ и согласится со мною, что это—такъ, а не иначе. Не на руку будетъ басурману слышать, что подъ бокомъ у него находится Король Польскій и Помазанникъ Божій съ многолюдной свитой придворныхъ; басурманъ ежечасно будетъ бояться опасности, которая можетъ угрожать ему, а между тѣмъ все живое въ Польшѣ будетъ стремиться подъ крылья своего Государя на заселеніе этихъ пустынь, набираясь силы и смѣлости для борьбы съ безстыдными бусурманами, врагами Святаго Креста. Безсмертная слава Его Величества Короля будетъ отъ этого возрастать, а радость, веселье и выгоды

Короны Польской будутъ умножаться. Но что не только не менѣе, но еще болѣе важно, такъ—это то, что истинная вѣра въ Бога, ранѣе засыпанная пепломъ и почти погребенная, снова начнетъ тамъ распространяться и засіяетъ, какъ самая блестящая заря.

Другой удобный способъ для заселенія этихъ пустынь заключается въ томъ, чтобы Его Величество Король озаботился построить на самыхъ шляхахъ, ведущихъ со стороны Татаръ и Волоховъ, четыре замка; чтобы онъ озаботился содержать въ постоянной наличности на Низу за самыми Порогами по крайней мѣрѣ пять тысячъ народа козацкаго или, иначе, наемниковъ [1])—съ такимъ условіемъ, чтобы они не грабили болѣе во время своихъ стоянокъ областей нашего Короля, чтобы не учиняли никакихъ притѣсненій людямъ и чтобы не нарушали перемирій съ Туркомъ и съ иными монархами [2]). Держа ихъ такимъ образомъ на вожжахъ и подъ начальствомъ дѣльнаго Гетмана, чтобы они не выходили за предѣлы дозволеннаго, слѣдуетъ ихъ, согласно поученію апостола Павла, снабдить пропитаніемъ и одеждой [3]). Способъ для этого слѣдующій.

Прежде всего что касается пропитанія, то каждому изъ нихъ въ отдѣльности слѣдуетъ давать ежемѣсячно по четыре злотыхъ (принимая при этомъ въ разсчетъ и ихъ жалованье). А такъ какъ деньги имъ будутъ выдаваться ежемѣсячно, то ежемѣсячно при выдачѣ денегъ всѣ наемники будутъ маневрировать и подвергаться переписи передъ гетманомъ или передъ его намѣстникомъ, принесшимъ присягу на вѣрность службѣ. Между тѣмъ писаря и казначеи, назначенные кіевскимъ бискупомъ и также присягнувшіе, обязаны тщательно наблюдать, чтобы при этомъ не вышло какого-нибудь недоразумѣнія и чтобы Рѣчь-

---

[1]) Конституція сейма 1590 г. не опредѣляетъ впередъ числа Низовцевъ или Запорожцевъ (термина *козаки* она не употребляетъ), но установляетъ, чтобы имъ велся точный поименный списокъ и чтобы Низовскій или Запорожскій *старшій* постоянно увѣдомлялъ Короннаго Гетмана о перемѣнахъ въ личномъ составѣ войска.

[2]) Такими-же условіями обставлено существованіе войска и въ Конституціи сейма.

[3]) 1 посл. къ Тим. гл. 6.

Посполитая не была при этомъ въ чемъ-нибудь обманута или введена въ убытокъ. И тутъ-же тотчасъ вышеупомянутые казначеи при писаряхъ должны будутъ выдавать деньги людямъ, годнымъ къ службѣ, вручая ихъ лично, а ротмистрамъ должны также давать въ руки назначенное имъ жалованье для того, чтобы какъ старшій, такъ и младшій не были обижены при полученіи ими жалованья. А деньги эти должны собираться ни изъ какого иного источника, но только изъ русскихъ десятинъ и изъ кварты, тѣмъ болѣе, что кварта еще предками нашими опредѣлена была ни на что иное, какъ только на оборону Рѣчи-Посполитой [1]. Этого не слѣдуетъ ломать, а въ особенности намъ, истиннымъ сынамъ нашихъ милыхъ отцовъ, не слѣдуетъ ломать такого здраваго установленія и такого разумнаго рѣшенія ихъ. Напротивъ, эту кварту слѣдуетъ обращать ни на что иное, а только на одну оборону нашу и нашихъ милыхъ братьевъ, которые живутъ на Украинѣ, и, пребывая въ величайшей опасности, постоянно взываютъ къ намъ словами святаго Іова: „Помилуйте меня, помилуйте меня, вы, друзья мои [2]“.

О какая счастливая была-бы эта кварта, еслибы она могла постоянно получать надлежащее назначеніе! А между тѣмъ необходимо нужно, чтобы она его получала, такъ какъ, благодаря этой квартѣ, не только устроился-бы непрерывный способъ защиты Рѣчи-Посполитой въ видѣ готоваго войска, но и открылось-бы поприще для развитія воинственности въ благородномъ рыцарскомъ сословіи Короны Польской. Здѣсь потомъ образовывались-бы ротмистры, а изъ ротмистровъ—гетманы. Кромѣ того, благодаря этой квартѣ, при такомъ порядкѣ мы скорѣе моглибы изготовиться къ отпору въ случаѣ внезапнаго нападенія, каковое мы неоднократно испытывали на своемъ вѣку, нежели при порядкѣ нашихъ медленныхъ *вици*. Вѣдь прежде чѣмъ ты выберешься изъ дому вслѣдъ за вицями и прежде чѣмъ ты соберешь слугъ для отпора внезапному нападенію и спасенія твоихъ братій, какъ тутъ ужъ, благодаря быстротѣ ужаснаго непріятеля, братъ твой на веревкѣ, привязанъ, какъ какой-нибудь

---

[1] Законъ Сигизмунда Августа, изданный въ Піотроковѣ въ 1562 г.

[2] Іова, гл. 19.

злодѣй, и скачетъ невинный бѣдняга съ боку у коня жестокаго басурмана. А вотъ уже жена его, которая, какъ винная лоза, давала плоды въ домѣ милаго супруга[1]), служитъ предметомъ наслажденія развратнаго басурмана, къ сожалѣнію и стыду для твоего брата. Милыя его дѣтки не вьются уже, какъ молодые побѣги, вокругъ стола своего милаго отца, но какъ щенки воютъ, выглядывая изъ мѣшка у басурмана,—ему на потѣху, а родителямъ своимъ милымъ на великую жалость. Уже дымъ вслѣдъ за непріятелемъ вновь курится, а тутъ на глазахъ твоего брата тлѣютъ—его достояніе и его жилище.

Пусть же каждый изъ васъ подумаетъ, мои милостивые государи и братья, какъ озлобляется противъ васъ облитое кровью сердце милаго брата вашего за ваше медленное снаряженіе; пусть каждый изъ васъ подумаетъ, какъ братъ вашъ будетъ плакать, какъ онъ будетъ нарекать предъ Великимъ Господомъ вашимъ за то, что вы могли его спасать и не спасали, могли подумать раньше о болѣе дѣйствительной защитѣ его и не думали и, наконецъ, имѣя уже кварту, предназначенную для его обороны, обратили ее на что-либо иное. Поэтому я прошу васъ ради Господа Бога живаго, чтобы по крайней мѣрѣ кварта была обращена на пограничное войско, а не на что-либо иное,—въ виду возможности внезапнаго нападенія; и это вы сдѣлаете, если не хотите болѣе вмѣстѣ съ вашими братьями испытывать ужасныя опасности отъ жестокаго тирана, если не хотите чтобы братья ваши по заслугамъ проклинали васъ за вашу непомѣрную косность.

А такъ какъ съ одной стороны на содержаніе пяти тысячъ наемниковъ требуется 240.000 злотыхъ, а кварта не можетъ дать болѣе 120.000 злотыхъ; съ другой—нельзя истощать другихъ источниковъ доходовъ Рѣчи-Посполитой, ибо королевству приходится оглядываться на всѣ стороны; съ третьей—Русская Украина должна быть увѣрена въ своей безопасности;—то было-бы самымъ цѣлесообразнымъ, чтобы всѣ рѣшительно жители Русской земли, безъ всякаго исключенія, начиная съ того года, когда организуется содержаніе войска, отдавали-бы на руки

[1]) Псал. 127.

Кіевскому бискупу десятую копу своего урожая на предметъ обороны края. Это должно дѣлаться изъ любви къ намъ самимъ, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло болѣе всего о насъ самихъ, а также изъ любви ко всей Рѣчи-Посполитой, и, кромѣ того, по доброй волѣ и желанію каждаго. Вѣдь какъ всякая душа требуетъ защиты, мира, такъ тѣмъ болѣе Русская земля. Поэтому нужно похлопотать, чтобы каждый на вѣчныя времена жертвовалъ на это часть своего заработка и не ужасался-бы этого, потому что это добрая и счастливая копа, которая стережетъ девять остальныхъ и охраняетъ даже здоровье и свободу вашу. Вѣдь вы испытывали уже и хорошо знаете, какъ вы были не разъ ограбляемы врагомъ Святаго Креста, какъ не разъ пришлый суровый непріятель вторгался съ огромной силой въ вашъ домъ, какъ онъ не разъ сжигалъ жестокимъ огнемъ вашъ домъ и всѣ предметы вашего наслажденія, какъ не разъ онъ отрубывалъ головы вашимъ дѣткамъ на вашихъ глазахъ, какъ не разъ онъ насиловалъ почтенныхъ супругъ вашихъ, и потомство ваше, и даже васъ самихъ, какъ не разъ случалось, что онъ водилъ васъ на цѣпяхъ, какъ псовъ, съ боку у коней своихъ, нанося вамъ удары по головамъ, какъ не разъ уже захватывалъ и расточалъ имущество ваше! Право не разъ уже исполнялась надъ Руской землей та жалоба Вергилія, которую онъ выражаетъ слѣдующими словами:

„Наша работа пошла въ пользу чужимъ, а намъ на долю достались—сожалѣніе съ проклятою нуждою; мы не вольны въ своемъ, а въ наши края входитъ пришлый народъ, угнетая насъ безъ причины. Несогласіе тому причиной, домашнія распри; какое разореніе отъ этиго, едва-ли кто въ состояніи выразить [1])“.

Не менѣе достойно сожалѣнія также и то, что если тебя не ограбилъ и до конца не разорилъ твой пришлый непріятель и если онъ не поймалъ тебя, какъ птичку на яйцахъ, то тогда едва-ли не ужаснѣе грабитъ тебя и разоряетъ твой теперешній защитникъ. Вѣдь развѣ жолнеръ или козакъ, когда находится въ твоемъ домѣ, не стоитъ самаго суроваго турка или самаго

---

[1]) Такъ Верещинскій передѣлываетъ двустишіе Вергилія: Barbarus has segetes, En quo discordia cives Perduxit miseros. En queis consevimusagros? Buc Egl. I.

гадкаго татарина? Ты не разъ убѣждался, что тогда ты, къ несчастью, уже не распоряжаешься своей женой, своими дѣтьми, своими слугами, не распоряжаешься своимъ домомъ и всѣмъ своимъ хозяйствомъ. А что еще тяжелѣе, такъ это то, что подобный постоялецъ не уважаетъ въ тебѣ своего хозяина, а считаетъ какъ-бы своимъ невольникомъ; уже не ты являешься владыкой дома, а твой неотвязчивый гость; ужъ не ты распоряжаешься своимъ добромъ, а, напротивъ, жолнеръ или козакъ выдаетъ тебѣ пропитаніе и помыкаетъ тобою, какъ невольникомъ: чести тебѣ ни на грошъ не оказываетъ, домъ твой позоритъ, тебя изъ дому твоего собственнаго выталкиваетъ и палкой бьетъ. Дѣйствительно, съ каждымъ изъ васъ дѣлаетъ то, что пишетъ Вергилій о жолнерахъ и о козакахъ въ одномъ изъ своихъ стиховъ:

„Безбожные жолнеры съ козаками подвергли жестокому грабежу наши осѣдлости, безъ всякаго сожалѣнія [1])“.

Видя и испытавши не разъ на себѣ все это, будешь-ли ты противиться отдачѣ десятины? Вѣдь она предохранитъ тебя отъ всякаго гнета и утѣсненія т. е. отъ плѣна и всяческой обиды и даже отъ всякой опасности; она защититъ тебя какъ отъ пришлаго непріятеля, такъ и отъ присутствующаго жолнера или козака. Къ тому-же я хорошо знаю, что вы не даете никакихъ десятинъ въ пользу вашихъ церквей, между тѣмъ какъ отъ нихъ не освобождены ни Его Величество Король, ни бискупы и абсбаты, ни всякіе иные жители Короны Польской. И вотъ теперь если вы согласитесь на это, то каждый Кіевскій бискупъ за эти десятины ваши обязанъ будетъ на будущее время умножать хвалу Господню. Въ этомъ важнѣйшій щитъ и оружье противъ каждаго непріятеля Святаго Креста и объ этомъ напоминаетъ каждому Господь Богъ своими словами: „Ищите прежде царства Божія и это все приложится вамъ [2])“. Получивши въ свое распоряженіе эти десятины, бискупъ будетъ заботиться, чтобы возмѣщать изъ нихъ всю ту сумму, какая убудетъ или недоста-

---

[1]) Передѣлка стиха: Impius haec tam culta novalia miles habebit. Buc. Egl. I.

[2]) Ев. Матѳ. гл. 6.

нетъ изъ кварты на содержаніе наемнаго пограничнаго войска. Каждый обыватель на пространствѣ двадцати миль вдоль и впоперекъ долженъ будетъ, вымолотивши эту десятину, доставить ее зимою въ Кіевъ, а бискупъ долженъ будетъ на заготовленныхъ для этого судахъ сплавить ее весною до Пороговъ и затѣмъ сухимъ путемъ доставить ее въ войско, устроивши все это возможно практичнѣе. Остальную же часть десятинъ, въ виду далекой доставки ея въ Кіевъ, слѣдуетъ не отвозить туда, а обратить въ деньги съ соблюденіемъ возможной выгоды.

Какъ каждый сеймъ безъ духовнаго сословія ничего не стоитъ, какъ каждый трибуналъ не можетъ обойтись безъ духовнаго сословія, такъ тѣмъ болѣе каждое войско безъ духовнаго сословія—все равно, что тѣло безъ души, что армія безъ гетмана, что овцы безъ пастыря. Такъ какъ для каждаго Кіевскаго бискупа, какъ для украинскаго сенатора, весьма важно пребываніе его при войскѣ вмѣстѣ съ капелланами и мудрыми проповѣдниками, то, по моему мнѣнію, болѣе всего прилично ему и отправленіе казначейскихъ обязанностей безъ всякаго за это вознагражденія. Мнѣ кажется весьма разумнымъ возложить эту обязанность на вѣчныя времена на Кіевскаго бискупа, чтобы онъ не только выполнялъ въ войскѣ свой пастырскій долгъ, но чтобы также по обязанности казначея заботливо наблюдалъ, дабы сумма, предназначенная на оборону Рѣчи-Посполитой, во вѣки вѣковъ не убывала; а если-бы и убыла на сколько-нибудь, то чтобы онъ пополнялъ ее изъ вышеуказанныхъ десятинъ, а не изъ казны Рѣчи-Посполитой.

Быть не можетъ, чтобы при честности каждаго Кіевскаго бискупа не оставалось отъ упомянутыхъ десятинъ какихъ-либо обрѣзковъ. Тогда обязанностью каждаго Кіевскаго бискупа будетъ озаботиться, чтобы насчетъ остатковъ отъ десятинъ былъ основанъ въ самомъ Кіевѣ Іезуитскій коллегіумъ для образованія всего молодаго поколѣнія Русскихъ краевъ[1]). Тогда люди

---

[1]) Іезуиты впервые появились въ Польшѣ въ 1552 г. Въ 1564 г. они основали первые коллегіумы въ Брунсбергѣ и Пултускѣ. Въ 1569 г. они поселились въ Вильнѣ. Затѣмъ постепенно они основываются въ Краковѣ (1579), въ Плоцкѣ (1580), въ Ригѣ (1582), во Львовѣ (1590).

не будутъ входить въ большіе расходы на отправленіе дѣтей въ далекіе края для обученія свободнымъ наукамъ, но, имѣя здѣсь-же передъ глазами достойную школу, тѣмъ болѣе будутъ спѣшить въ нее. Такимъ путемъ юноши не только будутъ привыкать къ домашней жизни или готовиться къ поступленію въ рыцарскую школу, но потомъ, благодаря изученію свободныхъ наукъ, все болѣе и болѣе будутъ дѣлаться полезными всей Рѣчи-Посполитой. Теперь-же всякій какъ изъ высшаго, такъ и изъ низшаго сословія подумай, къ какому наслажденію и веселію поведутъ тебя эти десятины, когда ты увидишь, что твой милый сынъ мудрѣе тебя самого и болѣе тебя способенъ къ спасенію Рѣчи-Посполитой. Какое утѣшеніе будешь ты получать и отъ того, что во время ученія и образованія твоего милаго потомка ты часто будешь видѣть его, а потомъ онъ, сдѣлавшись бискупомъ, воеводой, каштеляномъ или какимъ-либо инымъ сановникомъ, будетъ засѣдать въ столицѣ при боку у своего Государя. Счастливая твоя десятина, милый отецъ, если она уродитъ самъ-тысяча и принесетъ безсмертную пользу! По истинѣ счастливая твоя десятина, если она охраняетъ тебя отъ опасности со стороны турокъ и татаръ, если она защищаетъ отъ утѣсненія жолнерскаго и козацкаго, если она обезпечиваетъ, чтобы никогда не было недостатка въ суммѣ, предназначенной для твоей обороны, и чтобы постоянно на вѣчныя времена стояло въ готовности войско противъ каждаго твоего непріятеля. Вотъ какіе результаты даетъ тебѣ твоя десятина.

Нужно сказать правду, что трудъ, возлагаемый при этомъ на бискупа, крайне великъ и черезъ-чуръ обременителенъ, но за то каждый бискупъ долженъ помнить, что онъ „изъ человѣковъ избираемый, для человѣковъ поставляется[1])". Кромѣ того онъ долженъ имѣть передъ глазами своими мнѣніе Платона[2]), выраженное въ письмѣ къ Архиту (Цицеронъ также заимствуетъ его[3]); въ немъ Платонъ совѣтуетъ послѣднему по-

[1]) Посл. къ Евр. гл. 5.
[2]) Plato de Republ.
[3]) Cicer Tuscul. Quaest lib. 2.

мнить, что человѣкъ родился не самъ для себя, а частью для отечества, частью для родныхъ, частью для пріятелей и потомства. Если каждый Кіевскій бискупъ будетъ придерживаться мнѣнія этого дѣльнаго писателя, то онъ долженъ будетъ согласиться, что онъ обязанъ во всякое время давать помощь и поддержку своему отечеству, принимая во вниманіе тѣ благодѣянія, которыя онъ отъ отечества получаетъ. Еще Цицеронъ сказалъ [1]): „Самый неблагодарный, нечестивый и лишенный всякой человѣчности тотъ человѣкъ, который не полюбитъ отечества болѣе, чѣмъ самого себя, послѣ того, какъ дастъ себѣ трудъ обсудить всѣ его блага". Поэтому отъ этого труда, хотя онъ и не малъ, бискупъ не долженъ отказываться, потому-что такимъ образомъ онъ не только будетъ оказывать услуги Его Величеству Королю, но и обезпечитъ за собою навсегда молитвы и пріязнь всей Рѣчи-Посполитой. А это—самое важное, если повѣримъ Цицерону [2]); къ тому же за столь почтенный и дѣльный трудъ свой онъ получитъ вѣчный вѣнецъ на небесахъ.

Не говорю уже о томъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи исправныхъ и, что самое главное, вѣрныхъ слугъ и казначеевъ, онъ самъ лично можетъ нести на себѣ мало тягости и труда.

Но всетаки для того, чтобы этотъ трудъ исполнялся старательнѣе, необходимо вамъ, милостивые государи, обратить вниманіе и на то, чтобы онъ чѣмъ-либо вознаграждался. Вѣдь написано у святаго Павла [3]): „Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его"? Поэтому необходимо озаботиться, чтобъ Кіевскій бискупъ зналъ, за что онъ работаетъ вмѣстѣ со своими слугами и писарями. Но только это вознагражденіе можно назначить не изъ казны Рѣчи-Посполитой, а отъ Армянъ, которыхъ слѣдуетъ обязать платить бискупу ежегодно на вѣчныя времена по 4.000 злотыхъ, такъ какъ трудъ бискупа потребуетъ немалыхъ расходовъ и большихъ издержекъ. И не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ ихъ жалѣть, такъ какъ эти негодяи мало необходимы нашей Коронѣ. И даже мы имѣемъ извѣстіе отъ тѣхъ, которые

[1]) Cicer. in vatin.

[2]) Cicer. de Republ.

[3]) 1 Посл. къ Коринѳ. гл. 9.

недавно возвратились изъ посольства къ Туркамъ, что они приносятъ намъ немалый вредъ у чужихъ народовъ и въ томъ числѣ у Турокъ. Ибо какъ Цыгане являются у насъ ворами и шпіонами, какъ Жиды являются самыми явными измѣнниками, такъ Армяне являются самыми вѣрными вѣстовщиками о насъ для чужихъ народовъ. Вѣдь у всѣхъ этихъ людей такая природа, что на чьемъ возу они ѣдутъ, того пѣсенку поютъ.

Для того, чтобы наемники или козаки, получая ежемѣсячное жалованье, не расточали по-пустому этихъ денегъ, то на этотъ предметъ слѣдуетъ установить въ войскѣ такой порядокъ: Гетманъ вмѣстѣ съ казначеями долженъ старательно наблюдать, чтобы всѣ наемники или козаки безъ всякаго исключенія не тратили своего жалованья ни на какой предметъ внѣ своего лагеря. Всякіе съѣстные припасы они должны пріобрѣтать и всякіе иные предметы необходимости, какимъ-бы именемъ послѣдніе ни назывались, они должны покупать только въ амбарахъ Его Королевскаго Величества; и это подъ угрозой исключенія изъ службы. Однако, чтобы это дѣло скорѣе могло войти въ свою колею, то необходимо сейчасъ-же устроить на Украинѣ складочные амбары Его Королевскаго Величества, въ которыхъ каждый изъ нихъ, смотря по своей надобности, могъ-бы достать всякіе съѣстные припасы, какъ по части ѣды, такъ и по части напитковъ, а также всякіе иные предметы обихода отъ малаго до большаго. Для того, чтобы эти амбары скорѣе могли наполниться таковыми запасами, необходимо объявить по всему Подолію, по всей Волыни, а также вообще по всей Руси, чтобы обыватели этихъ странъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою снабжали эти амбары за наличныя деньги всякаго рода пищевыми продуктами, напитками и вообще всевозможными предметами обихода; такимъ образомъ эти амбары замѣнятъ для Украины Гданскъ[1]). На пріобрѣтеніе этихъ запасовъ не могутъ быть обращены никакія иныя деньги, кромѣ половины изъ той-же суммы, предназначенной для уплаты жалованья наемникамъ. Казначеи

[1]) Нужно понимать въ томъ смыслѣ, что жители Украины будутъ сбывать продукты своего хозяйства не въ Данцигъ (Гданскъ), который былъ главнымъ отпускнымъ портомъ Старой Польши, а въ королевскіе склады.

должны скупать эти съѣстные припасы и предметы необходимости въ амбары какъ можно сходнѣе и дешевле, а наемникамъ или козакамъ за заслуженныя ими деньги должны продавать ихъ уже не примѣнительно къ украинской дешевизнѣ, а примѣнительно къ дороговизнѣ, существующей въ мѣстѣ пребыванія Его Величества Короля. Это на тотъ конецъ, чтобы на эти прибыли можно было выстроить амбары, пополнить нѣкоторые недостатки и удовлетворить инымъ потребностямъ военнаго времени.

Козаки не должны этимъ обижаться, памятуя о своемъ кушаньѣ саламахѣ[1]) и о своемъ напиткѣ сёрбѣ[2]), а также и иные служащіе, если они считаютъ себя дѣйствительно любящими сынами своего отечества. Этотъ порядокъ не долженъ ихъ возмущать, такъ какъ они имѣютъ примѣръ въ служащихъ при Его Величествѣ Королѣ. Эти послѣдніе, служа при особѣ Его Величества Короля, также получаютъ по 4 злота въ мѣсяцъ, а между тѣмъ они должны постоянно жить съ базара, прозябать въ будкахъ при Его Величествѣ Королѣ, испытывать страшное утомленіе, какъ будто служба ихъ проходила-бы на самой Украинѣ, постоянно быть насторожѣ и въ готовности на случай нападенія. Тѣмъ не менѣе они никогда не жалуются на свою судьбу, хотя между ними состоитъ на службѣ болѣе иностранцевъ, нежели нашихъ подданныхъ. И если иностранцы терпятъ „тягость дня и зной[3])“, то тѣмъ болѣе наши земляки обязаны выносить самыя сильныя невзгоды ради милаго отечества, которое ихъ воспитало и даже выкормило, какъ родная мать своихъ дѣтей. Вѣдь если сынъ не исполняетъ своихъ обязан-

---

[1]) Саламаха, какъ спеціально козацкое кушанье, упоминается и въ народной пѣсни:

Дивують Ляхи, вражиі сини,
Що ті козаки вживають:
Вживають вони щуку-рибаху,
Ще й *саломаху* зъ водою.

Зап. о Южн. Руси Кулиша, т. II, 1857, стр. 253.

[2]) *Сёрба́* или *щерба́*—такъ и до сихъ поръ называютъ въ Малороссіи родъ супа изъ крупъ. Отсюда глаголъ *сёрба́ти*=хлебать. См. Левченко, Опытъ русско-украинскаго словаря, Кіевъ 1874, стр. 159 и 173.

[3]) Ев. Мате. гл. 20.

ностей по отношенію къ родителямъ, то за это онъ подвергается упрекамъ и становится ненавистнымъ для людей. Тѣмъ большаго порицанія отъ всѣхъ и униженія заслуживаетъ тотъ. кто, получивши воспитаніе на лонѣ отечества и воспользовавшись отъ него всѣми правами и преимуществами, платитъ ему за это неблагодарностью. Каждый человѣкъ, который полезенъ только самому себѣ, а не отечеству (которое всѣхъ насъ въ себѣ объединяетъ), не можетъ считаться въ числѣ добрыхъ сыновъ его. Такой неблагодарности не обнаруживаютъ и нѣмые звѣри, напримѣръ, муравьи и пчелы, которые сообща работаютъ, сообща собираютъ, сообща отражаютъ угрожающія имъ опасности, сообща пользуются своими трудами и пріучаютъ къ нимъ свое потомство. Хотя природный инстинктъ толкаетъ и побуждаетъ насъ къ оказанію помощи другимъ, но тотъ только исполняетъ свой долгъ, чья приверженность къ Рѣчи-Посполитой проявляется въ ясныхъ и видимыхъ чертахъ. Между всѣми человѣческими общественными союзами нѣтъ ни одного, который для каждаго человѣка былъ-бы милѣе и притягательнѣе *Государства*. Ибо хотя отецъ, мать, дѣти, родственники и пріятели—милы каждому, но всѣ эти виды любви объединяются и сосредоточиваются въ любви къ отечеству. Поэтому Рѣчь-Посполитая должна считаться кораблемъ, который требуетъ работы отъ всѣхъ на немъ плавающихъ, и каждый, находящійся на немъ, долженъ стараться, чтобы корабль не утонулъ, но добрался до безопаснаго порта; всѣ на кораблѣ исполняютъ различныя работы, имѣя въ виду только одно: спасти корабль и вмѣстѣ съ нимъ себя. Также точно и всѣ подданные Рѣчи-Посполитой должны стремиться къ тому, чтобы служить ей и помагать то совѣтомъ, то ревностью, бдительностью и стараніемъ при исполненіи обязанностей; только при этомъ условіи Рѣчь-Посполитая не только будетъ сбережена отъ угрожающихъ опасностей, но и разовьется на будущія времена; подобная заботливость о ней обезпечитъ безопасность не только теперешнимъ ея обитателямъ, но и ихъ потомству. И какъ заслуживаетъ порицанія и пренебреженія тотъ, кто, плавая на кораблѣ, болѣе заботится о себѣ, нежели о кораблѣ и о другихъ,

въ немъ находящихся, такъ точно заслуживаетъ презрѣнія и изгнанія изъ человѣческаго общества тотъ, кто въ часы опасности для Рѣчи-Посполитой сосредоточиваетъ мысль болѣе на личномъ своемъ благополучіи, нежели на общественномъ. Если обыватели, вооружившись такимъ мнѣніемъ и намѣреніемъ, будутъ съ легкимъ сердцемъ переносить всѣ несчастія, постигающія ихъ изъ-за достоинства, свободы и спасенія отечества, то они по-праву заслужатъ имя добрыхъ и полезныхъ сыновъ отечества; если всѣ ихъ поступки будутъ направлены не къ преслѣдованію частныхъ выгодъ, а къ спасенію отечества, то этимъ путемъ они пріобрѣтутъ себѣ безсмертную славу.

Что касается одежды козаковъ, то необходимо дать каждому изъ нихъ въ отдѣльности по 10 локтей лунскаго сукна. За это сукно причиталось-бы уплатить 50.000 злотыхъ, но чтобы это бремя не легло тягостью на казну Рѣчи-Посполитой, то необходимо возложить его на Жидовъ. Они на вѣчныя времена обязаны будутъ на свой собственный счетъ доставлять 5.000-амъ козаковъ 50.000 локтей сукна ежегодно и сдавать его на руки казначею Кіевскаго бискупа для равномѣрнаго распредѣленія между козаками. Они скорѣе добудутъ лучшій сортъ сукна и навѣрное купятъ все количество дешевле, нежели за 50.000 злотыхъ, въ виду ихъ извѣстной изворотливости. Сравнительно съ ихъ многолюдствомъ это не тяжелое для нихъ бремя, такъ какъ они очень тягостны намъ и нашимъ подданнымъ. Почти всѣ наши имѣнія выцѣжены ими и они, вѣрно, околдовали насъ, какъ Цыгане, и заразили своимъ дыханіемъ, какъ волки, потому-что они разоряютъ насъ въ Польшѣ, какъ хотятъ, и всѣхъ насъ отъ низшаго сословія и до высшаго къ стыду нашему водятъ за собою за носъ. Развѣ не Жиды черезъ руки Армянъ перетащили всѣ сокровища Рѣчи-Посполитой къ Туркамъ и Волохамъ? Развѣ не Жиды черезъ посредство Армянъ передаютъ чужимъ народамъ тайныя свѣдѣнія о дѣлахъ всего Королевства Польскаго? Вѣдь на это направляетъ ихъ Талмудъ, въ которомъ (въ порядкѣ 2 въ трактатѣ 1 въ раздѣлѣ 5 на листахъ 11 и 15) можно прочесть слѣдующія слова: „Евреи должны больше гнушаться христіанскимъ господствомъ, нежели язычес-

скимъ. Меньше грѣха служить язычнику, нежели христіанину". Въ другомъ мѣстѣ написано въ Талмудѣ (читай это въ порядкѣ 8): „Если Еврей увидитъ христіанина на опасномъ мѣстѣ, то даже, если-бы могъ его спасти, не долженъ этого дѣлать, а, напротивъ, долженъ толкнуть его въ шею". Объ этомъ-же пишетъ нѣкій докторъ Рафальфесъ въ раздѣлѣ 2 на листѣ 355 тѣхъ книгъ, которыя озаглавлены: Арба Туримъ и проч. Но пойдемъ далѣе. Развѣ Жиды вопреки государственному праву не захватываютъ въ свои руки лучшія аренды? Законъ[1]) запрещаетъ имъ занимать общественныя и государственныя должности, на которыхъ они могли-бы раздавать приказанія христіанамъ, а между тѣмъ, владѣя арендами, они не только повелѣваютъ христіанами, но и продѣлываютъ съ ними все, что вздумается, къ величайшей для насъ обидѣ. Развѣ Жиды вопреки государственному праву[2]) не держатъ на откупѣ таможенъ, пошлинъ и чоповаго? Развѣ они вопреки государственному праву[3]) не держатъ у себя христіанской прислуги? Развѣ они не настроили моленъ почти при каждомъ жилищѣ своемъ вопреки данной имъ привиллегіи и даже вопреки ихъ стародавнему обычаю?[4]) Вѣдь даже въ то время, когда государство ихъ процвѣтало, они не имѣли такого преимущества, ибо мы читаемъ, что они имѣли только одинъ храмъ Соломоновъ въ Іерусалимѣ[5]), въ который они всѣ въ опредѣленныя времена съѣзжались и сходились на богослуженіе,—даже изъ отдаленныхъ краевъ. Развѣ не противорѣчитъ государственному праву также и то[6]), что Жиды не хотятъ ходить въ желтыхъ шапкахъ? Не на руку намъ и то отвратительное жидовское проклятіе, которое можно прочитать въ ихъ ежедневныхъ молитвахъ, произносимыхъ ихъ жидовскими раввинами трижды въ день въ молельняхъ, которыхъ они настроили втрое болѣе, чѣмъ нужно. Звучитъ оно по

---

[1]) Законъ Сигизмунда I, изданный въ Піотроковѣ въ 1538 г.

[2]) Законъ Сигизмунда-Августа, изданный въ Піотроковѣ въ 1565 г.

[3]) Законъ того же короля, изданный въ 1567 г.

[4]) Законъ того же короля, изданный въ 1565 г.

[5]) 3 кн. Царствъ, гл. 5.

[6]) Законъ Сигизмунда I, изданный въ Піотроковѣ въ 1538 г.

еврейски такъ: „Шувохъ Хеймосхо ель хагоимъ ейншаръ леу іейдухо веіаль Мамлехесъ ейншаръ бейшымхо леукороу"; а по-нашему значитъ: „Разлей, о Боже, свой гнѣвъ на всѣхъ христіанъ и на всѣхъ ихъ королей, которые не хотятъ перейти въ нашу вѣру". Мы читаемъ объ этомъ жидовскомъ ядѣ и въ Талмудѣ ихъ въ порядкѣ 1 въ трактатѣ 1 въ раздѣлѣ 4: „Мы приказываемъ каждому Еврею три раза на день проклинать всю христіанскую церковь и просить Господа Бога, чтобы Онъ разгромилъ, раздавилъ и съ корнемъ уничтожилъ всѣхъ христіанъ вмѣстѣ съ ихъ королями, князьями и господами". Въ особенности это должны исполнять жидовскіе раввины, когда они трижды въ день молятся въ синагогахъ или молельняхъ, въ оскорбленіе Іисусу Назарейскому. Подтверждаютъ нашъ взглядъ и ихъ слова, которыя мы читаемъ въ Талмудѣ въ томъ-же, указанномъ выше, мѣстѣ: „Богъ повелѣлъ Евреямъ, чтобы они присваивали себѣ христіанскія имущества всѣми возможными способами: подлостью, насиліемъ, ростовщичествомъ, даже воровствомъ". А ну-ка, каждый христіанинъ, провѣрь на себѣ, развѣ Жиды не исполняютъ надъ нами повелѣнія своего Талмуда? Въ виду этого, такъ какъ они не только намъ непріязненны, но и нарушаютъ наши законы, и къ тому-же поступаютъ съ нами все равно, какъ хищные волки, то было-бы странно съ нашей стороны дѣлать имъ какія-либо поблажки и не возлагать на нихъ на вѣчныя времена поставки сукна для козаковъ; все равно они своимъ мошенничествомъ сорвутъ и сдерутъ съ насъ всѣ свои затраты. Даже защитники ихъ (изъ христіанъ) сознаются, что не разъ испытывали это на себѣ, а между тѣмъ, благодаря ихъ ходатайствамъ, дѣла жидовскія процвѣтаютъ, а мы прочіе и они сами— даемъ себя обманывать.

Такому войску, о какомъ упомянуто выше, нуженъ гетманъ [1])—человѣкъ, украшенный доблестью, дѣльный и опытный

[1]) Сеймъ 1590 г. принялъ это мнѣніе Верещинскаго и предоставилъ коронному Гетману назначать для командованія Низовцами или Запорожцами (ludzi, ktorzy się na Nizie y za Porohy bawią) старшаго или начальника изъ шляхтичей (Starszego или przełożonego człowieka szlacheckiego naroda). Термина *гетманъ* Конституція сейма не употребляетъ для обозначенія будущаго командующаго козаками.

въ рыцарскихъ дѣлахъ, такъ какъ по старой, но справедливой поговоркѣ: лучше войско оленей, если имъ предводительствуетъ левъ, нежели войско львовъ, надъ которымъ гетманомъ сдѣлался-бы глупый и тупой олень. Поэтому вы, милостивые государи братья, должны старательно заботиться, чтобы гетманомъ надъ украинскимъ войскомъ не былъ назначенъ такой человѣкъ, который былъ-бы привязанъ къ своимъ прихотямъ, къ изящнымъ тарелкамъ, къ роскошнымъ бархатамъ и къ инымъ женскимъ изящно-изысканнымъ затѣямъ. Такими личностями всѣ военные люди, а въ особенности украинскіе,—гнушаются. Да и Корона Польская отъ прихотей подобнаго человѣка легко могла-бы пострадать (чего Боже упаси!), такъ какъ послѣ Господа Бога благополучіе государства болѣе всего зависитъ отъ гетмана. Поэтому, милостивые государи, выберите на этотъ постъ человѣка доблестнаго, который съумѣлъ-бы явиться для всѣхъ образцомъ доблестей, благодаря беззавѣтной храбрости, безсмертной славѣ и основательному разуму; выберите человѣка дѣльнаго, на котораго можно было-бы положиться рыцарскимъ людямъ, и къ тому-же опытнаго въ военномъ дѣлѣ, чтобы войско въ годину невзгоды смѣло могло подчиниться его мудрымъ распоряженіямъ и могло найти въ немъ твердую опору; выберите человѣка, близкаго Украинѣ по мѣсту своего жительства, такъ какъ не можетъ устроиться хорошій порядокъ, если гетманъ не будетъ жить на Украинѣ,—въ особенности въ виду быстроты набѣговъ непріятеля. Необходимо также (и это можно сдѣлать безъ обремененія королевской казны!) дать на содержаніе гетману или одно очень богатое староство, или даже нѣсколько староствъ, потому-что при достаткахъ все легко идетъ, и разума прибываетъ, и трудъ не кажется тягостнымъ. Справедлива въ этомъ случаѣ поговорка; Тотъ трудъ тяжелъ, за которымъ не слѣдуетъ вознагражденіе. Святой Павелъ также подтверждаетъ это словами [1]): „какой воинъ служитъ когда-либо на своемъ содержаніи? Кто, пася стадо, неѣстъ молока отъ стада“?

---

[1]) 1 посл. къ Кориѳ. гл. 9.

Тоже самое сохраняетъ силу и по отношенію къ ротмистрамъ или, какъ ихъ называютъ въ томъ краю, къ сотникамъ, а также и къ десятникамъ. Если вы, милостивые государи, хотите, чтобы они были полезными, то необходимо не только снабдить ихъ продовольствіемъ и одеждой, но также удовлетворить ихъ и жалованьемъ—по заслугамъ и достоинству каждаго. А удовлетвореніе это можно безъ ущерба для Рѣчи-Посполитой устроить на слѣдующемъ основаніи: мы хорошо знаемъ, что существуетъ сеймовое узаконеніе [1]), на основаніи котораго жиды не смѣютъ брать къ себѣ для услугъ христіанъ обоего пола, какъ мужескаго, такъ и женскаго. Но съ одной стороны упрямство жидовъ, а съ другой—величайшее неповиновеніе христіанъ обусловили то, что сеймовыя узаконенія не соблюдаются. За это слѣдуетъ наказать какъ жида, такъ и христіанина. Если кто изъ христіанъ, какого бы то пола ни было, служитъ или хочетъ служить у жида, то долженъ тотчасъ-же внести отъ своей особы одинъ злотый въ городскую кассу, а если онъ живетъ въ селѣ, то войту этого села. Эти деньги въ каждомъ повѣтѣ должны быть въ цѣлости доставлены въ день святаго Мартина, или въ главный городъ повѣта, гдѣ имѣется королевскій замокъ, или въ королевское имѣніе, находящееся въ предѣлахъ повѣта, съ отобраніемъ отъ доставляющихъ присяги въ честной сдачѣ денегъ. Затѣмъ всѣ эти суммы должны быть отправлены въ Кіевъ и сданы на руки кіевскому бискупу, чтобы онъ, по соглашенію съ гетманомъ, въ предѣлахъ собранной суммы, удовлетворилъ жалованьемъ каждаго ротмистра и десятника сообразно съ его заслугами и достоинствами.

Если-бы все это съ Божьею помощью вошло въ свою колею, то тогда господину гетману вмѣстѣ со всѣмъ его войскомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы располагать свой лагерь [2]) въ

---

[1]) Законъ Сигизмунда Августа, изданный въ Піотроковѣ въ 1565 г.

[2]) Въ такомъ смыслѣ употребляетъ здѣсь Верещинскій слово *kosz*. Изъ дальнѣйшихъ словъ его видно, какъ въ представленіи тогдашнихъ людей *kosz* въ смыслѣ лагеря, стоянки—долженъ былъ мало по малу превратиться въ постоянное поселеніе, защищенное нарочито выстроенными укрѣпленіями. Отсюда понятно, почему и стоянка козаковъ за Порогами (козацкій *kosz*) превратилась съ теченіемъ времени въ укрѣпленное поселеніе—Запорожскую Сѣчь.

такихъ мѣстахъ, гдѣ удобнѣе всего можно было-бы основаться и обороняться отъ непріятелей Святаго Креста (за этимъ долженъ также старательно слѣдить кіевскій бискупъ какъ лично, такъ и черезъ своихъ казначеевъ). Они (т. е. войско и гетманъ) должны возможно долѣе стоять лагеремъ на одномъ урочищѣ и не мыкаться поспѣшно съ мѣста на мѣсто, чтобы поселеніе это получило прочность вмѣстѣ съ крѣпостью при немъ, хорошо укрѣпленною и снабженною достаточнымъ количествомъ пушекъ; это будетъ содѣйствовать большей безопасности въ будущемъ.

Чтобы таковые расходы всей Рѣчи-Посполитой не были напрасными и чтобы не мѣрить воды даромъ или по-пустому, но чтобы эти пустыни какъ можно скорѣе, за нѣсколько лѣтъ, могли заселиться подъ прикрытіемъ дорого стоющей фортификаціи, то для этого существуетъ самый подходящій третій способъ, заключающійся въ слѣдующемъ. По постановленію Его Величества Короля и всей Рѣчи-Посполитой слѣдуетъ опубликовать посредствомъ Универсала, что каждый шляхтичъ, не имѣющій въ своемъ владѣніи цѣлаго лана, и каждый кметъ его, не имѣющій во владѣніи половины лана,—должны двинуться на Украину для ея заселенія; за эти лоскутки земли долженъ заплатить шляхтичу или его родственникъ по стоимости ихъ, или онъ можетъ продать ихъ кому-либо другому. Вѣдь я вижу, что почтенный шляхетскій народъ, бывшій благороднымъ отъ предковъ своихъ, приходитъ вслѣдствіе размноженія въ величайшее убожество и затѣмъ (что вызываетъ особенное сожалѣніе) обращается въ грубое хлопство, не памятуя и мало заботясь о томъ, что онъ въ лицѣ своихъ предковъ получилъ дорогіе клейноты шляхетства за доблестныя заслуги, сопряженныя съ опасностью дляжизни и что онъ запечатлѣлъ кровью это шляхетство; между тѣмъ легкомысленный потомокъ относится съ пренебреженіемъ къ доблестнымъ и славнымъ боевымъ подвигамъ своего предка и мало цѣнитъ въ себѣ ту честную и славную кровь, которую тотъ проливалъ, добиваясь клейнота безцѣннаго шляхетства. Поэтому обращаюсь къ подобному вѣтреннику: опомнись, пожалѣй утерять столь дорогой и неоцѣненный клей-

нотъ, котораго ты не скоро добьешься вновь, если уронишь его по винѣ своего поведенія; чтобы поддержать свое достоинство, ударь низко челомъ Его Величеству Королю, своему Государю, и проси его, чтобы онъ поддержалъ твое шляхетство и надѣлилъ-бы тебя по твоему состоянію пустынею на окраинѣ своего государства; тамъ ты не только сохранишь свое шляхетство, добытое твоими предками, но еще ей-Богу! украсишь его доблестными заслугами; но что еще важнѣе:—тамъ не только ты съ своимъ милымъ потомствомъ будешь жить и плавать во всякомъ изобиліи, но также можетъ, благодаря тебѣ, размножиться хвала Господня на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ранѣе жили медвѣди, волки и свиньи, да ширилось и роскошничало грубое басурманство [1]).

Теперь открытъ уже надлежащій путь, коимъ могутъ получаться доходы, чтобы безъ ущерба для Рѣчи-Посполитой уплачивать жалованіе и удовлетворять иныя потребности пяти тысячъ козаковъ или людей военныхъ, которые будутъ содержаться на Украинѣ. Затѣмъ еще необходимо, чтобы Кіевскій бискупъ каждые два года отдавалъ на сеймѣ отчетъ въ исполненіи своихъ казначейскихъ обязанностей и въ расходованіи денегъ. И тогдаже сеймъ долженъ выдавать ему росписку въ принятіи отчета [2]).

И такъ, милостивые государи братья, издавна славные Поляки,—какая утѣха вамъ будетъ, когда все это войдетъ въ свою колею и дастъ съ помощью Господа Бога свои результаты! Какую радость и веселіе испытаете вы, когда, благодаря заселенію

---

[1]) Сеймъ не раздѣлилъ мнѣнія Верещинскаго въ этомъ случаѣ, но предоставилъ королю право раздавать украинскія пустыни въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго сословія, которыя оказали услуги Королю и Рѣчи-Посполитой.

[2]) Сеймъ 1590 г. не предоставилъ Кіевскому бискупу той дѣятельной роли въ устройствѣ порядка на Украинѣ, о какой мечталъ Верещинскій. Для надзора за приведеніемъ въ исполненіе своихъ постановленій Сеймъ избралъ изъ числа осѣдлыхъ на Украинѣ шляхтичей двухъ наблюдателей (dozorców), которые были подчинены коронному гетману и имѣли своей задачей слѣдить за всѣми нарушеніями вновь вводимаго закона и виновныхъ въ нарушеніяхъ привлекать къ судебной отвѣтственности. Имъ полагалось по 300 злотыхъ жалованья каждому. Уплата жалованья служащимъ въ Украинскомъ войскѣ и исполненіе другихъ казначейскихъ обязанностей возлагалось на существовавшихъ чиновниковъ польскаго финансоваго управленія, такъ называемыхъ *провизоровъ*.

пустынь, еще при вашей жизни образуется какъ-бы второе Королевство Польское! Какая опора будетъ у васъ при защитѣ отъ какого-либо непріятеля! Какъ, благодаря большой предусмотрительности съ вашей стороны, разстроятся планы непріятеля, который раньше раскрывалъ очи на ваши роскошныя пустыни, желая ихъ раньше васъ захватить и заселить! Непріятель не будетъ уже засматривать въ ваши горшки, чтобы узнать, что въ нихъ варится. Вы будете пользоваться въ большей степени свободою, роскошью, вольностью, весельемъ и радостью, нежели было это доселѣ; къ тому-же не только иноземные непріятели, но и здѣшніе: жолнеръ да козакъ—не будутъ уже заостривать кольевъ на вашей головѣ, ни расточать ваше добро. Они не будутъ болѣе глумиться надъ вами и надъ вашимъ добромъ и не будутъ тяготить васъ своимъ присутствіемъ. О какъ будутъ увеличиваться и умножаться въ васъ радость и веселіе! Какъ будутъ веселиться ваши сердца, когда язычникъ будетъ издалека напѣвать языческіе стихи, взятые у Вергилія [1]).

„Мы, по ненависти къ намъ Русскихъ, лишились нашихъ роскошныхъ и пріятныхъ осѣдлостей, и рады—не рады, а должны были съѣхать съ нихъ, а вы на нихъ усѣлись, чтобы роскошничать". А вы будете отвѣчать имъ также словами, взятыми у Вергилія [2]):

„О безбожные язычники, противные Господу Богу! Мы поселились здѣсь во святую славу Господню. Онъ всегда Самъ будетъ пектись о насъ, а мы за то будемъ воздавать Ему честь и хвалу. Мы поставили въ честь Его святой алтарь и послѣ побѣды будемъ приносить Ему въ жертву барашка".

Дабы Господь Богъ позволилъ намъ дождаться всего этого, необходимо горячо взывать къ Его святой милости; достигши всѣхъ этихъ радостныхъ утѣхъ, необходимо намъ оказывать Ему

---

[1]) Вольная переделка двустишія Вергилія:

Nospatriae fines et dulcia linquimus arva,
Nos patriam fugimus, tu, Tityre, lentus in umbra. Buc. Egl. I.

[2]) Также переделка стиховъ Вергилія:

O Meliboee, Deus nobis haec otia fecit,
Namque eritille mihi semper Deus, illius aram
Saepe tener nostris ab ovilibus imbuit agnus. Buc. Egl. I.

непрерывно честь и хвалу и сильно стараться, чтобы мы не осквернили Его святое величіе нашими грязными грѣхами; надо остерегаться, чтобы потомъ мы опять не попали въ такую неволю и такой гнетъ, какими теперь душатъ насъ грубые язычники, да отчасти и наши домашніе враги; надо имѣть въ виду также и то, что и эта безлюдная пустыня была нѣкогда полна богатырями и такими доблестными людьми, что ихъ по мужеству и доблести можно сравнивать съ Самсономъ, Гекторомъ, Геркулесомъ и Ахиллесомъ; теперь-же, взглянувши на эти безлюдныя пустыни, болѣе хочется плакать, нежели плясать. А такая судьба постигла ихъ навѣрное отъ того, что они часто оскорбляли величіе Господне и, плавая въ достаткѣ и въ изобиліи, въ поступкахъ и въ обычаяхъ своихъ уподоблялись Содому и Гоморрѣ, а также отъ того, что, полагаясь черезъ-чуръ на свои силы и неизмѣримыя богатства, они рѣдко прибѣгали къ Господу Богу въ несчастіяхъ своихъ.

Мы къ прискорбію, Милостивый Боже! идемъ почти-что ихъже дорогою. Вѣдь если Господь мало-мальски поблагопріятствуетъ намъ и побалуетъ насъ счастьемъ, то мы только и умѣемъ, что играть на дудкахъ да на скрипкахъ, ударять въ бубны, плясать, печь, варить да жарить днемъ и ночью, а о будущей судьбѣ нашей, о томъ, чѣмъ можно умилостивить Господа Бога за злыя поступки наши или какими наказаніями можно устранить злодѣянія, такъ какъ извѣстно, что злодѣи только подъ страхомъ наказанія перестаютъ грѣшить,—обо всемъ этомъ не услышишь и словца. А Господь Богъ хотя долго терпитъ, какъ Духъ милосердный, но за то потомъ, какъ пишетъ о немъ Священное Писаніе, возмѣщаетъ свое долготерпѣніе усиленной строгостью. Вѣдь хотя надъ нами Богъ христіанскій, Богъ милосердный, но трудно Ему терпѣть наши злодѣянія и въ своихъ приговорахъ Онъ обращается въ Бога языческаго, въ Бога немилосерднаго. И трудно намъ укорять Его за Его святую справедливость. Такимъ образомъ не Богъ насъ обижаетъ, не язычникъ, не жолнеръ, не козакъ, не армянинъ, не жидъ, не цыганъ, а мы сами себя обижаемъ, потому-что добровольно навлекаемъ на себя суровые приговоры Господни; въ часы мира, въ

часы нашихъ наслажденій мы нисколько ихъ не боимся, а напротивъ еще усерднѣе вызываемъ ихъ противъ себя.

Поэтому, мои милостивые государи братья, если мы хотимъ избѣжать строгихъ приговоровъ Господа Бога, если мы хотимъ избѣжать невыносимыхъ бѣдствій, которыя часто постигаютъ насъ за наши грязные грѣхи,—то мы должны смиловаться надъ нами самими, надъ нашими домами, надъ нашими дѣтками, надъ нашимъ славнымъ отечествомъ, надъ всѣмъ нашимъ народомъ, и не должны быть предателями и измѣнниками относительно самихъ себя, разорителями своего славнаго отечества и своего имущества; напротивъ, мы должны во всѣхъ отношеніяхъ исправить свою жизнь и поднять руки свои къ Господу Богу, набожно моля вмѣстѣ съ Моисеемъ[1]) о святой Его помощи; мы должны ежедневно съ Самуиломъ[2]) приносить Ему въ жертву благодарственнаго барашка, вѣруя въ Сына Его, Милостиваго Господа Іисуса Христа, Господа и Спасителя нашего. Будемъ возлагать все наше упованіе на Господа Бога и тогда навѣрное всѣ наши дѣла и всѣ наши домашніе планы относительно быстраго заселенія русскихъ пустынь и относительно болѣе удобной обороны—пойдутъ такъ, какъ вѣнки вьются, по словамъ старой поговорки. Наши мысли и сердца поднимутся на страхъ и на ужасъ непріятелямъ нашимъ; эти басурманы будутъ устрашены не полчищами и не пушками нашими, а могуществомъ и милостью къ намъ Господа Бога нашего.

Итакъ если съ помощью Всемогущаго Господа Бога и по милости Его Величества Короля ты приступишь къ заселенію этихъ пустынь, то пусть басурманъ грозитъ тебѣ, какъ хочетъ, а ты не пугайся при исполненіи своего предпріятія и нисколько не тревожься, помня слѣдующія слова:

„Не уступай злымъ, смѣло иди впередъ, самъ милый Господь Богъ стелетъ тебѣ дорогу“.

Если ты будешь тревожиться, то смотри, чтобы Господь не сказалъ тебѣ, какъ Петру[3]): „мало вѣры у тебя, несчаст-

---

[1]) Бытіе, гл. 17, Второза.. гл. 17.

[2]) 1 кн. Царствъ, гл. 7.

[3]) Ев. Матѳ. гл. 8.

ный! почему ты усомнился?"—Если мы будемъ съ вѣрою уповать на него, то Господь навѣрное будетъ опорой нашей въ упроченіи предпринятой нами колонизаціи и безъ труда укажетъ намъ пути въ почтенныхъ дѣлахъ и поступкахъ нашихъ, какъ теперь озаботился Онъ черезъ меня показать вамъ удобную дорогу къ вѣчной безопасности и быстрому заселенію этихъ пустынь. Найдется еще и Гедеонъ[1]) для избавленія земли нашей, найдется еще и Мойсей[2]) для всѣхъ добрыхъ и почтенныхъ дѣлъ нашихъ, найдется еще и Іисусъ Навинъ[3]), который будетъ нашимъ Гетманомъ. Всегда, когда захочетъ и какъ только захочетъ, легко найдетъ Господь путь для спасенія отъ угрожающей опасности народа, который съ вѣрою полагается на Него. Вѣдь Онъ совершалъ это и черезъ женщинъ: какъ, напримѣръ, совершилъ черезъ Іудиѳь, которая отсѣкла голову жестокому Олоферну[4]) и освободила вѣрный народъ отъ осады; Онъ совершилъ это черезъ Эсѳирь[5]), которая избавила еврейскій народъ отъ великой опасности и отправила на висѣлицу самаго главнаго врага Амана. Онъ можетъ творить это и черезъ иныхъ, показывая дивное могущество божественности своей, благодаря которому Онъ можетъ совершить все, что только захочетъ. Поэтому Онъ и намъ будетъ помагать въ заселеніи пустыхъ мѣстъ и въ защитѣ ихъ, если только мы съ вѣрою будемъ уповать на Его святое милосердіе и на вспомоществованіе съ Его стороны. Прибудетъ къ намъ и тотъ ангелъ, который побилъ войско жестокаго Сеннахериба[6]). Найдется еще и Давидъ, который убъетъ Голіаѳа[7]), а намъ можно будетъ вмѣстѣ съ названнымъ Давидомъ сказать жестокимъ Голіаѳамъ, а иначе басурманамъ, врагамъ нашимъ, то самое, что тотъ сказалъ хорошо вооруженному и жестокому великану Голіаѳу: „Вы, жестокіе басурманы, идете противъ насъ съ различными оружіями, а мы будемъ

---

[1]) Судей, гл. 6.
[2]) Исходъ, гл. 3.
[3]) Кн. Іис. Нав. гл. 1.
[4]) Іудиѳь, гл. 8.
[5]) Есѳирь, гл. 5.
[6]) 2 кн. Паралип. гл. 32.
[7]) 1 кн. Царствъ, гл. 17.

бить васъ во ими Господа Бога нашего". А потомъ въ святомъ костелѣ мы съ веселымъ сердцемъ будемъ пѣть вмѣстѣ съ тѣмъ-же Давидомъ[1]) тѣ благодарственныя пѣснопѣнія его, которыя онъ пѣлъ послѣ пережитыхъ ужасовъ,—благодаря Господа Бога нашего за то, что Онъ стеръ и разгромилъ всѣхъ противниковъ нашихъ и выламалъ имъ, какъ львамъ, тѣ жалкіе зубы ихъ, которыми они хотѣли насъ искусать. А затѣмъ, мои милостивые государи братья, я желаю вамъ отъ чистаго сердца, чтобы вамъ всѣмъ покровительствовалъ Господь, предъ рукой Котораго дрожатъ всѣ силы земныя, небесныя и адскія.

Плачъ автора этой книги, который не могъ найти ни одного костела въ своемъ бискупствѣ и ни одного дома для жительства своего, въ виду опустошенія русскихъ областей грубыми басурманами: Турками и Татарами,—заимствованъ изъ псалма 79-го.

„Боже! Язычники пришли въ наслѣдіе Твое".

О Боже живый! язычники опустошаютъ войной твое наслѣдіе; они осквернили твой храмъ; они разрушили до основанія города.

Грудами лежатъ на землѣ трупы слугъ Твоихъ и ими кормятся отвратительныя птицы и хищные звѣри.

Кровь льется по дорогамъ, какъ будто послѣ проливнаго дождя, и нѣтъ никого, кто изъ жалости прикрылъ-бы пескомъ бѣдныя кости.

Завистливый сосѣдъ, видя постигшее насъ несчастіе, услаждаетъ свой взоръ, тѣшится душею, усмѣхается къ себѣ и къ своимъ друзьямъ.

Когда-же, вѣковѣчный Боже, прекратится гнѣвъ Твой противъ насъ? Гнѣвъ Твой подобенъ жестокому пожару, котораго не удается потушить.

Прояви свою строгость на тѣхъ, которые, о Боже, не имѣютъ о Тебѣ никакого понятія и не взываютъ къ Тебѣ въ печаляхъ.

---

[1]) Псал. 3.

Они-то огнемъ и жестокимъ мечомъ уничтожили Твой убогій народъ; города и замки сравняли съ землею.

Не памятуй, о Боже! о нашихъ злодѣяніяхъ, прояви свою жалость надъ нами, Твоими обездоленныци слугами.

Обойдись съ нами ласково и это подыметъ Твою славу; мы будемъ призывать имя Твое, а Ты примирись съ нами.

Не допусти, чтобы молва пошла между язычниками: Гдѣже теперь ихъ славный Богъ, ихъ защитникъ и исконный стражъ?

Прояви на очахъ нашихъ месть Твою надъ тѣми, которые пролили кровь слугъ Твоихъ и мучили невинныхъ.

Услыши стонъ убогихъ невольниковъ и избавь ихъ отъ жестокихъ оковъ; отдали отъ нихъ близкую смерть, которую они видятъ уже—надъ своими головами.

Заплати седмерицею нашимъ сосѣдямъ, которые глумились не столько надъ нами, сколько надъ Тобою, Господи, и давали намъ щелчки по носу.

А мы, люди Тобой покровительствуемые, будемъ славить Тебя во вѣки; мы не умолкнемъ о Твоей славѣ, пока небеса стоятъ.

Предисловіе, обращенное къ Его Милости, автору этой книги.

Сама признательность искренняго сердца вынуждаетъ меня къ тому, почтенный бискупъ Кіевскій, чтобы воспѣть въ стихахъ пріятныя мѣста твоей бискупской столицы, недосягаемыя въ своей знаменитой славѣ.

Ты, Амфіонъ, долженъ наигрывать на своей лютнѣ давносложенныя сочетанія звуковъ, тонъ которыхъ подымается подъ небеса; долженъ помагать тебѣ и Орфей на своей голосистой лютнѣ; ты будешь украшать его звуки, а онъ—твои.

Ты, Минерва, прійди съ другими такими богинями, какъ ты сама, и начни подтягивать имъ; пусть твое искусство пріятно выводитъ на скрипкѣ дискантовыя ноты; увеселяйте отъ всего сердца почитаемаго бискупа.

Улиссъ и Пріамъ, Гекторъ и Ахиллъ (почтенные все люди и притомъ воины) посылаютъ тебѣ черезъ своихъ богинь вѣнки, свитыя изъ виноградной лозы, и ими тебя привѣтствуютъ.

Лѣсное эхо съ нимфами и съ людьми славныхъ странъ привѣтствуютъ тебя согласно съ различными ихъ обычаями; привѣтствуютъ тебя веселыя небеса, лѣса, прелестныя поля Бѣлоцерковскія, а также текущая въ ложбинѣ Унава[1]).

Но еще лучше славитъ тебя вновь отстроенный городъ, названный по твоей фамиліи Верещиномъ; онъ надѣется, что еще умножитъ и выше подниметъ твою славу.

Твоя бискупская столица[2]) въ тѣхъ краяхъ, которая долгое время, какъ горлица, была осиротѣлой, теперь встрѣтила тебя, какъ ненагляднаго супруга.

Ты избралъ своимъ удѣломъ расширять виноградникъ Божій среди дикаго поля и разсаживать лозу среди людей[3]); ты избралъ этотъ удѣлъ, оставивши въ сторонѣ роскошь, и тебя, навѣрное, онъ не испугаетъ.

Вокругъ виноградника ты хочешь насадить новыя прелестныя деревья, сладостно-пріятныя Господу,—пахучіе кедры; я говорю о іезуитахъ, которыхъ ты хочешь призвать, чтобы они были мощными подпорами тебѣ и вырывали-бы изъ твоего виноградника бурьяны[4]).

Эти бурьяны вкусомъ своихъ гроздей похожи на виноградъ, но каждый, кто питается ими,—хитеръ, какъ воронъ; пусть

---

[1]) Унава—рѣчка въ кіевской губ., притокъ Ирпени. На ней было расположено имѣніе кіевскихъ бискуповъ Фастовъ, переименованное Верещинскимъ въ Новый Верещинъ. Не имѣя усадьбы въ Кіевѣ, Верещинскій проживалъ главнымъ образомъ въ Фастовѣ. Здѣсь у него былъ домъ, здѣсь устроилъ онъ типографію, здѣсь навѣщалъ его въ 1594 г. (1—4 мая) посолъ Рудольфа II Эрихъ Лассота. См. Путевыя Записки Э. Лассоты, Одесса, 1873, стр. 16.

[2]) Кіевъ.

[3]) Подъ *расширеніемъ* виноградника и *разсаживаніемъ* лозы понимается распространеніе католической вѣры среди православныхъ.

[4]) Подъ *„бурьянами“* разумѣются здѣсь православные, которые будутъ упорно сохранять преданность вѣрѣ своихъ предковъ. Іезуиты должны уничтожать таковыхъ, чтобы они своею вѣрностью православію не подавали бы примѣра устойчивости убѣжденій колеблющимся, готовымъ измѣнить своей вѣрѣ изъ-за житейскихъ разсчетовъ.

стражи уничтожаютъ ихъ, чтобы они не плелись среди новыхъ благородныхъ кустовъ, будь то зимою, или лѣтомъ.

Господь привелъ тебя къ людямъ простымъ, чтобы ты былъ посредникомъ между ними и Господомъ и чтобы словомъ Его искоренялъ ихъ упорное суевѣріе; и вотъ ты стараешься, чтобы добросовѣстно насадить пріятный Господу виноградникъ и возрастить его—чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше.

Я увѣренъ, что ты не стараешься для себяи не ищешь чего-либо въ свою пользу, но гонишься за тѣмъ, что пріятно твоему Христу; ты безъ сожалѣнія издерживаешь гораздо болѣе, нежели приносятъ тебѣ доходныя статьи, только чтобы поддержать существованіе убогихъ.

Самъ Богъ поставилъ тебя тамъ и хочетъ тебя благословить вмѣстѣ съ тѣми, которые желаютъ воспользоваться съ тобою тамошними благами; видя это, басурманъ смутится въ своемъ сердцѣ, а Коронѣ твои предпріятія принесутъ великую честь.

Кто-же, ради Бога! будетъ такимъ глупымъ, что не захочетъ переселяться изъ коронныхъ краевъ въ украинскія мѣста? Вѣдь тамъ изобильная роскошь растекается изо всѣхъ угодій, а на опасности никто не долженъ обращать вниманія.

Я упомянулъ въ своихъ стихахъ объ этихъ прелестныхъ мѣстахъ не потому, что состою слугою твоимъ, почтенный мой господинъ; но я потому описалъ ихъ людямъ въ привлекательныхъ чертахъ, что самъ хорошо присмотрѣлся къ нимъ.

Пусть-же твоя *Дорога*[1]) ведетъ всѣхъ туда, на эти пріятныя роскоши; братья наши съ радостью предпочтутъ селиться тамъ, среди величайшаго на все изобилія, нежели оставаться здѣсь въ Коронѣ, которая переполнена всякой нуждой.

Конецъ этой книги.

---

[1]) Намекъ на заглавіе брошюры.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ВЪ 1812-МЪ ГОДУ[1].

Въ губернскій городъ N, по случаю губернскихъ выборовъ, собрались дворяне изо всѣхъ уѣздовъ губерніи, чтобы избрать, изъ среды себя, людей, способныхъ соотвѣтствовать новымъ началамъ, сложившимся въ душѣ новаго поколѣнія. Умные старики ясно выразумѣли, что пришла другая пора, что убѣжденія измѣнились и что имъ нужно уступить мѣсто новымъ нуждамъ новаго поколѣнія. Отрадно было видѣть въ старикахъ такое разумное пожертвованіе, во имя общей пользы; еще отраднѣе было смотрѣть на новое поколѣніе, озаренное свѣтомъ науки, стремящееся къ лучшимъ цѣлямъ. Это было слишкомъ за тридцать лѣтъ тому назадъ, а тридцать лѣтъ много значатъ!... Выборы въ провинціи, какъ водится, сопровождаются разнаго рода препровожденіемъ времени. Утромъ всѣ вмѣстѣ въ залѣ собранія обѣдаютъ, кто гдѣ хочетъ или куда кто приглашенъ; вечеромъ собираются побесѣдовать, поиграть въ карты, а иногда и потанцовать на балѣ у какого-

---

[1]) Происшествіе, разсказанное въ предлагаемой вниманію читателей „Кіевской Старины" повѣсти, писанной, судя по отмѣткѣ на рукописи, въ 1854 мъ году, не есть вымыселъ, а основано на дѣйствительномъ событіи, случившемся въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Героиней его была дочь мѣстнаго помѣщика Анна Григорьевна Иваненко. Первымъ мужемъ ея былъ подполковникъ Владиміръ Милорадовичъ, а вторымъ Степанъ Самойловъ. Послѣ развода ея съ обоими мужьями дѣти ея отъ Самойлова были признаны незаконными (ихъ было пять сыновей и одна дочь) и имъ присвоена была материнская фамилія Иваненко. На прошеніи матери на Высочайшее имя объ оставленіи за дѣтьми званія законнорожденныхъ императоръ Николай I, говорятъ, надписалъ: „Для незаконныхъ нѣтъ закона". Въ настоящее время всѣ сыновья Анны Григорьевны Иваненко умерли, не оставивъ потомства.

нибудь богатаго барина. Городъ принимаетъ столичный видъ, экипажи снуютъ взадъ и впередъ, вездѣ людно, шумно. На это время появляются и фокусники, и артисты, и бродячіе актеры, которые, устроивъ наскоро театръ, если нѣтъ готоваго зданія, потѣшаютъ публику своею уморительною игрою. Однимъ словомъ весело, и все веселится отъ души, ставя ребромъ послѣднюю копѣйку. Понятно, что, во время выборовъ, пріобрѣтается много знакомствъ, и часто одинаковость мнѣній, цѣлей и желаній сближаетъ людей и сближаетъ иногда на всю жизнь.

Помню я, что мы какъ-то собрались вечеромъ къ одному изъ лучшихъ людей, какихъ когда либо удавалось мнѣ встрѣчать въ жизни. Послѣ обычныхъ привѣтствій, начались толки о разныхъ предметахъ, относящихся къ службѣ по выборамъ. Много было высказано прекрасныхъ мнѣній, въ которыхъ общее дѣло составляло весь интересъ бесѣдующаго небольшаго общества людей умныхъ, дѣльныхъ и образованныхъ. Нѣкоторые, по приглашенію милаго хозяина, сѣли и играли въ бастонъ—тогда эта умная игра была въ употребленіи,—а остальные, составивъ кружокъ въ той-же комнатѣ, начали толковать объ избраніи въ должности чиновниковъ, которые могли-бы уничтожить продажность и взяточничество, такъ глубоко укоренившіяся на родной почвѣ. Много было разсказано разныхъ происшествій, въ которыхъ вся гнусность порочныхъ наклонностей стараго подъяческаго племени высказывалась во всей наготѣ своей. При этомъ случаѣ одинъ изъ собесѣдниковъ Андрей Ивановичъ С. разсказалъ исторію товарища своего по военной службѣ, Владиміра Николаевича М., который былъ въ числѣ игравшихъ въ карты, и который такъ много выстрадалъ, во имя злоупотребленій, гнѣздившихся въ то время въ нашей администраціи.

„Ну что тебѣ за охота разсказывать мою непріятную исторію?“ сказалъ Владиміръ Николаевичъ Андрею Ивановичу. „Нѣтъ, нѣтъ“, закричали всѣ мы въ одинъ голосъ, „ради Бога, незапрещайте“. „Ужъ какъ ты хочешь, а я непослушаюсь тебя“, сказалъ Андрей Ивановичъ. „Надъ тобою разразилась вся гадость нашей администраціи и юриспруденціи, имъ ты обязанъ, что увя-

даешь, не составивъ семейнаго счастія, для котораго столько задатковъ въ прекрасной душѣ твоей".

Передаемъ это грустное происшествіе въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ нашей памяти.

Въ незабвенный для всѣхъ 1812-й годъ. Владиміръ Николаевичъ, служа ротмистромъ въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, стоялъ съ своимъ эскадрономъ въ селѣ Радищѣ[1]), Переяславскаго повѣта, Полтавской губерніи, въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ, С. Холмами, вдовы бунчуковаго товарища Екатерины Семеновны И.[2]) у которой была единственная дочь, Марья Андреевна, наслѣдница всего ея состоянія, состоявшаго изъ 800 душъ. Владиміръ Николаевичъ былъ не такъ богатъ, какъ счастливъ въ картахъ, а потому денегъ у него было всегда много, и жилъ онъ настоящимъ бариномъ. Съ прекрасною наружностью онъ соединялъ очень хорошее образованіе и отличныя манеры.

Посѣщая богатую вдову, Владиміръ Николаевичъ очаровалъ ее, не произведя, казалось, особеннаго впечатлѣнія на молоденькую 17-ти—лѣтнюю дочь хозяйки, на которую смотрѣлъ онъ, какъ на прекрасное созданіе, никогда для него недосягаемое.

Такъ шли мѣсяцы, а между тѣмъ гроза подымалась съ запада, и все предчувствовало страшную, отчаянную борьбу съ великаномъ, успѣвшимъ положить къ ногамъ своимъ всю Европу.

Надобно сказать, что Екатерина Семеновна была женщина, склонявшаяся уже къ старости, характера самаго суроваго, самовластнаго и жестокаго, при безграничномъ самолюбіи. Владиміръ Николаевичъ принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ фамилій, которая была въ родственныхъ связяхъ и съ графомъ К. и съ графомъ Б. и со всѣми фамиліями, занимавшими тогда почетнѣйшія мѣста въ правительствѣ.

Отдать свою дочку замужъ за такого прекраснаго молодаго человѣка, какъ Владиміръ Николаевичъ, было непреложнымъ желаніемъ Екатерины Семеновны. Дочь была въ безусловномъ повиновеніи у матери, но никакъ не подозрѣвала, что

[1]) Дѣйствительное названіе этого села—Селище.

[2]) Анна Григорьевна Иваненко проживала съ матерью въ с. Остролучьи.

мать ея съ цѣлью принимаетъ такъ ласково молодаго гусара, на котораго она, юная малороссіянка, смотрѣла, какъ на какого-то вельможу, никогда не могущаго обратить вниманія на нее, деревенскую необразованную барышню, хотя, по совѣсти сказать, онъ ей очень нравился.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда нагрянулъ на Святую Русь величайшій полководецъ съ несмѣтною арміею.

Наступила малороссійская весна, т. е. апрѣль мѣсяцъ. Небольшіе снѣга исчезли съ весеннимъ вѣтромъ. Легкіе утренники смѣняли довольно теплые дни; показалась уже на пригрѣвахъ зеленая травка, молодая крапива, которая такъ хороша въ малороссійскомъ борщѣ. Проѣзды сдѣлались трудны; но политическія событія не ждутъ до просухи. Съ приближеніемъ полчищъ Наполеона къ предѣламъ русскимъ, нельзя было откладывать далѣе, и войска наши двинулись на защиту родины. Въ ночь на 29-е апрѣля Владиміръ Николаевичъ получилъ приказаніе выступить въ походъ въ 24 часа. Повинуясь долгу, онъ отдалъ всѣ нужныя приказанія, а самъ отправился къ сосѣдкѣ Екатеринѣ Семеновнѣ—проститься съ нею и ея дочерью. Борзый конь, на котораго вскочилъ Владиміръ Николаевичъ, быстро донесъ его до С. Холмовъ, отстоявшаго въ $1^1/_2$ верстѣ отъ его квартиры[1]), и молодой гусаръ, не безъ грусти въ сердцѣ, явился въ гостинную гордой пани съ вѣстію о выступленіи въ походъ, на войну.

Эта новость смутила и мать и дочь. Не взирая на всю любезность хозяйки и ея дочери, Владиміръ Николаевичъ не могъ остаться обѣдать: ему слѣдовало выступить въ 7 часовъ утра 29-го апрѣля, а дѣла было еще много. Простясь съ хозяйками, опять скажу не безъ грусти, Владиміръ Николаевичъ, сопровождаемый желаніями, самыми пламенными, пустился обратно, чтобы сдѣлать окончательныя распоряженія. Цѣлый день онъ прохлопоталъ съ своими товарищами и ввечеру приказалъ молодцу вахмистру Харченку, чтобы эскадронъ былъ собранъ въ

[1]) С. Селище находится, дѣйствительно, въ разстояніи $^1/_2$ версты отъ с. Остролучья.

7 часовъ слѣдующаго утра возлѣ церкви, чтобы съ молитвою выступить въ походъ. Тутъ, когда Владиміръ Николаевичъ остался одинъ, запала тоска въ его душу; ему было чего-то жаль, не взирая на усердное желаніе сразиться съ врагомъ отечества. Долго онъ мечталъ, мечталъ, и, наконецъ, мечты сдѣлались неясными, темными, и сонъ унесъ ихъ въ неизмѣримую даль. Въ 5 часовъ утра, вскочилъ съ постели бодрый гусаръ и приказалъ просить къ себѣ всѣхъ своихъ товарищей, чтобы вмѣстѣ напиться чаю. Всѣ собрались, усѣлись, стаканы налиты, трубки закурены, и началась веселая болтовня молодежи.

Въ самомъ разгарѣ этой болтовни вошелъ Степанъ—такъ звали слугу Владиміра Николаевича—и шепнулъ ему на ухо: „Дочь барыни, у которой Вы часто бывали, пришли къ намъ на дворъ“.

„Что? что ты врешь“? вскрикнулъ Владиміръ Николаевичъ; „какая дочь“?—„Да изъ Холмовъ, сударь“, отвѣтилъ Степанъ громко.—Владиміръ Николаевичъ вышелъ и, дѣйствительно, увидѣлъ милую Машеньку, которая бросилась къ нему со слезами. „Что съ Вами, Марья Андреевна? войдите ко мнѣ въ хату; тамъ мои товарищи, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣлится оскорбить Васъ даже взглядомъ“. Молодая, неопытная дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ и отъ холода и отъ внутренняго волненія, при всей своей стыдливости, рѣшилась войти въ хату, предшествуемая Владиміромъ Николаевичемъ. Веселые гусары съ уваженіемъ поклонились Маріи Андреевнѣ и вышли въ сѣни. Владиміръ Николаевичъ ободрилъ ее, просилъ объяснить, что все это означаетъ, и Марья Андреевна со всею наивностію разсказала ему, что мать ея, не говоря сначала ни слова о своей цѣли, когда она оказывала столько ласкъ Владиміру Николаевичу, вчера, когда онъ простился съ ними, призвала ее къ себѣ, разбранила, называя ее негодною дурою за то, что не умѣла понравиться такому достойному человѣку, и, въ заключеніе, выгнала ее вонъ изъ дому и приказала никогда не показываться къ себѣ на глаза. Пораженная, оскорбленная Марья Андреевна не знала что предпринять и, наконецъ, рѣшилась идти сюда, прибѣгнуть къ великодушію Владиміра Николаевича. „Что же Вамъ угодно“?

Марья Андреевна не отвѣтила ни слова, а только плакала. „Угодно Вамъ, чтобъ я на Васъ женился“?—Она схватила руку Владиміра Николаевича и поцѣловала.

„Все кончено“! вскрикнулъ онъ. „Господа! Господа“! Товарищи его взошли, и Владиміръ Николаевичъ представилъ имъ свою невѣсту. „Ну“, сказалъ онъ, обращаясь къ ней, „ты ужъ теперь моя, Машенька! Ничто и никто не можетъ расторгнуть нашихъ узъ“.

Наканунѣ Владиміръ Николаевичъ просилъ священника, чтобы онъ отслужилъ молебенъ, по случаю выступленія въ походъ. Эскадронъ былъ уже въ сборѣ возлѣ церкви. Офицеры, а вмѣстѣ съ ними Марья Андреевна подъ руку съ своимъ женихомъ, пошли въ церковь. Владиміръ Николаевичъ, передавъ все происшествіе священнику, просилъ обвѣнчать его съ Марьею Андреевной И., которую очень хорошо зналъ и любилъ отецъ Өеодоръ. Боясь, чтобы не попасть подъ отвѣтственность, священникъ сначала не хотѣлъ было совершать таинство брака, но убѣждаемый Владиміромъ Николаевичемъ, который успѣлъ заслужить любовь и уваженіе его, и всѣми офицерами, и самою Марьею Андреевною, наконецъ, рѣшился, сказавъ: „Ну, буди воля Божья“. Владиміръ Николаевичъ и Марья Андреевна сдѣлались супругами; молебенъ отслуженъ, и Владиміръ Николаевичъ, поручивъ эскадронъ старшему по себѣ офицеру, возвратился съ супругою въ свою хату, тотчасъ приказалъ заложить коляску, снабдилъ жену деньгами и отправилъ ее къ матери, при слѣдующемъ письмѣ:

„Милостивая государыня Екатерина Семеновна! Осчастливленный выборомъ Вашимъ и милой дочери Вашей, я обвѣнчался съ прекрасною Марьею Андреевною сегодня, въ 7 часовъ утра; но, не имѣя возможности оставаться долѣе, будучи призываемъ обязанностями службы въ годину испытанія отечества, я имѣю честь увѣдомить Васъ, что высоко цѣню мое счастіе, которымъ вполнѣ воспользуюсь, когда сподобитъ меня Богъ возвратиться съ поля брани.

Поручая жену мою Вашей материнской нѣжности, покорнѣйше прошу любить меня, какъ сына, преданнаго Вамъ всѣми

чувствами. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. 29-го апрѣля 1812 года. С. Радище".

Не для чего описывать радости и горя молодыхъ супруговъ. Это выше всякаго описанія; скажу только, что объятіямъ и попѣлуямъ не было счета. Надежда, какъ путеводная звѣзда, наполнила ихъ души, и они разстались..., но разстались навсегда...

Разставшись съ женою въ силу глубокаго чувства долга, Владиміръ Николаевичъ отправился за своимъ эскадрономъ и, догнавъ товарищей, потянулся къ назначенному мѣсту сбора всего полка. Тутъ онъ объяснился съ своимъ полковымъ командиромъ, генераломъ В., на счетъ внезапной своей женитьбы безъ предварительнаго дозволенія, и просилъ его ходатайства передъ высшимъ начальствомъ. Генералъ, какъ человѣкъ умный, честный и добрый, разспросивъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ свидѣтелями при женитьбѣ Владиміра Николаевича, и удостовѣрясь, что въ поступкѣ его нѣтъ ничего предосудительнаго, доложилъ обо всемъ прямо корпусному командиру, который въ то время былъ въ мѣстѣ сбора полка; Владиміръ Николаевичъ не только не получилъ никакого выговора за несоблюденіе формальности, но корпусный командиръ пожелалъ его видѣть и наговорилъ ему кучу вѣжливостей. Въ формулярномъ спискѣ Владиміра Николаевича было написано: женатъ на дочери бунчуковаго товарища Маріи Андреевнѣ.

Не стану разсказывать, прибавилъ Андрей Ивановичъ, какъ мы воевали, какъ и гдѣ былъ раненъ Владиміръ Николаевичъ и за что навѣшали ему орденовъ на шею. Скажу только, что всѣ мы и всѣ, кто зналъ его, любили его, какъ славнаго товарища, храбраго, умнаго, распорядительнаго. Вездѣ онъ былъ молодецъ—и на полѣ брани, и за ломбернымъ столомъ. Играя въ карты всегда честно, благородно, Владиміръ Николаевичъ обыгрывалъ всѣхъ, кто не станетъ бывало играть съ нимъ, и я очень хорошо помню, когда мы пришли въ Варшаву, какъ онъ озадачилъ поляковъ, поставивъ на карту 200 т. злотыхъ. Денегъ у него была бездна, и всякій изъ товарищей, кто имѣлъ нужду, прямо шелъ въ его ящикъ, оставляя въ немъ записку, что та-

кой-то взялъ столько-то. За границею его считали несмѣтнымъ богачемъ, и нѣмцы величали его принцемъ, потому что онъ безъ счета бросалъ деньги. За то онъ игрывалъ и съ настоящими принцами и обыгрывалъ ихъ до-нельзя. На возвратномъ пути изъ Парижа, онъ зажился въ одномъ германскомъ городѣ, по случаю открытія ранъ, и тамъ обыгралъ какого-то молодого принца. Батюшкѣ этого принца не понравилось это, и онъ далъ знать нашему правительству, что подполковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка М. обыгралъ въ банкъ сына его. Этого было довольно, чтобы Владиміру Николаевичу лишиться службы и за азартную игру попасть подъ надзоръ полиціи. Лишь только вступилъ онъ на русскую землю, ему объявлена была отставка и приказано ѣхать на безвыѣздное житье въ городъ К. Во все время войны Владиміръ Николаевичъ аккуратно писалъ къ женѣ своей и посылалъ ей, почти изъ каждаго города, какой-нибудь подарокъ; но въ послѣднее время въ теченіе цѣлаго года не получалъ отъ жены ни слова, и это крѣпко возмущало его добрую душу.

Проѣзжая черезъ Гродно въ концѣ 1814 года, Владиміръ Николаевичъ встрѣтился съ землякомъ своимъ Василіемъ Ивановичемъ К., давнишнимъ знакомымъ и пріятелемъ, который возвращался изъ командировки въ полкъ, расположенный въ гродненской губерніи.

Исполняя возложенное на него порученіе, Василій Ивановичъ былъ въ полтавской губ. и къ прискорбію своему узналъ, что Владиміръ Николаевичъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, а жена его вышла замужъ за земскаго комиссара (такъ тогда называли исправниковъ) П. уѣзда С—ва, человѣка плѣшиваго, стараго, безобразнаго и наружностію и душею. Каково-же было изумленіе Василія Ивановича, когда онъ въ Гродно, въ трактирѣ встрѣтился съ Владиміромъ Николаевичемъ, котораго считалъ давно умершимъ.

„Что я вижу!“ вскрикнулъ Василій Ивановичъ. „Какъ? ты живъ Володя? а тебя давно уже похоронили и вдова твоя вышла замужъ“.

— „Что? жена моя вышла замужъ?“—спросилъ Владиміръ Николаевичъ, перемѣнившись въ лицѣ, которое покрылось смертною блѣдностію: „Что ты говоришь? Возможно-ли это?“

„Да, братъ Володя, это достовѣрно, и если не родила Марья Андреевна, то должна скоро родить. Я былъ въ П. и самъ видѣлъ бывшую жену твою, теперь уже С—ву“.

Какъ громомъ пораженный, стоялъ нѣсколько минутъ Владиміръ Николаевичъ, не произнося ни слова. Наконецъ съ отчаяніемъ вскрикнулъ: „Такъ вотъ что приготовила мнѣ жестокая судьба! А я, лишась службы и отправляясь по распоряженію правительства на житье въ городъ К., мечталъ о счастіи соединиться съ моею Машенькою и на груди ея вкусить блаженство семейной жизни“! Потомъ, обратясь къ Василію Ивановичу и схвативъ его за обѣ руки, сказалъ: клянись, что ты меня не обманываешь. Знаешь, ты заплатишь жизнью, если сказанное тобою неправда. „Успокойся, Володя“, сказалъ Василій Ивановичъ; „ради Бога, успокойся! Сказанное мною совершенная правда. Если жена твоя такъ скоро могла забыть тебя, то стоитъ-ли она, чтобы такъ тревожиться“?—„Правда, правда, Вася! Эта женщина... но кто знаетъ? Можетъ быть, она и невинна“... Съ этими словами, крѣпко пожавъ руку Василію Ивановичу, Владиміръ Николаевичъ ушелъ и болѣе не возвращался. Черезъ часъ онъ скакалъ уже на почтовыхъ и на пятый день пріѣхалъ въ городъ К., гдѣ комендантъ ожидалъ его прибытія. Поселясь и устроивъ свое жилище, онъ выписалъ изъ имѣнія, отстоящаго отъ К. въ 120 верстахъ, своего управляющаго, который былъ вмѣстѣ и повѣреннымъ его, сколько для того, чтобы сдѣлать всѣ распоряженія касательно жизни своей въ К., столько и для того, чтобы поручить ему узнать всѣ подробности, касающіяся до замужества Марьи Андреевны. Потапъ Ивановичъ, изъ бѣдныхъ дворянъ Ч. губерніи, преданный всею душею Владиміру Николаевичу, не заставилъ ожидать себя. Черезъ недѣлю онъ явился съ отчетами и деньгами къ своему довѣрителю. Радость Потапа Ивановича была неподдѣльная; онъ плакалъ, смотря на Владиміра Николаевича, который и отъ ранъ, и отъ душевнаго страданія сдѣлался худъ и блѣденъ. Поздоровавшись и

разспросивъ кое о чемъ, Владиміръ Николаевичъ сказалъ: „Ну, Потапъ Ивановичъ, теперь тебѣ предстоитъ большая работа. Ты, конечно, уже слышалъ, что я не имѣю жены; у меня ее отняли,“— прибавилъ Владиміръ Николаевичъ съ глубокимъ вздохомъ. „Теперь нужно употребить всѣ средства, чтобы скорѣе развели меня съ нею“. Потапъ Ивановичъ всё зналъ, но не сказалъ ни слова. „Отдохни хорошенько, помолись св. угодникамъ, и потомъ маршъ! я тебя отправлю“.—

На другой день, ввечеру, Владиміръ Николаевичъ призвалъ къ себѣ Потапа Ивановича, снабдилъ его нужнымъ кушемъ денегъ и приказалъ, не теряя времени, отправиться въ П. уѣздъ, гдѣ онъ долженъ былъ вывѣдать со всею подробностію всѣ обстоятельства, которыя предшествовали и сопровождали замужество Марьи Андреевны. „Побывай въ с. Радищѣ, прибавилъ Владиміръ Николаевичъ, гдѣ я вѣнчался, у священника отца Ѳеодора; если онъ живъ, кланяйся ему отъ меня, вручи на молитву 100 р. и возьми отъ него свидѣтельство о моемъ бракѣ; тамъ же въ 1½ верстѣ имѣніе матери Марьи Андреевны; съѣзди къ старухѣ, чтобы объявить ей, что я живъ и здоровъ. Ты вѣдь мастеръ обдѣлывать всякаго рода дѣла; у тебя чутье, какъ у хорошей гончей собаки, такъ я надѣюсь, что ты вывѣдаешь всю подноготную. Постарайся увидѣть Марью Андреевну; узнай, что съ нею, какъ она живетъ, счастлива ли? Однимъ словомъ, ты долженъ до тѣхъ поръ не возвращаться, пока не соберешь самыхъ положительныхъ свѣдѣній для начала дѣла, которое такъ сильно тяготитъ мою душу. Ну, Христосъ съ тобою! Не теряй времени и дѣйствуй, какъ всегда: честно, умно, осторожно“.—Отпустивъ вѣрнаго своего Потапа Ивановича, Владиміръ Николаевичъ вздохнулъ глубоко и сказалъ: „Все кончено!“ То же самое сказалъ онъ въ день своей женитьбы, 29 апрѣля 1812 года, но въ голосѣ его слышалось что-то другое.

Жизнь Владиміра Николаевича въ К. въ первые мѣсяцы была однообразна, грустна, одинока. На него смотрѣли какъ на человѣка опальнаго, и ему трудно было, да и не хотѣлось сближаться съ обществомъ, которое его дичилось. Скоро однакожъ исторія его сдѣлалась извѣстною; на него стали смотрѣть съ

участіемъ, и не одни хорошенькіе глазки засматривались на красиваго мужчину, у котораго просѣдь появилась въ черныхъ кудряхъ, не взирая на то, что Владиміру Николаевичу было тогда не болѣе 35 лѣтъ. Еще мѣсяцъ томленія—и Потапъ Ивановичъ явился къ нему со всѣми собранными свѣдѣніями, необходимыми для того, чтобы Владиміръ Николаевичъ могъ начать небывалую тяжбу. Вотъ что привезъ ему усердный его повѣренный. Разставшись съ Владиміромъ Николаевичемъ, Потапъ Ивановичъ отправился прямо въ г. Переяславъ и, пріѣхавъ туда подъ предлогомъ закупки хлѣба, старался сблизиться съ подъячими нижняго земскаго суда, которымъ всегда извѣстны всѣ плутни комиссара и засѣдателей (тогда еще не было становыхъ приставовъ).

Секретарь суда Тарасъ Денисовичъ былъ заклятый врагъ комиссара, но боялся его, какъ огня, потому что комиссаръ имѣлъ много вѣса у всѣхъ губернскихъ властей, которыхъ снабжалъ и деньгами, и продуктами. Всѣ факты, обличающіе гнусныя продѣлки Комисара, были очень тщательно сберегаемы Тарасомъ Денисовичемъ, и когда онъ, сблизясь съ Потапомъ Ивановичемъ, который не жалѣлъ ни денегъ, ни водки, чтобы приласкать своего новаго знакомца, узналъ о цѣли его пріѣзда, то и сообщилъ ему подъ страшною клятвою всю подноготную дѣла, вслѣдствіе котораго Марья Андреевна вынуждена была выйти замужъ за С—ва. Вотъ въ чемъ оно заключалось.

Екатерина Семеновна, какъ женщина жестокая, дозволяла себѣ всякаго рода истязанія надъ крѣпостными людьми своими. Однажды она приказала при себѣ наказать розгами одну изъ дворовыхъ женщинъ за проступокъ, нестоившій даже и строгаго выговора, не принимая во вниманіе, что несчастная жертва была уже въ положеніи близкомъ къ родамъ. Послѣ наказанія госпожа велѣла посадить ее въ погребъ, гдѣ была устроена тюрьма, и несчастную, умирающую женщину, отнесли въ мѣсто заключенія. Черезъ два или три часа послѣ экзекуціи, госпожа посылаетъ узнать, очнулась-ли Настя—такъ звали страдалицу,—но увы! никакія пособія не могли уже возвратить ее къ жизни,—она умерла. Это случилось весною 1813 года, и, какъ нарочно,

въ то время, когда комиссаръ былъ въ сосѣдствѣ на слѣдствіи. Узнавъ о происшедшемъ въ Холмахъ, налетѣлъ Сидоръ Демьяновичъ (такъ звали комиссара) на имѣніе Екатерины Семеновны, какъ воронъ, жаждущій крови. Зная жестокость Екатерины Семеновны, примѣры которой уже не разъ попадались въ руки его и всегда оставались безъ преслѣдованія, за деньги, которыхъ Екатерина Семеновна не жалѣла, онъ тщательно слѣдилъ за ея поступками, имѣя въ виду при первомъ важномъ происшествіи не иначе избавить ее отъ ссылки, какъ цѣною руки ея дочери Марьи Андреевны. Сидоръ Демьяновичъ С—въ былъ небогатъ, безобразенъ и уже очень немолодъ. Женитьбою на Маріи Андреевнѣ онъ ставилъ себя въ положеніе богатаго помѣщика и роднился съ лучшими семействами уѣзда.

Пріѣхавъ въ с. Холмы и не являясь въ домъ помѣщицы, онъ, по указанію встрѣтившагося съ нимъ кучера, прямо прошелъ въ избу, гдѣ вся дворня суетилась подлѣ трупа жертвы, а несчастный мужъ ея и дѣти обливались горькими слезами. Появленіе земскаго комиссара, среди этого плача и воплей, смутило всю дворню. Онъ сдѣлалъ осмотръ тѣла, на которомъ совершено было два убійства, спросилъ обо всемъ собравшихся въ избѣ людей и приказалъ своему письмоводителю писать отношеніе къ повѣтовому лѣкарю и стряпчему о немедленномъ прибытіи ихъ на слѣдствіе, а самъ отправился въ домъ къ Екатеринѣ Семеновнѣ, чтобы полюбоваться ея положеніемъ. Она уже знала о пріѣздѣ земскаго комиссара и съ появленіемъ его бросилась къ ногамъ его, умоляя не погубить ея.

„Удивляюсь, сударыня“, сказалъ комиссаръ, „какъ вы имѣете духъ просить о пощадѣ. Вы—убійца и убійца двухъ жертвъ. Для васъ мѣсто въ острогѣ, жизнь въ каторжной работѣ.“—Екатерина Семеновна, обливаясь слезами, обнимала ноги комиссара, который никакъ не могъ вырваться изъ рукъ ея и послѣ многихъ усилій сказалъ ей: „Встаньте, сударыня, не лучше-ли выйти въ особую, уединенную комнату, да переговорить по секрету“. Екатерина Семеновна, какъ бы воскресшая, быстро встала, проводила комиссара въ свой кабинетъ, заперла дверь на ключъ и съ трепетомъ ожидала рѣшенія своей участи.—„Вы убійца“, по-

вторилъ комиссаръ, „спасти Васъ есть одно средство".—„Какое"? съ видимымъ нетерпѣніемъ спросила Екатерина Семеновна.— „Вы должны уговорить дочь Вашу, Марью Андреевну, выйти за меня замужъ; вотъ цѣна, которая можетъ выкупить васъ изъ каторжной работы.—„Что вы говорите?" вскрикнула съ ужасомъ Екатерина Семеновна, „дочь моя замужемъ, я не могу располагать ею".—„Какъ вамъ угодно", сказалъ хладнокровно безчеловѣчный извергъ: „или Марья Андреевна жена С—ва, или Екатерина Семеновна въ каторжной работѣ,—то или другое",—прибавилъ онъ рѣшительно. Жестокая женщина, изумленная сначала предложеніемъ Сидора Демьяновича, вдругъ опомнилась, взяла его за руку и спросила: „да какъ-же можетъ Машенька сдѣлаться Вашею женою, когда она замужемъ и мужъ ея живъ"?— „Это не Ваше дѣло. Я слышалъ, что Владиміръ Николаевичъ умеръ отъ ранъ; приготовьте дочь Вашу къ этой вѣсти, а остальное я беру на себя. Я произведу слѣдствіе и буду ожидать исполненія или неисполненія моего требованія, судя по чему дамъ дѣлу ходъ къ спасенію или погибели Вашей. Согласны-ли Вы"?—спросилъ комиссаръ значительно и строго. Возвратясь къ чувствамъ жестокости, которыя было уступили мѣсто материнской нѣжности, Екатерина Семеновна отвѣтила: „Дѣлайте, я Ваша".

Марья Андреевна, удаленная, отъ всего въ домѣ, хотя и видѣла, съ какою жестокостью обращалась мать ея съ людьми, но никогда не позволяла себѣ разспрашивать о поступкахъ ея и, живя въ совершенномъ уединеніи, находила всю отраду въ письмахъ великодушнаго своего мужа Владиміра Николаевича. Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Знала ли Марья Андреевна о послѣднемъ поступкѣ матери своей или нѣтъ,—неизвѣстно. Ей сказали, что Настя умерла, и она горько плакала. Между тѣмъ вопли въ домѣ, пріѣздъ комиссара, отчаяніе матери—все это встревожило бѣдную молодую женщину, и она съ ужасомъ сошла внизъ, когда ее позвали кушать. Въ гостинной нашла она мать свою въ слезахъ и комиссара съ видомъ очень серьезнымъ и угрюмымъ. О Настѣ не было ни слова, какъ будто ничего не случилось въ домѣ. За обѣдомъ Екатерина

Семеновна съ какою-то нѣжностію, къ которой не привыкла Марья Андреевна, обращается къ ней и говоритъ: „Бѣдная Машенька! какъ мнѣ жаль тебя! При этихъ словахъ лицо Марьи Андреевны покрылось смертельною блѣдностью, голова закружилась, сердце сжалось, и она едва внятнымъ голосомъ спросила: „Что такое маменька"?—Говорятъ, сказывалъ Сидоръ Демьяновичъ, что Владиміръ Николаевичъ тяжело раненъ и отчаянно боленъ.— Съ этими словами Марья Андреевна лишилась чувствъ. Мать и люди бросились къ ней, чтобы привести ее къ сознанію, а комиссаръ въ это время клалъ кусокъ жаренаго въ ротъ и примолвилъ: „ничего, пройдетъ" Съ этого роковаго дня Марья Андреевна не получала уже болѣе писемъ отъ своего мужа,—ихъ перехватывали и уничтожали. Проходившіе и проѣзжавшіе офицеры изъ арміи, напрашиваемые комиссаромъ, увѣряли каждый по своему—иной, что видѣлъ, какъ несли раненаго Владиміра Николаевича, другой, что лежалъ съ нимъ въ госпиталѣ и слышалъ, что рана его смертельна, а нѣкоторые, что видѣли даже, какъ его хоронили; однимъ словомъ, все подтверждало роковую вѣсть, а къ тому же Марья Андреевна не получала писемъ. Убѣдясь, что она лишилась мужа, не испытавъ супружеской жизни, Марья Андреевна покорилась своей участи, а какъ нѣтъ горя, котораго бы не излѣчивало неумолимое время, то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она сдѣлалась покойнѣе и нѣсколько веселѣе.

Между тѣмъ, хотя тѣло бѣдной Насти и было предано землѣ, но слѣдствіе, начатое съ перваго дня, все тянулось и тянулось. Сидоръ Демьяновичъ часто наѣзжалъ въ Холмы для разныхъ перепросовъ и дополненій и всякій разъ старался оказывать Маріи Андреевнѣ какъ можно болѣе уваженія и участія, которое крайне ей не нравилось. Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ Екатерина Семеновна, гуляя по саду съ своею дочерью, мнимою вдовою, говоритъ ей: „Машенька, если бы, для спасенія жизни и чести твоей матери, потребовалось съ твоей стороны самопожертвованіе, согласилась ли бы ты принести себя въ жертву"?—„Ахъ! маменька, можете ли Вы меня объ этомъ спрашивать? съ смертію Вольдемара, нѣтъ ничего, что бы могло оста-

новить меня пожертвовать собою для Вашего благополучія".—„Если такъ, то цѣною руки твоей ты можешь купить мое спасеніе. Тебя ищетъ Сидоръ Демьяновичъ, а въ рукахъ его моя погибель. Ты не могла не замѣтить, что онъ тебя любитъ; ты свободна и отъ тебя зависитъ его счастіе и мое спасеніе". Съ ужасомъ выслушала Марья Андреевна эти слова. Мысль принадлежать С—ву, называть его своимъ мужемъ, заставила ее содрогнуться. Мать внимательно посмотрѣла на дочь свою и сказала: Вижу, Машенька, что позоръ матери тебя не ужасаетъ; я не требую отъ тебя этой жертвы, но знай, что черезъ недѣлю, много двѣ, мать твою поведутъ въ цѣпяхъ"... Она не успѣла докончить, какъ бѣдная Марья Андреевна бросилась къ ней на шею, зарыдала и задыхающимся голосомъ сказала: „Довольно! довольно! я отдаю свою руку".

Узнавъ всѣ подробности несчастной исторіи Марьи Андреевны, Потапъ Ивановичъ, чтобы совершенно скрыть цѣль своего пребыванія, усердно хлопоталъ, чтобы купить хлѣба для винокуреннаго завода, и, узнавъ, что въ с. Радищѣ живетъ жидъ Берко, скупающій рожь въ большомъ количествѣ, отправился туда, надѣясь повѣрить на мѣстѣ и самое происшествіе, и получить отъ священника выписку изъ метрической книги о бракѣ своего довѣрителя.

Село Радище отъ города П. въ 40 верстахъ. Отдохнувшія лошади скоро домчали Потапа Ивановича до этого селенія. Остановясь на улицѣ, онъ спросилъ мужиковъ, гдѣ живетъ священникъ отецъ Ѳеодоръ, и ему указали на небольшой домъ подлѣ церкви. Потапъ Ивановичъ подъѣхалъ къ нему, вышелъ изъ своей брыки и пошелъ на дворъ, гдѣ былъ встрѣченъ священникомъ, которому передалъ поклонъ Владиміра Николаевича М. „Какъ"? спросилъ отецъ Ѳеодоръ, развѣ Владиміръ Николаевичъ живъ"?—„Слава Богу"! отвѣчалъ Потапъ Ивановичъ, „онъ теперь живетъ въ К. и присылаетъ Вамъ гостинецъ на молитвы", который тутъ же и вручилъ.—„Спаси его Христосъ"! сказалъ священникъ. Съ этими словами онъ пригласилъ Потапа Ивановича

въ свой домъ. Въ удостовѣреніе того, что Владиміръ Николаевичъ живъ, Потапъ Ивановичъ показалъ священнику открытый вѣрющій листъ, сознанный въ К. земскомъ повѣтовомъ судѣ, подписанный Владиміромъ Николаевичемъ. „Слава Богу! Слава Богу! я очень полюбилъ Владиміра Николаевича, славный онъ человѣкъ! не одну уже панниxиду отслужилъ я по усопшемъ, но это не бѣда; молитва была о душѣ, стало быть не пропала даромъ. Жаль бѣдную Марью Андреевну! Попала она, добрая пташечка въ зубы лютаго кота. Вы чай знаете, что она замужемъ за пакостнымъ человѣкомъ С—мъ, который въ корень разоряетъ бѣдныхъ мужичковъ с. Холмовъ? А все безпутная матка"!—„Я пріѣхалъ сюда", сказалъ Потапъ Ивановичъ, „чтобы просить Васъ выдать выписку, изъ метрической книги, о бракѣ Владиміра Николаевича съ Марьею Андреевною; это ему нужно, чтобы просить о разводѣ".—„Ну, конечно", сказалъ священникъ, „нельзя же ему оставаться связаннымъ". Долго просидѣли и протолковали отецъ Ѳеодоръ съ Потапомъ Ивановичемъ о дѣлѣ Владиміра Николаевича, и разсказъ священника подтвердилъ все намъ извѣстное. Поужинавъ и помолясь Богу, и хозяинъ и Потапъ Ивановичъ уснули крѣпкимъ сномъ. На другой день поутру, напившись чаю съ добрымъ отцемъ Ѳеодоромъ, Потапъ Ивановичъ отправился въ с. Холмы, гдѣ на ту пору былъ С—въ съ своимъ семействомъ. При въѣздѣ его въ селеніе, множество ребятишекъ, въ оборванныхъ рубашенкахъ, стали просить милостыню и бѣжали за брыкою во всю длину улицы, по обѣимъ сторонамъ которой стояли избы съ неогороженными дворами. Вездѣ видна нищета, нужда, а между тѣмъ прекрасныя, тучныя земли окружаютъ селеніе. Подъѣхавъ къ шинку Потапъ Ивановичъ оставилъ свой экипажъ и самъ пошелъ пѣшкомъ въ господскій дворъ, находящійся въ виду шинка. Было 10-ть часовъ утра. Прекрасный старинный дворъ, на покатости къ чистому, какъ зеркало, пруду, окруженный обширнымъ садомъ, стоялъ насупротивъ каменнаго храма во имя Андрея Первозваннаго. Видно, что усадьба эта принадлежала богатому малороссійскому пану. Войдя на дворъ и встрѣтивъ оборваннаго лакея, Потапъ

Ивановичъ попросилъ его, чтобы онъ провелъ его въ домъ и доложилъ панамъ, что пріѣхалъ губернскій секретарь Цыбуля, отъ стараго знакомаго Екатерины Семеновны, и хочетъ съ нею повидаться. Тотчасъ попросили Потапа Ивановича пожаловать. Войдя въ гостинную, онъ нашелъ тамъ старуху Екатерину Семеновну и дочь ея Марью Андреевну, а возлѣ нихъ на коврѣ, окруженный подушками, сидѣлъ малютка—сынъ Марьи Андреевны и возлѣ него няня. „Добро пожаловать“, сказала старуха, вставая съ своего мѣста. Потапъ Ивановичъ, какъ водится, поцѣловалъ руку старухи, поклонился и сказалъ: „Владиміръ Николаевичъ М., котораго я повѣренный, приказалъ Вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе“. Съ этими словами, глаза у старухи покосились, она вскрикнула и упала безъ чувствъ. Марья Андреевна, не обративъ никакого вниманія на мать, какъ сумасшедшая бросилась къ Потапу Ивановичу. „Что? онъ живъ? Ахъ я несчастная“... и выбѣжала вонъ... На этотъ шумъ вошелъ самъ С—въ. Потапъ Ивановичъ не зналъ, что ему дѣлать, бѣжать ли или оставаться? Заставъ тещу безъ чувствъ и жену, выбѣжавшую вонъ съ воплями, С—въ обратился къ Потапу Ивановичу и нагло спросилъ его: „Что Вамъ нужно? Кто Вы? За чѣмъ сюда явились“? „Я губернскій секретарь Цыбуля“,—отвѣтилъ твердо Потапъ Ивановичъ, повѣренный Владиміра Николаевича М., у котораго Вы отняли жену“. Лицо С—ва вытянулось, онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ вымолвить ни одного слова. Воспользовавшись этою минутою, Потапъ Ивановичъ вышелъ изъ дома, пробрался къ шинку и ускакалъ въ с. Радище. Старуха Екатерина Семеновна не пришла въ чувство: она умерла, не успѣвъ очистить душу свою, обремененную безчисленнымъ множествомъ преступленій, христіанскимъ покаяніемъ. Часа въ три по полудни, когда Потапъ Ивановичъ, воротясь изъ Холмовъ, сидѣлъ съ отцомъ Ѳеодоромъ и разсказывалъ ему о поѣздкѣ своей къ Екатеринѣ Семеновнѣ и какое впечатлѣніе произвела на нее, дочь ея и зятя вѣсть о возвращеніи Владиміра Николаевича изъ похода, вошелъ кучеръ съ запискою отъ С—ва, въ которой онъ извѣщалъ священника о внезапной смерти Екатерины Семеновны, приглашалъ его на

похороны и прислалъ деньги на позвонное по умершей своей тещѣ. Отецъ Ѳеодоръ и Потапъ Ивановичъ перекрестились, и священникъ промолвилъ „Не удостоилъ Господь грѣшницу очистить душу свою покаяніемъ“.

Получивъ отъ священника свидѣтельство о бракѣ Владиміра Николаевича съ Марьею Андреевною, Потапъ Ивановичъ простился съ добрымъ отцомъ Ѳеодоромъ и уѣхалъ въ К., не заѣзжая въ П., гдѣ ему не осталось уже никакого дѣла.

Такимъ образомъ, вся несчастная исторія бѣдной Марьи Андреевны, сдѣлалась извѣстною Владиміру Николаевичу; ему не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ правительству, чтобы, обнаруживъ всю гнусность поступковъ С—ва, просить о разводѣ съ Марьею Андреевною. Крѣпко сжалось сердце Владиміра Николаевича, когда онъ узналъ всѣ подробности этого дѣла; ему было жаль несчастную жертву, чувства къ которой не совсѣмъ еще угасли въ душѣ его; но что было ему дѣлать? Марья Андреевна была уже мать; и если не была счастлива въ супружествѣ, не могла питать привязанности къ своему мужу— этому извергу, для котораго висѣлица была бы самой приличной наградой за гнусные его поступки, то все таки не могла не питать нѣжной привязанности къ несчастному ребенку, невинному существу, требующему ея попеченій. Положеніе Владиміра Николаевича было очень тягостно; онъ боролся съ разными ощущеніями души своей; ему было жаль Марью Андреевну, которая, какъ видно, сохранила къ нему чувство любви, сдѣлавшись искупительною жертвою для своей матери; а между тѣмъ чувство мести къ злодѣю, вырвавшему изъ объятій его жену, и оскорбленная честь—возбуждали въ немъ справедливое негодованіе и указывали ему на долгъ преслѣдовать человѣка, который данную ему закономъ власть направилъ къ такому гнусному, неслыханному поступку. Надобно было на что нибудь рѣшиться, и Владиміръ Николаевичъ послѣ долгаго размышленія, затая въ душѣ своей голосъ еще не совсѣмъ угасшей любви къ Марьѣ Андреевнѣ, принялъ намѣреніе, во чтобы то ни стало, погубить злодѣя. Но какъ приступить къ дѣлу? какъ дѣйствовать? Не будучи знакомъ съ формами и правилами, существующими въ

судопроизводствѣ, онъ рѣшился прибѣгнуть прямо къ милосердію и справедливости Монарха, на котораго вся Европа смотрѣла съ благоговѣніемъ. Въ письмѣ, исполненномъ самыхъ сильныхъ выраженій, Владиміръ Николаевичъ объяснилъ Государю Императору свое положеніе и, приложивъ свидѣтельство, выданное священникомъ села Радища о его бракѣ съ Марьею Андреевною, всеподданнѣйше просилъ повелѣть произвести строгое разслѣдованіе. Не скоро было объявлено Владиміру Николаевичу, что, не утруждая Монарха, онъ долженъ былъ обратиться съ просьбою къ мѣстному начальству, которое обязано тотчасъ сдѣлать надлежащее разслѣдованіе; вмѣстѣ съ объявленіемъ возвращено было и свидѣтельство, приложенное къ всеподданнѣйшей просьбѣ. Владиміръ Николаевичъ, не зная, какъ поступить, обратился къ К. прокурору—человѣку честному и дѣльному, съ которымъ успѣлъ хорошо познакомиться, и просилъ наставить его въ настоящемъ случаѣ. Сообразивъ всѣ обстоятельства, прокуроръ сказалъ Владиміру Николаевичу, что дѣло его имѣетъ двѣ стороны, а потому онъ долженъ вести его уголовнымъ порядкомъ и путемъ духовнымъ. Гражданскія власти должны раскрыть злоупотребленія С—ва, а духовныя—расторгнуть бракъ, сообразно съ законами церкви. Вслѣдствіе того Владиміръ Николаевичъ долженъ былъ подать двѣ просьбы: одну начальнику губерніи, а другую епархіальному архіерею. Отъ времени подачи всеподданнѣйшей просьбы протекло уже 1½ года, и Владиміръ Николаевичъ, помолясь св. угодникамъ, подалъ просьбы по совѣту прокурора, которыя и возъимѣли свое дѣйствіе. По совѣщанію губернатора съ архіереемъ, назначено было строгое разслѣдованіе, для чего была составлена коммиссія изъ гражданскихъ чиновниковъ и депутата отъ духовнаго начальства. Между тѣмъ С—въ, чуя неминучую бѣду, бросился въ духовное правленіе и консисторію и, силою значительныхъ пожертвованій, успѣлъ перемѣнить листы въ метрическихъ книгахъ, гдѣ появилась статья, въ январѣ 1812 года, о бракѣ С—ва съ Марьею Андреевною, а статья о бракѣ Владиміра Николаевича была уничтожена. Какъ ни старался С—въ, чтобы сдѣлать тоже измѣненіе въ метрической книгѣ церкви села

Радища, но почтенный священникъ, отецъ Θеодоръ, не уступилъ ни просьбамъ его, ни угрозамъ секретаря духовнаго правленія и консисторіи. Такимъ образомъ, все дѣло спасено добрымъ и честнымъ священникомъ села Радища.

Въ 1815 году началось слѣдствіе. Назначенные чиновники съѣхались въ Переяславъ. Задаренные С—мъ, они старались всячески запутать дѣло, и такимъ образомъ слѣдствіе потянулось и потянулось надолго. Выпущены были повѣстки Марьѣ Андреевнѣ, мужу ея и Владиміру Николаевичу о явкѣ къ слѣдствію, дѣлали разные пустые розыски, писали много, и слѣдствіе все болѣе и болѣе затягивалось. Во все это время, пока тянулось дѣло, С—въ убѣждалъ Марью Андреевну подписать лживую бумагу, обвинявшую Владиміра Николаевича, будто бы онъ увезъ ее отъ С—ва и обвѣнчался съ нею. Не взирая на всю нѣжность къ дѣтямъ, Марья Андреевна не могла рѣшиться на такой поступокъ противъ великодушнаго человѣка, направленный къ его безвинной отвѣтственности, а между тѣмъ, чтобы окончить слѣдствіе, и безъ того тянувшееся въ безплодныхъ перепискахъ около двухъ лѣтъ, необходимо было явиться Марьѣ Андреевнѣ передъ слѣдственной коммиссіей и дать отвѣтъ. Ввечеру, за день до отъѣзда изъ Холмовъ въ П—въ, С—въ вошелъ въ комнату жены своей, гдѣ она сидѣла въ задумчивости, держа на рукахъ меньшаго изъ дѣтей своихъ. Въ лицѣ его выражались самые преступные замыслы, на которые онъ рѣшился, чтобы положить конецъ томленію, мучившему его въ теченіе болѣе $1^1/_2$ года.

Когда С—въ вошелъ въ комнату, то, подойдя къ Марьѣ Андреевнѣ, взялъ ее за руку и съ нѣжностію сказалъ: „Машенька, въ послѣдній разъ рѣшаюсь говорить съ тобою объ участи, которая насъ ожидаетъ, если ты не послушаешь голоса разсудка и не пожертвуешь своею совѣстью для спасенія несчастныхъ дѣтей нашихъ“. Она взглянула на него и содрогнулась. „Оставьте меня, Сидоръ Демьяновичъ“, сказала Марья Андреевна, „скорѣе соглашусь я умереть самою мучительною смертію, нежели рѣшусь поступить противъ совѣсти и тѣмъ накликать на себя и дѣтей моихъ кару небесную“.—„Нѣтъ! это невозможно! Безумная

женщина"! возразилъ С—въ, отступая нѣсколько шаговъ. „Знаешь ли ты, что упорство твое ведетъ меня въ Сибирь, тебя въ монастырь; а бѣдныя дѣти, лишась отца и матери, будутъ признаны незаконнорожденными, потеряютъ и имя, и права, которыя принадлежатъ имъ по рожденію".—„Что такое? дѣти мои будутъ лишены и имени и правъ? Нѣтъ! ты лжешь, такой неправды люди не могутъ сдѣлать".—„Повторяю тебѣ", сказалъ Сидоръ Демьяновичъ, „что дѣти, рожденныя въ незаконномъ бракѣ (а бракъ нашъ незаконный), лишаются всего".—Марья Андреевна горько улыбнулась и сказала: „Если это дѣйствительно такъ, то видно такова воля Господа, противъ которой я возставать не смѣю".—„Какъ? что ты сказала? на что ты рѣшаешься? Нѣтъ, этого не будетъ! я не допущу, чтобы дѣти мои дошли до такого позора".—Съ этими словами онъ вырвалъ изъ рукъ матери ребенка и, взмахивая имъ, закричалъ страшнымъ голосомъ: „Я убью его и трупомъ этого ребенка убью прочихъ дѣтей нашихъ". Пѣна выступила у него изо рта; онъ вышелъ изъ комнаты. Несчастная мать, какъ сумасшедшая, бросилась за жестокимъ своимъ мужемъ, забѣжала впередъ, загородила ему дорогу и умоляющимъ голосомъ просила его пощадить дѣтей. Я все, все готова сдѣлать! пощади! пощади! Испуганный ребенокъ, не понимая, что онъ обреченъ быть орудіемъ для умерщвленія его братьевъ, кричалъ изо всѣхъ силъ. На этотъ крикъ люди сбѣжались. „Прочь"! завопилъ злодѣй, и всѣ скрылись.—„Возьми свое дитя", сказалъ С—въ, отдавая его на руки матери, „но знай, я исполню свое намѣреніе, если ты окажешь малѣйшее упорство". Съ этими словами онъ потащилъ жену въ кабинетъ и заставилъ ее подписать бумагу, въ которой Марья Андреевна сознавалась, что, увлеченная страстью къ Владиміру Николаевичу, рѣшилась бѣжать съ нимъ отъ законнаго своего мужа С—ва и обвѣнчалась съ Владиміромъ Николаевичемъ, но гдѣ именно, того сказать не можетъ, потому-что не знаетъ, гдѣ то селеніе, куда привезъ ее ея похититель. На другой день послѣ этой ужасной сцены Сидоръ Демьяновичъ и Марья Андреевна поѣхали въ П—въ, чтобы явиться къ отвѣту. При личныхъ допросахъ Марья Андреевна подтвердила все, что было въ бумагѣ, и слѣдственная

коммиссія сдѣлала заключеніе, чтобы отправить списокъ съ поданной Марьею Андреевною бумаги въ К., для истребованія объясненія, по содержанію оной, отъ подполковника М., слѣдствіе закрыть и донести о томъ начальнику губерніи, а самое дѣло передать судебному разсмотрѣнію. На свидѣтельство, приложенное къ просьбѣ, поданной Владиміромъ Николаевичемъ, удостовѣряющее о бракѣ его съ Марьею Андреевною, не было обращено никакого вниманія, какъ на документъ, не имѣющій законной силы; объясненіе же Владиміра Николаевича, что онъ не можетъ оставить свое мѣстожительство и явиться къ отвѣту, признано уклоненіемъ отъ исполненія законныхъ требованій слѣдователей. Такимъ обратомъ окончилось слѣдствіе, продолжавшееся болѣе двухъ лѣтъ.

Въ одно утро постучался въ дверь дома, занимаемаго Владиміромъ Николаевичемъ М., полицейскій офицеръ. Было 8 часовъ утра. Не только баринъ, но и вѣрный слуга его, Степанъ, не думалъ еще вставать, уложивъ барина своего въ 3 часа утра, по возвращеніи его съ бала. Услышавъ стукъ, который никогда не возмущалъ спокойствія живущаго въ домѣ отставнаго гусара, Степанъ, накинувъ на себя что-то въ родѣ халата, съ досадою отворилъ дверь и спросилъ стучавшагося господина: „Что Вамъ нужно“?—„Здѣсь живетъ подполковникъ М.“?—„Здѣсь“.—„Доложи барину, что полицейскій офицеръ имѣетъ къ нему нужду“.—„Важная штука“—пробормоталъ съ просонья Степанъ. „Баринъ изволили лечь почивать въ 3 часа, такъ какъ же я стану будить ихъ. Приходите часовъ въ 12“.—„Ты очень глупъ“, сказалъ Степану полицейскій офицеръ. „Ступай и разбуди своего барина, если не хочешь, чтобы и тебѣ и барину твоему было худо“. Слова эти были сказаны съ достоинствомъ, и Степанъ пошелъ молча въ спальную своего господина. „Кто тамъ“? вскрикнулъ Владиміръ Николаевичъ. „Это я; сударь“, отвѣчалъ Степанъ. „Какой-то полицейскій офицеръ приказалъ разбудить Васъ“.—„Проси его, сейчасъ выйду“. Дѣйствительно, Владиміръ Николаевичъ не заставилъ ожидать себя и когда вышелъ въ залу, то былъ изу-

мленъ неожиданною встрѣчею. „Какъ? это ты, Харченко“? сказалъ Владиміръ Николаевичъ, обращаясь къ полицейскому офицеру и обнимая его. „Точно такъ“, отвѣчалъ Прокофій Ильичъ (такъ звали Харченка); „изъ гусарскихъ вахмистровъ, какъ изволите видѣть, полицейскій чиновникъ. Я счастливъ, что имѣю удовольствіе Васъ видѣть, и ужъ признаюсь никакъ не ожидалъ я этого благополучія. Идучи къ Вамъ, по порученію полиціи, подумалъ я самъ себѣ: ну, какъ это Владиміръ Николаевичъ? Слава Богу, что я Васъ вижу, моего благодѣтеля и бывшаго начальника“.—„Какое же ты имѣешь ко мнѣ порученіе“? спросилъ Владиміръ Николаевичъ.—„Да вотъ бумаги изъ слѣдственной коммиссіи по Вашему дѣлу“.—„Ладно, оставь бумаги у меня, да напьемся вмѣстѣ чаю и потолкуемъ о старинѣ“.—„Нѣтъ, Владиміръ Николаевичъ, этого нельзя, я долженъ исполнить еще нѣсколько приказаній“.—„Ну, какъ знаешь; по крайней мѣрѣ“, прибавилъ Владиміръ Николаевичъ, „когда будешь свободенъ, заходи ко мнѣ, я буду тебѣ радъ“.—„Да вотъ Вы извольте разсмотрѣть бумаги и написать, что нужно, а я денька этакъ черезъ два зайду къ Вамъ, чтобы получить ихъ“, сказалъ Харченко и раскланялся съ бывшимъ своимъ начальникомъ.

Когда вышелъ Харченко, Владиміръ Николаевичъ взялъ со стола бумаги. „Посмотримъ, что пишутъ эти плуты“? Прочитавъ отзывъ Марьи Андреевны, онъ сбезумѣлъ. „Какъ?“ вскричалъ онъ. „Эта женщина способна такъ безсовѣстно лгать“! Онъ сдѣлался мраченъ, скученъ и на всѣ вопросы, которые сдѣлалъ ему въ это время Степанъ: „прикажете-ли подать Вамъ бриться? Какое платье приготовить? Изволите-ли дома кушать? онъ отвѣчалъ: да. Степанъ посмотрѣлъ на барина и вышелъ. Вскорѣ Владиміръ Николаевичъ оправился, умылся, одѣлся, напился чаю и вышелъ со двора, взявъ съ собою принесенныя Харченкомъ бумаги. Съ часъ спустя послѣ того какъ вышелъ Владиміръ Николаевичъ, пріѣхалъ Потапъ Ивановичъ съ отчетами и деньгами. „Ну что, Степка, здоровъ баринъ?“—„Да, были здоровы“— отвѣчалъ Степанъ, а сегодня поутру какой-то чертъ, прости Господи, былъ у барина съ бумагами, да что-то знать не ладное принесъ“.—„Гдѣ же баринъ?“—„Ушли и взяли съ собою

эти проклятыя бумаги".—Понимаю, подумалъ Потапъ Ивановичъ, вѣрно что нибудь по дѣлу.—„Степка! а Степка"? закричалъ Потапъ Ивановичъ: „есть у тебя этакъ горячая водица? съ холоду не худо бы чайку напиться". Степанъ распорядился, и Потапъ Ивановичъ началъ себя накачивать чайкомъ въ прикусочку. Въ то время какъ Потапъ Ивановичъ вливалъ въ себя седьмую чашку, воротился домой Владимiръ Николаевичъ и весьма обрадовался, когда увидѣлъ Потапа Ивановича. „Спасибо тебѣ, что ты такой проворный, не заставилъ себя ожидать долго", сказалъ Владимiръ Николаевичъ.—„Да вѣдь наше дѣло такое, Владимiръ Николаевичъ, приказано, такъ не зѣвай".—„Угадай, какъ дѣло мое кончено? Ну-ка, дока, угадай"?—„Не берусь, отвѣчалъ Потапъ Ивановичъ. „На Руси, говорятъ, можно и такъ и этакъ".—„То-то такъ и этакъ; вотъ такъ-то и вышло по слѣдствiю, что я укралъ жену у С—ва. Прочитай, вотъ тебѣ бумаги".—„Что Вы это, Владимiръ Николаевичъ, возможно-ли, чтобы ужъ дошли до такого безстыдства"?—„Ну, да тамъ увидишь".—Потапъ Ивановичъ началъ читать бумаги, а Владимiръ Никол. вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы просмотрѣть привезенные отчеты и, по совѣту знакомаго прокурора, написать просьбу къ министру на неправильныя дѣйствiя губернатора и назначенной имъ коммиссiи. Окончивъ свои занятiя, Владимiръ Никол. вышелъ въ залъ, гдѣ Потапъ Ивановичъ, прочитавъ уже бумаги, покрякивалъ и понюхивалъ табачекъ. „Ну что"? сказалъ Владимiръ Николаевичъ: „какова Марья Андреевна"?—„А что? баба, да и только, сосудъ скудельный! Вотъ, хотя бы моя жена, Дарья Ивановна. Попробуй-ка, она не подписать бумагу, которую я ей велю, такъ я ей задамъ такого трезвона, что ну"!—„Послушай, Потапъ Ивановичъ, мнѣ нельзя ни куда выѣхать, ты это знаешь, а дѣло требуетъ личнаго ходатайства. Я хочу отправить тебя въ Питеръ съ просьбою къ министру. Ты ее подашь вмѣстѣ съ запискою, да и похлопочешь, чтобы посмотрѣли добросовѣстно и правдиво на мое дѣло. Вѣдь у насъ и правду надо купить".—„Что касается до меня", сказалъ Потапъ Ивановичъ, „то я готовъ за Васъ и въ огонь и въ воду, лишь бы только достало умѣнья".—Потапъ Ивановичъ принадлежалъ къ числу

такихъ управляющихъ и повѣренныхъ, которые, однажды посвятивъ себя своимъ довѣрителямъ, оставались навсегда вѣрными своему долгу и сростались, такъ сказать, съ жизнью и положеніемъ людей, ввѣрившихъ имъ свои дѣла и состояніе. Такіе повѣренные составляютъ въ настоящее время исключеніе и въ Малороссіи, и въ Россіи. Духъ продажности, измѣны долгу отразился во всѣхъ слояхъ общества. Большая часть управляющихъ и повѣренныхъ (стряпчихъ) заботятся о томъ, чтобы скорѣе нажить деньги на счетъ незнанія, лѣни и безпечности своихъ довѣрителей, часто людей честныхъ и добросовѣстныхъ. За то рѣдко теперь встрѣтишь повѣреннаго, который бы занимался у кого нибудь дѣлами въ теченіе десятковъ лѣтъ. Годъ, два— и повѣреннаго гонятъ со двора, какъ негодяя, безчестнаго, продажнаго. Не клиномъ сошлась Россія, утѣшаетъ себя прогнанная каналья, и посмотришь, опять кого нибудь обираетъ. Не таковъ былъ Потапъ Ивановичъ. Глубоко проникнутый религіознымъ чувствомъ, хотя и безъ образованія, онъ понималъ свою обязанность и былъ строгимъ блюстителемъ выгодъ и пользъ Владиміра Николаевича, который съ своей стороны любилъ его, какъ родного брата и вѣрилъ ему, какъ только можно вѣрить самому близкому человѣку.

Черезъ нѣсколько дней катилъ уже въ Петербургъ Потапъ Ивановичъ, снабженный всѣмъ нужнымъ и письмами къ лицамъ, родственнымъ Владиміру Николаевичу, занимавшимъ въ то время видныя мѣста по службѣ.

Какъ дѣйствовалъ, у кого былъ и съ кѣмъ переговаривалъ Потапъ Ивановичъ въ сѣверной столицѣ, это осталось неизвѣстнымъ; извѣстно только то, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мучительнаго ожиданія былъ присланъ изъ Петербурга чиновникъ для произведенія слѣдствія по дѣлу Владиміра Николаевича и такъ какъ выборъ палъ на человѣка правдиваго и знающаго, то всѣ пути къ подкупу сдѣлались невозможны. Гаврило Андреевичъ (такъ звали чиновника), облеченный довѣріемъ министра, открылъ всѣ злоупотребленія губернскихъ властей, слѣдственной комиссіи и земскаго комиссара С—ва.

По обстоятельствамъ слѣдствія необходимо было дать очную ставку Марьѣ Андреевнѣ съ Владиміромъ Николаевичемъ. Гаврило Андреевичъ, зная, что подполковникъ М. безъ особеннаго требованія не могъ явиться къ слѣдствію, отнесся къ К-ому гражданскому губернатору, чтобы онъ сдѣлалъ законное распоряженіе для прибытія Владиміра Николаевича въ г. П—въ къ 23 іюня 1818 г., сроку, назначенному для явки на очную ставку.

Основываясь на томъ, что Владиміръ Николаевичъ находится подъ надзоромъ полиціи, губернаторъ не рѣшился отпустить своего узника безъ надзора и назначилъ знакомаго уже намъ квартальнаго Харченка—сопровождать Владиміра Николаевича въ П—въ и привезти его оттуда обратно. Какъ ни отрадно было Владиміру Николаевичу, что старый подчиненный его назначенъ сопровождать его персону, но сердце его сжалось отъ такого недовѣрія губернатора къ слову благороднаго человѣка; это заставило его просить правительство о дозволеніи ему жить въ имѣніи его, что и было въ скоромъ времени разрѣшено безъ всякихъ затрудненій.

Что перечувствовалъ Владиміръ Николаевичъ въ шесть дней, которые онъ провелъ въ дорогѣ по пути изъ К. въ П—въ! Добрый Прокофій Ильичъ, сопровождавшій Владиміра Николаевича, во всю дорогу старался служить ему со всею заботливостію и, сколько могъ, утѣшалъ его воспоминаніями о войнѣ и опасностяхъ, которымъ онъ подвергался. Ввечеру 22 іюня прибылъ Владиміръ Николаевичъ въ П—въ и тотчасъ явился къ слѣдователю, умному и пожилому человѣку, который встрѣтилъ его съ особенною любезностію. „Завтра“, сказалъ онъ, „Владиміръ Николаевичъ, будетъ для васъ тягостное свиданіе съ женщиною, которую у васъ отняли“. „Мнѣ жаль ея, но законъ неумолимъ. Находясь подъ властію своего мужа, этого изверга рода человѣческаго, она упорно стоитъ въ томъ, что Вы женились на ней, когда она была уже женою С—ва, не взирая на то, что метрическая книга с. Радища, сохраненная въ цѣлости священникомъ, и показанія сего послѣдняго ясно доказываютъ, что она была дѣвицею“.—Не отвѣчая ничего на все, сказанное слѣдо-

вателемъ, Владиміръ Николаевичъ простился съ нимъ, передавая участь свою справедливости Гаврилы Андреевича.

На другой день часовъ въ 11-ть утра къ крыльцу нижняго земскаго суда подъѣхала карета. Гаврило Андреевичъ уже былъ въ судѣ, гдѣ были стряпчій и члены суда; тутъ же находился и Владиміръ Николаевичъ, сопровождаемый Прокофіемъ Ильичемъ. Земскій комиссаръ, завидѣвъ, что карета подъѣзжаетъ, вышелъ на крыльцо и, высаживая свою жену, сказалъ ей: „Помни-же! я выполню давнишнее мое намѣреніе, если ты не устоишь въ своемъ показаніи".

Когда она вошла въ присутственную камеру, Гаврило Андреевичъ приказалъ выйти ея мужу. Оглянувшись на всѣ стороны, она увидѣла Владиміра Николаевича, силы ея оставили—ей сдѣлалось дурно. Немного спустя, когда она оправилась, Гаврило Андреевичъ, обращаясь къ ней, сказалъ: „Сударыня, вотъ человѣкъ", при этомъ онъ указалъ на Владиміра Николаевича, „который по показанію Вашему, увезъ Васъ отъ мужа и обвѣнчался съ Вами. Онъ это отрицаетъ. Не угодно ли Вамъ уличить его". Она привстала, хотѣла что-то сказать, но силы ее опять оставили, она зарыдала и задыхающимся голосомъ сказала: „Нѣтъ! нѣтъ! все показанное мною гнусная клевета... Я виновата! я преступна"!—и съ этими словами лишилась чувствъ. Въ эту минуту вошелъ ея мужъ. „Она умерла", сказалъ онъ равнодушно. „Нѣтъ, оставьте ее въ покоѣ", отвѣчалъ Гаврило Андреевичъ, который хлопоталъ возлѣ Маріи Андреевны, „и извольте выйти отсюда".—„Я мужъ ея"! дерзко сказалъ С—въ и вышелъ.—„Мужъ! и этотъ человѣкъ смѣетъ называть себя ея мужемъ",—примолвилъ Гаврило Андреевичъ. Марья Андреевна пришла въ чувство, и пока она совершенно очнулась, написана была очная ставка. Когда она возвратилась къ полному сознанію, Гаврило Андреевичъ прочиталъ ей отвѣтъ ея, и она, перекрестясь, съ твердостію подписала. Такъ кончилась эта тягостная сцена, а вмѣстѣ съ нею и слѣдствіе.

Что въ это время было съ Владиміромъ Николаевичемъ? Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ... онъ хотѣлъ... но чувство собственнаго достоинства удержало его.

„Все кончено“! сказалъ Владиміръ Николаевичъ, выходя изъ суда, опираясь на руку Прокофія Ильича.

На другой день Владиміръ Николаевичъ уѣхалъ. Гаврило Андреевичъ, закончивъ слѣдствіе, передалъ дѣло на законное рѣшеніе въ повѣтовый судъ и также уѣхалъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ К. получено было, по просьбѣ Владиміра Николаевича, разрѣшеніе ему ѣхать къ себѣ въ деревню, куда онъ и отправился на безвыѣздное пребываніе.

Возвращеніе на родину, гдѣ онъ не былъ 15-ть лѣтъ и гдѣ не нашелъ никого изъ своихъ близкихъ, наполнило его невыразимою тоскою. Тотъ-же домъ, таже мебель, поддержанные заботливостію Потапа Ивановича, тотъ-же садъ съ крытыми липовыми аллеями, но все это вызывали одни лишь воспоминанія объ утратахъ, которыя понесъ Владиміръ Николаевичъ въ продолжительный промежутокъ времени. Могилы отца и матери возлѣ храма Божія, содержимаго въ большомъ порядкѣ, напоминали ему давно минувшее, но не могли дать отвѣта на задушевные его вопросы.

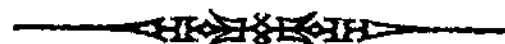
Оставаясь одинокимъ, пока законы расторгнутъ бракъ его, онъ предался сельскимъ занятіямъ, попеченіямъ объ участи крестьянъ, ввѣренныхъ ему Провидѣніемъ. Между тѣмъ дѣло, переданное слѣдователемъ судебному разсмотрѣнію, двигалось медленно, безъ личнаго ходатайства Владиміра Николаевича, а С—въ, продолжавшій службу и покровительствуемый высшею властію края, злобно смѣялся въ душѣ надъ своимъ противникомъ. Посылаемыя жалобы на медленность оставались безъ отвѣта.

Наконецъ, по участію, принятому въ судьбѣ Владиміра Николаевича однимъ изъ родственниковъ его, имѣвшимъ значеніе, процессъ принялъ быстрый ходъ. Дѣло дошло до высшихъ судебныхъ и духовныхъ инстанцій, и рѣшеніе прислано къ исполненію. Марья Андреевна разведена съ обоими мужьями, дѣти, прижитыя съ С—мъ, признаны незаконнорожденными, а отецъ ихъ преданъ суду, съ немедленнымъ отрѣшеніемъ отъ службы. Приговоръ этотъ, присланный къ исполненію, въ теченіе многихъ лѣтъ не былъ объявленъ, хотя и былъ извѣстенъ част-

нымъ образомъ Владиміру Николаевичу, которому изъ-подъ руки, было сказано отъ лица, управлявшаго краемъ, человѣка въ высшей степени благороднаго и правдиваго, но окруженнаго самыми безчестными людьми, что всякое настояніе со стороны его къ исполненію приговора повлечетъ за собою самое неумолимое преслѣдованіе. Въ этотъ промежутокъ времени С—въ умеръ, оставивъ Марью Андреевну съ 6-ю дѣтьми.

Рѣшеніемъ суда онъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ. Черезъ годъ послѣ смерти С—ва исполненъ указъ Святѣйшаго Синода.

Давши подписку, что содержаніе указа ему объявлено, Владиміръ Николаевичъ удалился въ свой кабинетъ и глубоко вздохнулъ...



Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла [1]).

(ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА ДЕРЕВЕНСКАГО МАЛЬЧИКА).

На шестомъ году отецъ началъ учить меня грамотѣ.

Первая учебная книга моя называлась „Грама́тка“. Въ ней заглавныя буквы были отпечатаны киноварью, толсто, аляповато, съ большими промежутками и между буквами и между строками. Видно, въ старину не жалѣли бумаги, хотя тогда она цѣнилась во много разъ дороже, чѣмъ теперь. Хотя теперь печатають букварь изящнымъ, не разгонистымъ, а убористымъ шрифтомъ, тѣмъ не менѣе мои симпатіи все таки на сторонѣ старинной граматки и, если въ кои годы встрѣтишь ее, то въ сердцѣ затеплится какое-то особенное чувство, подобное тому, которое бываетъ при встрѣчѣ съ дорогимъ товарищемъ дѣтства, этихъ радужныхъ дней въ жизни человѣка.

Какъ я учился азъ, буки, вѣди—не помню. Память возобновляетъ мнѣ только слѣдующую картину. Въ кухнѣ—она же и столовая, и гостинная, и спальня, а зимою и помѣщеніе для маленькихъ ягнятъ,—въ кухнѣ, за столомъ сидитъ нѣсколько мальчиковъ за книгами, между ними сижу и я и, указывая красною, съ молодаго побѣга сливы, „стымбулкою“ (теперь называется указкою) на склады буквъ, читаю: тьма, мна, здо, тло, тлю, тля, тыю, ныю“ и за каждымъ словомъ поднимаю голову вверхъ—къ потолку, гдѣ за „сволокомъ“ на гвоздяхъ лежитъ колючая розга изъ дерезы, называемой также повоемъ. Колючіе

[1]) См. Кіевск. Стар. 1895 г., № 1.

шипы розги сильно страшатъ меня и, вмѣсто того чтобы заставить меня внимательнѣе читать и не отвлекаться, дѣйствуютъ на меня какъ разъ наоборотъ, заставляя меня додумываться, какъ больно было бы тому, кого ею посѣкли бы. Такое впечатлѣніе отъ розги мѣшало мнѣ сосредоточиться на урокѣ „тьмы, мны". Урокъ тяжелъ, а колючки розги страшны... Чтобы освободить себя отъ того и отъ другой, я ждалъ только, чтобы мать вошла въ комнату, и тотчасъ принялся охать и стонать отъ несуществующей головной боли. Мама (не была-бы она мать)! вполнѣ убѣдилась моими доводами и положила меня въ постель. Вошелъ отецъ.

— „А що, сынку, болыть у тебе: головка, чы животыкъ"?!

Но у меня былъ прекрасный адвокатъ—мать. На рѣчь матери отецъ только покачалъ головою и сказалъ:

— „Ну, ну, ну маты! гляды, якъ не скоро выличышъ слабого, то достанеться отъ мене и слабому, и ликарови"!

Но не легко было и лежать въ постели здоровому. Потребность порѣзвиться брала верхъ надъ страхомъ испробовать на себѣ колючки розги, сѣченіе которыми, понятно само собой, не практиковалось. Колючая розга существовала только для устрашенія; „березовую кашу"-розгу нерѣдко приходилось намъ школярамъ отвѣдывать.

Помню, рядомъ со мною сидѣлъ мой ровесникъ и тезка Мыхалко Свистюкъ; назывался онъ у насъ въ школѣ Патранчикомъ по отцу—Патрану, и теперь, будучи сельскимъ фельдшеромъ, онъ извѣстенъ подъ этимъ школьнымъ именемъ. Пришлось этого Патранчика за что-то сѣчь. Отецъ мой застлалъ полотенцемъ табуретъ и велѣлъ ему лечь.

— „Дядю, якъ тилько будете мене быты, то, ей Богу, скажу батькови, щобы не давалы Вамъ перистенького кабанчика, того, що обицялы Вамъ даты".

Но ему все таки дали три розги.

— „Чортового батька зъисте теперъ, а не кабанчика. Не дамъ. Батькови скажу, що былы".

Окончивъ у отца ученіе чтенію и письму, этотъ Патранчикъ сталъ правою рукою отца на клиросѣ, какъ чтецъ и пѣ-

вецъ, и управлялъ отцовскимъ хоромъ, когда мой отецъ, ставши діакономъ, служилъ литургію въ алтарѣ съ священникомъ. Впослѣдствіи, отбывъ военную службу и возвратившись домой, онъ раньше встрѣчи съ своею матерью зашелъ къ моему отцу и упалъ ему въ ноги.

— „Благодарю Васъ, дядю, за науку! Теперь я старшый военный фельдшеръ и кусокъ хлиба назавжды маю“.

И съ той поры и до смерти моего отца онъ всегда помогалъ отцу и замѣнялъ его на клиросѣ и, какъ фельдшеръ, всегда безмездно и усердно лечилъ отца, а передъ смертью послѣдняго дни и ночи просидѣлъ у постели умирающаго своего учителя и закрылъ ему глаза.

Кромѣ воспоминанія о *тмъ, мнъ*, память отказывается припомнить, какъ я училъ: Ангелъ, Архангелъ съ титлами, оксія, варія, звательцо... и утреннія молитвы; но живо помню, что когда я училъ вечернія молитвы, пришелъ нашъ батюшка, отецъ Григорій Мотылевичъ, и засталъ меня за книгою.

— „А ну, прочитай мени, Мыша“!

Я боялся батюшки, но, читая „Слава въ вышнихъ Богу“, я самъ сознавалъ, что читаю хорошо.

— „Гарно, гарно читаешь. Богъ тебе благословыть! Учись, Миша, будешь людьми“!

И далъ онъ мнѣ серебряный двугривенный. Въ ту пору это были большія деньги. Понятное дѣло, что такой гостинецъ и теплое слово батюшки и до сихъ поръ живы въ моей памяти.

Послѣ такого поощренія я съ увлеченіемъ оканчивалъ граматку. И особенно радостное чувство наполняло мою душу, когда я училъ: „День прешедъ, благодарю тя Господи“: это потому, что вслѣдъ за этою молитвою слѣдовали заповѣди и конецъ граматкѣ. Я безъ отдыха, заткнувъ уши пальцами и громко выкрикивая каждое слово молитвы, читалъ, чтобы скорѣе окончить граматку и принесть своимъ коллегамъ „кашу зъ макомъ“.

Обрядъ школьнаго праздника—принесенія „каши зъ макомъ“ граматныкомъ (часловныки и псалтырныки не приносили кашу) и до сихъ поръ (мнѣ 44 года) живъ до мельчайшихъ подробностей въ моей памяти. Доброе чувство удовольствія, радости и

подъема школярскаго духа и до сихъ поръ не выдохлось въ моемъ сердцѣ.

Утромъ, въ день „каши зъ макомъ" меня принарядили въ чистое бѣлье, сказали надѣть сапоги, которые я надѣвалъ только тогда, когда въ церковь шелъ или когда ѣздилъ съ отцемъ въ гости къ его сосѣдямъ дьячкамъ, затѣмъ обильно намазали мнѣ волосы „смальцемъ", топленнымъ саломъ, такъ что и лобъ лоснился, потомъ велѣли мнѣ стать на молитву и читать молитвы по граматкѣ, вслухъ, да иначе мы дѣти никогда не молились, а только громко, на распѣвъ. И я въ то утро усердно, восторженно молился, хотя и не понималъ смысла молитвъ; послѣ молитвы, по заведенному обычаю, далъ „чоломъ" „татови" и мами, т. е. поцѣловалъ ихъ руки. Когда же послѣ обѣда (а мы обѣдали въ 7 или въ 8 часовъ утра) посходились школяры, я сѣлъ съ ними за учебный (онъ же и обѣденный) столъ, перекрестился, поцѣловалъ иконку въ часословѣ и, произнося вслѣдъ за отцомъ: „Господы благословы", началъ читать первый псаломъ съ неослабѣвавшимъ увлеченіемъ и столько разъ, что къ полудню задолбилъ „какъ сорока наизусть". Но чѣмъ долѣе читалъ, тѣмъ больше нетерпѣніе одолѣвало меня: когда бы скорѣе полудень былъ—кашу бы ѣли! Наконецъ объявляетъ отецъ:

— „Закрывайте, диты, кныжки, читайте Отче нашъ и полуднайте"!

Глаза всѣхъ школярей уже давнымъ давно и очень часто поглядывали на заслонку, скрывающую отъ нашихъ взоровъ въ варистой печи „кашу зъ макомъ". Но вотъ заслонка снята, мать достаетъ изъ печи громаднѣйшій горшокъ съ кашею. Всѣ школяры повынимали изъ-за пазухи, а кто изъ-за голенища свои деревянныя ложки, и тѣ изъ нихъ, у которыхъ живое воображеніе и развитое обоняніе и вкусъ, начали шевелить губами, смакуя напередъ вкусную кашу. По командѣ отца всѣ школяры съ крикомъ радости усѣлись среди хаты на земляномъ полу въ кружокъ, держа на поготовѣ ложки въ рукахъ.

— „Ну, дитки, каша горяча, не хапайтесь, стережиться, бо опечетесь; вона крута и сыпка, глядить, не набирайте повну ложку, бо розсыплете кашу, а который зъ васъ даръ Божій не

пошануе, розсыпле, той попробуе ще й березовои каши отъ граматыка,—сказалъ отецъ.

— А ты, Мыша, гляды! Который розсыпле кашу зъ ложки, того хворосты ризкою, щобъ не розсыпавъ Божого дару".

Дѣти мигомъ бросились къ горшку, неистово копали ложками крутую, разсыпчатую, пшенную съ макомъ кашу и запихали себѣ ею полные рты, давились, кашляли, поперхнувшись сухою кашею, другъ друга толкали локтями по рукѣ съ ложкою, такъ что каша уже у самаго рта вываливались съ ложки и разсыпалась на полъ. Я же, быстро оббѣгая кружокъ кашеѣдовъ, билъ розгою по спинѣ того изъ нихъ, кто разсыпалъ кашу. А тѣ, морщась и смѣясь и защищая лѣвой рукою спину, правою рукою проворно уплетали кашу и успѣвали выбить ложку изъ рукъ сосѣда. Хохотъ неудержимый, общій, радость и веселье заразительные, подмывающіе на смѣхъ и стариковъ, зрителей каши.

Каша съѣдена. Но мнѣ и попробовать не дали этой каши. Таковъ законъ каши. Затѣмъ поставили тотъ порожній горшокъ среди хаты на полу, завязали мнѣ глаза платкомъ крѣпко накрѣпко, дали въ руки макогонъ, обкрутили меня на мѣстѣ три раза и сказали мнѣ попадать макогономъ въ горшокъ. Я постоялъ, сообразилъ, въ которомъ мѣстѣ стоитъ горшокъ, размахнулся и ударилъ объ печку. Всѣ дружно, неудержимо расхохотались. Мнѣ и самому стало смѣшно. Я поправился и хватилъ макогономъ прямо о землю—полъ. Хохотъ еще сильнѣе. Досада начала уже разбирать меня. Я еще крѣпче размахнулся,—хвать!—попалъ по скамьѣ. Товарищи завыли отъ хохота, затопали ногами. У меня же отъ досады слезы готовы были ринуться изъ глазъ. Озлившись на ускользавшій отъ макогона горшокъ, я, наконецъ, въ сильномъ гнѣвѣ случайно такъ хватилъ по горшку, что послѣдній въ дребезги разлетѣлся. Взрывъ хохота, дикій, неудержимый крикъ, стукъ, топанье ногами—восторгъ неописанный, всеобщій. Я моментально сорвалъ повязку съ глазъ, которые блестѣли слезами и сіяли необычайнымъ восторгомъ, схватилъ розгу и сталъ „погонять" товарищей на водопой къ рѣчкѣ, отстававшихъ догонялъ и подгонялъ розгой.

Но вотъ, добѣжавъ до рѣчки, товарищи поворотили оглобли назадъ и погнались за мною. Я во мгновеніе ока забросилъ розгу черезъ ровъ въ чужой огородъ, и давай Богъ ноги. Но нашлись охотники, которые съ быстротою зайца перепрыгнули ровъ, и одинъ изъ нихъ схватилъ розгу, догналъ и стегалъ меня тою же розгою, пока я не вбѣжалъ въ комнату.

И долго еще до самаго вечера личики школярей сіяли улыбкою удовольствія и веселья. А мнѣ и во снѣ снилась каша. И вотъ уже 36 лѣтъ минуло съ той поры, а память живо и тепло рисуетъ мнѣ картину этого школьнаго праздника.

Въ описываемое время, въ 50-хъ годахъ, открытіе школъ и учительствованіе въ нихъ не было обязательно для духовенства. Только въ началѣ 60-хъ годовъ митрополитъ кіевскій Арсеній настоятельно потребовалъ отъ каждаго священника своей епархіи—подъ угрозою лишенія прихода, открыть въ приходѣ школу. Отецъ же мой еще съ 1847 года содержалъ школу въ своей квартирѣ не обязательно, а изъ-за куска хлѣба, по частной просьбѣ прихожанъ, додумавшихся до желанія сдѣлать своихъ дѣтей чтецами и пѣвцами на клиросѣ. Желаній же, чтобы дѣти научились быть писарями въ волости или же „адукатами", быть панами, а не мужиками—таковыхъ желаній у крестьянъ того времени не могло еще быть, потому что ни крестьянскаго самоуправленія съ писарями, ни гласныхъ судовъ съ адвокатами еще и въ поминѣ не было. Для крѣпостныхъ крестьянъ судъ и правда чинились экономами и комиссарами, управлявшими помѣщичьими имѣніями, на мѣстѣ въ каждомъ селѣ; другія сословія судились въ канцеляріяхъ уѣздныхъ судовъ и палатъ, гдѣ съ уничтоженіемъ Литовскаго Статута уничтожилась и публичность и гласность суда и гдѣ царствовала непроницаемая канцелярская тайна съ безграничною подкупностію судей.

Школа конца 60-хъ годовъ, да и въ послѣднее время, нерѣдко отрывала отъ почвы крестьянскихъ дѣтей, выбивала ихъ изъ колеи честнаго традиціоннаго труда хлибороба и дѣлала ихъ паразитами, выжимающими послѣдніе соки изъ тѣхъ же крестьянъ, на средство которыхъ они воспитались, но отъ которыхъ

теперь они открещивались, отплевывались, ставши панами писарями или господами урядниками и уже ни за что не желая быть хлиборобомъ или же ремесленникомъ, а лелѣя въ душѣ мечту стать настоящимъ паномъ посессоромъ имѣнія, что и удавалось нѣкоторымъ изъ нихъ, если только они не распивались.

Содержа домашнюю школу, отецъ мой соглашался научить школяровъ только читать, писать, немного считать и пѣть въ церкви, да больше онъ и самъ ничего не умѣлъ, если не считать еще того, что онъ умѣлъ говорить и писать по польски. Плату онъ получалъ отъ книжки, и то различную. Кто платилъ за изученіе молиться по „Граматкѣ" мѣрку проса, кто за ту же книгу давалъ поросенка, или ягненка, кто деньгами платилъ полъ рубля, а иной зато огородъ вспашетъ. Почти тоже платили за обученіе Часослову и Псалтыри. Письмо и пѣніе не входило въ статьи договора,—оно само собою разумѣлось; и отецъ никогда не бралъ плату за обученіе этимъ предметамъ.

Ранѣе декабря школа не открывалась. Только въ день св. пророка Наума, а то и послѣ „зимняго Мыколы", когда уже снѣгъ заляжетъ на полѣ и прекращается время подножнаго корма для скота и время пастушеской жизни деревенскихъ мальчиковъ, когда для послѣднихъ, какъ для малолѣтокъ, и дома нѣтъ никакой работы, — только тогда и сходились школяры въ школу.

По изстари установившемуся обычаю родители съ хлѣбомъ, „дробкомъ" соли и бутылкой водки приводили въ школу новичковъ, одѣтыхъ не *по буденному*, а убранныхъ въ новый набѣленный мѣломъ снаружи кожушокъ, въ отцовскую шапку и въ материны сапоги. Сапожники въ ту пору не умѣли шить дѣтской обуви, не имѣя спроса на нее; да и теперь деревенскіе сапожники шьютъ сапоги безъ мѣрки, а „на око". Тогда чаще всего на всю семью была одна, много если двѣ и не болѣе трехъ паръ сапогъ, обыкновенно же дѣти босые бѣгали зимою по улицамъ. Приводя сына въ школу „до науки", иной изъ родителей приносилъ еще и свою розгу на него. Выпивши могаричъ и прощаясь съ моимъ отцомъ, отецъ новичка, указывая на своего сына, обыкновенно приговаривалъ:

— „Та добре жъ быйте, папе реенцій, мого сучого сына ризкою, щобъ байдыкивъ не бывъ, гавъ не ловывъ, на двори не грався, а щобъ учывся и читавъ у церкви“.

И начиналось обученіе грамотѣ обычнымъ въ тѣ времена заучиваньемъ названій буквъ славянскаго алфавита. Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро и. т. д. вслѣдъ за учителемъ, произносящимъ и указывающимъ пальцемъ каждую букву, указывалъ на неё своею „стымбулкою“ и произносилъ названія и ученикъ въ слухъ, громко. Старшіе школяры еще болѣе громко читали по Часослову и по Псалтыри, и этотъ крикъ и гамъ далеко разносился по улицѣ. Ничего подобнаго этому крикливому чтенію въ нынѣшнихъ школахъ уже нѣтъ; только въ текущемъ году, проѣзжая въ Сквирѣ мимо еврейскаго хедера—училища, я былъ какъ-то странно изумленъ невообразимымъ крикомъ учениковъ, по командѣ вторившихъ каждое слово меламеда по нѣсколько разъ, точь въ точь, какъ я съ своими коллегами произносилъ вслѣдъ за отцомъ: буки и рцы азъ ра—бра, вѣди и рцы азъ ра—вра. Безсмысленно насъ учили. Воистину корень ученія горекъ былъ намъ. И все таки, не смотря на неосмысленный способъ обученія чтенію, мы въ теченіе зимы, считая отъ 1-го декабря до Пасхи, выучивали букварь съ утренними и вечерними молитвами и съ заповѣдями, хотя, нужно сказать, что не всякій, выучившій свой букварь, могъ читать по букварю другаго изданія однѣ и тѣже молитвы. Только по изученіи Часослова и Псалтыря школяръ могъ прочесть по всякой славянской книгѣ. Мнѣ же, по изученіи складовъ и словъ подъ титлами разнаго вида, легко удалось выучиться читать, такъ что я даже поразилъ пріятно отца, когда въ одинъ воскресный вечеръ раскрылъ библію съ очень мелкимъ шрифтомъ и прочелъ полъ-главы, не подозрѣвая, что меня слушаетъ отецъ съ матерью, сидя на заваленкѣ подъ тѣмъ окномъ, у котораго я читалъ. Переставъ читать, я услышалъ разговоръ отца съ матерью о моемъ чтеніи и о радостныхъ ихъ надеждахъ на меня. Это еще болѣе окрылило меня и дало мнѣ вѣру въ самого себя. Вѣдь это рѣдкій, славный подвигъ: не успѣлъ еще граматки выучить, а я уже могу даже самую библію читать! какой я умница! мысленно говорилъ я тогда самъ себѣ. На цѣ-

ломъ свѣтѣ нѣтъ книги труднѣе и больше библіи, а я вотъ и по ней могу читать. Я даже чуть не возмнилъ, что мнѣ уже больше нечему учиться, что я уже все знаю, но отецъ въ пору подмѣтилъ во мнѣ такое настроеніе и смирилъ дѣтскую гордыню моего духа, показавъ мнѣ греческія и латинскія книги, которыя нарочно для того и принесъ отъ отца Григорія. На другую зиму, выучивъ изъ Часослова только утреню, я уже читалъ въ церкви и утреннее шестопсалміе, и даже то, чего не училъ еще: часы и вечерню, по очереди съ тѣми школярами, которые уже окончили Часословъ и учили Псалтирь. И хотя я свободно могъ читать всякую славянскую книгу, тѣмъ не менѣе училъ въ теченіе второй зимы и Часословъ, и Псалтиръ чуть-ли не всю на память.

Отецъ мой заставлялъ меня читать Часословъ и Псалтирь не только въ церкви, но и въ домахъ прихожанъ надъ покойниками. Но чтеніе Псалтири надъ умершими было мнѣ далеко не по сердцу, и по многимъ причинамъ. Хотя меня, какъ маленькаго мальчика и какъ сына уважаемаго и любимаго прихожанами дьячка, и ласкали теплымъ словомъ родные умершихъ и гладили по головкѣ шерсткою рукою и баловали меня изысканною пищею—яичницею, пампушками съ чеснокомъ, варениками, сметаною, яблоками, грушами и всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ, тѣмъ не менѣе я неохотно соглашался идти читать Псалтирь надъ покойниками. Одно уже то отбивало охоту: какъ мнѣ просидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ вблизи „мерця" цѣлый день, когда въ окно такъ заманчиво глядитъ Божій день и такъ страстно хочется побѣгать съ тѣми мальчиками, что па свободѣ за воротами бѣгаютъ въ перегонку по улицѣ. Другое то, что тяжело, непріятно, невыносимо дышать воздухомъ, испорченнымъ разлагающимся трупомъ, когда тамъ, за окномъ, подъ вишнями, такъ чудно благоухаютъ цвѣты василька, мяты, настурцивъ, повнякивъ, чорнобрывцивъ, моихъ любимцевъ и до сего дня, любыстка и др. А главное неудобство—душно; душно до того, что пòтомъ обливаешься, рубца сухого нѣтъ—весь, какъ въ водѣ; вѣдь въ этой же, единственной въ домѣ комнатѣ, гдѣ покойникъ, т. е. въ кухнѣ цѣлый день пекутъ хлѣбы, пампушки, блины,

куры, варятъ борщъ, горохъ, вареники, лапшу и кашу на похоронный обѣдъ. Жарко въ комнатѣ до того, что и я, какъ разваренный, сижу и млѣю; а оставить чтеніе и пойти на рѣчку покупаться ни подъ какимъ видомъ нельзя. Что тогда подумаютъ обо мнѣ и скажутъ эти добрые, такъ ласкавшіе меня люди?! Кромѣ того, вѣдь за чтеніе Псалтири отцу дадутъ цѣлый злотый, такъ нужно отработать. И читаешь, читаешь полчаса, часъ, монотонно, безъ смысла, съ ужасною тоскою, обезсилѣвъ отъ духоты и жара. А тутъ еще мухи надоѣдаютъ: отгонишь рукой мухъ разъ, другой и забудешь, на какой строчкѣ остановился, и читаешь уже безъ всякаго смысла; тутъ уже не до запятыхъ, не до точекъ, въ особенности, когда старуха бабка пучкомъ васильковъ отгоняетъ мухъ съ лица мертвеца и они всѣ роемъ устремятся на меня и назойливо пробираются и въ глаза, и въ носъ и тѣмъ же самимъ хоботкомъ, какимъ сосали трупный ядъ мертвеца, сосутъ и мои нервы до крайняго нетерпѣнія, до слезъ. Бросилъ бы все и опрометью со всѣхъ ногъ убѣжалъ изъ этой хаты, но... нельзя. Меня только что такъ сладко накормили и такъ нѣжно ласкали; да и отецъ, еслибы я убѣжалъ домой, не по головкѣ бы меня погладилъ... и съ тоскою безвыходности и чуть ли не черезъ плачъ опять продолжаешь читать Псалтирь, съ единственнымъ желаніемъ поскорѣе дочитаться до картины Чермнаго моря съ Мойсеемъ и колесницами Фараоновыми, которая помѣщалась въ концѣ Псалтири, послѣ послѣдняго 150-го псалма. Но пока до моря дочитаешься, много разъ толкнешься носомъ о псалтирь, и тогда только воспрянешь отъ дремоты и съ новымъ напряженіемъ читаешь съ тѣмъ, что черезъ минутъ 15—20 опять толкнешься носомъ то объ горы Ермонскія и Ѳаворскія, то объ кедры Ливанскіе. Наконецъ, и совѣстно становится передъ людьми, что дремлю, и не въ моготу стаетъ долѣе мучить себя, и вотъ, посмотрѣвъ вокругъ себя и видя, что никто не смотритъ на меня, перебрасываю сразу нѣсколько листковъ и читаю далѣе; и такъ частенько сокращаю Псалтирь, благо никто не видитъ и всѣ неграмотные. Но разъ. на одномъ похоронѣ случилось и такъ, что хотя и никто не видѣлъ, что я перебрасываю сразу нѣсколько листовъ, за то

80-лѣтній старикъ—дѣдъ Левко Колосюкъ, лежавшій на печи, привелъ меня въ такое душевное состояніе, что я радъ былъ бы лучше сквозь землю провалиться, нежели услышать отъ него слѣдующее:

— Хлопче, хлоооопче! Не бреши! Пяте черезъ десяте не читай, по пять лыстливъ не перекидай, вернысь мени назадъ, бо буду быты; читай: „Вонми ми и услыши мя, возскорбѣхъ печалію моею и смятехся отъ гласа вражія и отъ стуженія грѣшнича, яко уклониша на мя беззаконіе и во гнѣвѣ враждоваху ми".—Ото быты, ото быты, щобъ ажъ пирья сыпалось! Чого жъ тоби заципыло? Читай дальше, та гляды, не брешы, бо заверну тебе до пероши каѳизмы".

Уничтоженный старикомъ, въ крайнемъ смущеніи, я продолжалъ читать уже совсѣмъ упавшимъ голосомъ медленно: „сердце мое смятеся во мнѣ и боязнь смерти нападе на мя: страхъ и трепетъ пріиде на мя и покры мя тма. И рѣхъ: кто дастъ ми крылѣ, яко голубинѣ, и полещу и почію. Се удалихся, бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури". Не скоро послѣ этого случая я согласился читать Псалтирь надъ покойниками, и то только въ тѣхъ домахъ, гдѣ я зналъ, что дѣда Левка не будетъ.

Грамматниковъ отецъ не училъ писать, а писали только „Часловники" и „Псалтырники". Ученіе письму въ ту пору было дѣломъ далеко не легкимъ. Бумагу мы видѣли только въ тѣхъ книгахъ, которые учили, да церковныхъ богослужебныхъ. Бумагу въ тѣ времена не легко было и въ мѣстечкахъ найти, и то въ небольшомъ количествѣ „аркушовъ", т. е. листовъ. Чернилъ, называвшихся также атраментомъ, также негдѣ было купить. А потому отецъ мой, по передававшемуся устно изъ рода въ родъ рецепту, дѣлалъ самъ прекрасное чернило изъ купороса, галяса и изъ дубовыхъ не желудей, а орѣшковъ,—кругленькихъ шариковъ, образовавшихся на дубовыхъ листьяхъ отъ кладки яицъ насѣкомыми. Чернило выходило прочное и очень черное. Отецъ славился своимъ черниломъ и поставлялъ таковое благочинному.

Вмѣсто бумаги, которая была не по нашему карману, отецъ дѣлалъ березовыя черныя таблицы, выдавливалъ на нихъ постоянныя графы, затѣмъ закуривалъ ихъ дымомъ березовой смолистой коры до полнаго, чернаго, лоснящагося цвѣта, сверлилъ дырочку въ верху доски, заволокалъ въ нее шнурочекъ для вѣшанья доски на стѣнѣ, и черная таблица была совершенно готова къ писанью на ней. Такихъ таблицъ было нѣсколько, по числу учащихся письму. И каждый ученикъ ревниво берегъ свою таблицу и отъ другаго ученика, и отъ царапинъ. Чернило къ такимъ таблицамъ употреблялось бѣлое изъ „крейды“, растворенной въ водѣ. Мѣлъ съ чернильницы быстро осѣдалъ на дно, и потому каждый разъ при омоканіи пера нужно было взбалтывать мѣлъ въ чернильницѣ. Прописей у насъ и въ проминѣ не было. Такая роскошь не по силамъ была такой школѣ, какую содержалъ отецъ. Онъ самъ надписывалъ на каждой таблицѣ верхнюю строчку вмѣсто прописи.

Перья въ ту пору были гусиныя; о стальныхъ перьяхъ и въ самомъ Кіевѣ не слышно было еще; даже много лѣтъ спустя, когда я уже учился въ Кіевѣ, и тогда я долженъ былъ ежегодно привозить съ села гусиныя перья. Припоминаю, что въ Кіевѣ на Подолѣ на дверяхъ каждой бакалейной лавочки висѣли пучки гусиныхъ перьевъ, а теперь такихъ вывѣсокъ на дверяхъ бакалейныхъ лавокъ уже нигдѣ ни видно.

Послѣ писанья на черныхъ доскахъ „крейдою“, отецъ училъ насъ писать и на бумагѣ черниломъ. Но, какъ я выше замѣтилъ, бумагу трудно было достать, и притомъ она очень дорога; поэтому отецъ ухитрялся, по примѣру своихъ отцовъ и праотцевъ, дѣлать такъ, что одинъ и тотъ же листъ исписывался до сотни разъ и былъ чистъ. Дѣлалось это такъ. Разлинеивъ листъ бумаги черниломъ и исписавъ его съ одной стороны, отецъ вощилъ бумагу жидко расплавленнымъ воскомъ, такъ что все написанное было ясно видно сквозь прозрачный слой воску. И на такой—прочной, хотя и легко ломающейся бумагѣ мы опять писали „крейдой“, наводя по чернымъ буквамъ, видимымъ изъ-подъ слоя воску. Исписанный крейдою, вощенный листъ бумаги легко смывался водою и опять былъ чистымъ. Такой

листъ бумаги, при самомъ бережномъ обращеніи съ нимъ, а иного обращенія не допускалось, служилъ мѣсяца два—три. За писанье намъ нерѣдко доставались и „пали“—удары линейкою по ладони лѣвой, неипшущей руки.

Не лишнимъ считаю упомянуть и о томъ, что мы—школяри, въ видахъ скорѣйшаго обученія чтенію по складамъ,—и говорили по складамъ между собою. Такъ напр., мнѣ нужно спросить товарища: „чи можно на леду сковзаться?“ И я говорилъ ему этотъ вопросъ такъ: „*Черъ еры чи, мыслѣте онъ—мо, живѣте намъ онъ—но, нашъ азъ—на, люди есть—ле, добро укъ—ду, слово како онъ—ко, вѣди земля азъ—за, твердо ерь—ть, слово я—ся*“?. Такой способъ рѣчи видимо нравился шклярамъ, и они охотно болтали этою тарабарщиной и дома, желая блеснуть своею диковинною ученостью, а то и выругать домашнихъ на своемъ непонятномъ языкѣ.

Неграмотные домашніе, не желая остаться въ долгу передъ грамотѣями и издѣваясь надъ тарабарщиною послѣднихъ, коверкали ихъ рѣчь такими фразами,—какъ напр..

— Ракомъ комъ мурмулю! Що я жинко говорю? Чыръ еры—чи! подай жинко постолы и онучи! Приведенныя фразы циркулируютъ не въ одномъ селѣ Ярешкахъ, но и во многихъ селахъ и тѣмъ указываютъ на общность ихъ происхожденія.

Рядомъ съ обученіемъ чтенію и письму днемъ, отецъ велъ обученіе пѣнію послѣ ужина, вечеромъ, до поздней ночи. Церковное пѣніе отецъ любилъ до слезъ и всѣмъ почти своимъ питомцамъ передалъ свое страстное отношеніе къ церковному пѣнію. Давненько уже отецъ мой умеръ, а его старые „пѣвчуки“, теперь уже имѣющіе и внуковъ, вопреки обычаю, дозволяющему „колядовать на Риздво“ только „парубкамъ“, и теперь ежегодно въ день Рождества Христова собираются хоромъ и ходятъ по домамъ прихожанъ пѣть на четыре голоса колядки, каковыхъ теперь нигдѣ не услышите, развѣ только прочтете въ Богогласникѣ Уніатскомъ-Почаевскомъ. И при пѣніи колядокъ, какъ передавалъ мнѣ въ нынѣшнемъ году одинъ изъ тѣхъ пѣвцовъ—фельдшеръ Свистюкъ, и поющіе, и слушающіе и прослезятся отъ религіозной отрады и умиленія и теплымъ словомъ поминаютъ своего незабвеннаго старца учителя небожчика діакона.

Зимою школяри оканчивали свои занятія и расходились по домамъ ежедневно часа въ три по полудни, потому что въ школѣ (она же и квартира отца, его семьи и молодыхъ домашнихъ животныхъ) послѣ трехъ часовъ становилось темно и читать нельзя было. Свѣтъ снаружи проникалъ въ комнату двумя окнами. Одно изъ нихъ, что у стола—называлось большимъ, имѣя шесть вершковъ высоты, и состояло изъ четырехъ стеколъ въ рамѣ, другое же, противъ варистой печи, круглое,—было вдвое меньше перваго—вершка три въ діаметрѣ безъ рамы, а сдѣлано изъ одного куска стекла, вмазаннаго въ оконную дыру въ стѣнѣ. Само собою понятно, что при такомъ освѣщеніи извнѣ послѣ двухъ часовъ по полудни начинало темнѣть въ комнатѣ и читать можно было въ ней только съ трудомъ, и то только молодымъ дѣтскимъ глазамъ, а потому въ три часа, когда уже немыслимо разобрать что либо въ книгѣ, одни изъ школярей расходились по домамъ, другіе же голосистые оставались у насъ „вечерять“ и пѣть.

Въ ожиданіи ужина и пѣнія пѣвчіе помогали отцу въ его хозяйствѣ. Одинъ поведетъ лошадь къ водопою, захвативши съ собою топоръ, чтобы прорубить на льду полынью для водопоя; другой занесетъ околоченные ржаные снопы на „коморѣ“ для овецъ; тотъ загонитъ свиней въ хлѣвъ, иной сходитъ въ погребъ—набрать картофель для ужина, а кто, схвативъ деревянныя ведра (жестяныхъ тогда не было), принесетъ воды для моей матери. Когда совсѣмъ стемнѣетъ на дворѣ, мы всѣ соберемся въ хатѣ. Мать давно уже затопила варистую печь, занимавшую четверть комнаты—школы, и готовитъ „вечеру“—ужинъ. Я, или который-нибудь изъ школярей топитъ въ малой печкѣ, или такъ называемой грубкѣ; послѣднее названіе вполнѣ соотвѣтствовало формѣ печки, отверстіе которой закрывалось не дверцой жестяной, а замазывалась каждый разъ по окончаніи топки полотномъ, омоченнымъ въ жидкую глину; остальные школяры занимались фабрикаціею березовыхъ свѣчей—лучины. **М. Щ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріалы для біографіи графа П. А. Румянцова-Задунайскаго.

Не смотря на то, что черезъ годъ будетъ сто лѣтъ со времени смерти Румянцова-Задунайскаго († 1796 г.), мы до сихъ поръ не имѣемъ хотя сколько-нибудь обстоятельной его біографіи. Нѣсколько обслѣдована военная дѣятельность Румянцова, особенно въ турецкихъ войнахъ (работы Саковича, „Историческій обзоръ дѣятельности гр. Румянцова-Задунайскаго съ 1775 по 1780 годъ“ и позднѣйшая—Д. Масловскаго, „Ларго-кагульская операція гр. П. А. Румянцова“), но объ управленіи имъ Малороссіей, послѣ упраздненія гетманства, свѣдѣній очень мало собрано. Будущій біографъ Задунайскаго встрѣтитъ немало препятствій къ обстоятельному изслѣдованію его жизни по той главной причинѣ, что домашній архивъ Румянцовыхъ, кажется, погибъ. Послѣдніе годы жизни Р.-З. провелъ въ своемъ переяславскомъ имѣніи, м. Ташанѣ, гдѣ и умеръ. Тамъ, повидимому, хранились и бумаги его. Мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что когда одинъ изъ позднѣйшихъ наслѣдниковъ Р.-З. кн. Н. П. Голицынъ (сынъ Варвары Сергѣевны Кагульской) продавалъ въ шестидесятыхъ годахъ м. Ташань кн. Горчакову, то вывозилъ оттуда книги и бумаги своего знаменитаго прадѣда. Далъ онъ и намъ тогда связку бумагъ, собственноручно исписанныхъ Р.-З., но что заключается въ этихъ бумагахъ, мы и до настоящаго времени не добились: почеркъ Р.-З. до такой степени нераз-

борчивъ, что *буквально нельзя прочесть двухъ словъ сряду* [1]). Н. П. Голицынъ умеръ, и наслѣдство его перешло къ его брату кн. С. П. Голицыну (бывшему черниговскому губернатору, умершему въ 1888 г.); послѣдняго мы разспрашивали о бумагахъ Р.-З., но, по его словамъ, никакихъ важныхъ бумагъ онъ не нашелъ. Впрочемъ все, что осталось послѣ кн. Н. П. Голицына, должно храниться въ подмосковномъ имѣніи его племянника, кн. С. Н. Голицына, называемомъ Кагулъ. Зная нѣсколько Р.-З., какъ военачальника и отчасти какъ гражданскаго устроителя Малороссіи, мы почти вовсе не знаемъ его, какъ частнаго человѣка, какъ владѣльца 30000 душъ крестьянъ. А между тѣмъ характеръ у этого человѣка былъ сложный, какъ то обыкновенно видимъ у людей богато одаренныхъ отъ Бога.—Недавно мы разсматривали бумаги Ал. М. Марковича (р. 1790 † 1865) [2]), и въ числѣ ихъ нашли немало литературныхъ его работъ, которыми онъ занимался, какъ оказывается, съ ранней молодости. Большинство этихъ работъ такъ и осталось въ рукописяхъ, повидимому вслѣдствіе чрезвычайной скромности ихъ автора. Изъ работъ этихъ видно, что А. М. М—чъ былъ человѣкъ и умный, и образованный. Изъ числа очень юныхъ его работъ сохранилось „похвальное слово графу Румянцову-Задунайскому“, написанное по шаблону тогдашнихъ подобныхъ „словъ“, какъ видно изъ его начала („Граждане! вы конечно не преставали удивляться тому, что въ теченіи двадцати лѣтъ не явился ни одинъ ораторъ для повѣствованія о дѣлахъ Румянцова“ и т. д.). Въ заголовкѣ этого слова авторъ сдѣлалъ такую приписку: „начато сочиненіемъ 1811 года, переписано четыре раза до генваря 6-го 1813. Сіе же переписано въ пятый разъ 1820 г., генваря 7 дня.“ Начавъ сочинять „слово“ въ двадцать лѣтъ отъ роду, юный авторъ потомъ еще десять лѣтъ возился съ нимъ, обративъ, какъ видно, на эту свою работу особое вниманіе. Но затѣмъ, въ январѣ 1821 г., М—чъ дѣлаетъ на этой своей работѣ такую надпись: „Разсмотрѣвъ безпристрастно дѣла и свойства Румянцова, я удосто-

---

[1]) Часть этихъ бумагъ мы передали въ архивъ Кіевской Археографической Коммиссіи.

[2]) См. о немъ Кіевск. Старина 1884 г., № 1.

вѣрился, что Румянцовъ былъ искусный и великій полководецъ, но не великій человѣкъ, что онъ былъ завистливъ, гордъ, высокомѣренъ, любострастенъ, льстецъ, скупъ и корыстолюбивъ—слѣдовательно, плѣнникъ страстей самихъ низкихъ, слѣдовательно малый душею. Одинъ же великій человѣкъ заслуживаетъ похвальнаго слова. Не нужно мнѣ доказывать сихъ обвиненій, потому что я не говорю передъ публикою; для меня же одного довольно сердечнаго удостовѣренія. Надпись же сія сдѣлана для того, чтобы тотъ, кто по случаю, по смерти моей, найдетъ сію рукопись, не думалъ, что я навсегда остался въ заблужденіи или рабски хвалилъ человѣка, не заслужившаго того. 1821 г., генваря 13. С. Сварковъ. Александръ Марковичъ." Къ этому нужно добавить, что А. М. М—чъ былъ человѣкъ исключительный по своимъ высоконравственнымъ идеаламъ; у этого человѣка слова съ дѣлами, повидимому, не расходились; былъ онъ исполненъ любви къ человѣчеству и эту любовь прежде всего онъ проявлялъ къ своимъ крестьянамъ, что между прочимъ видно и изъ того, что онъ предлагалъ правительству освободить своихъ крестьянъ еще въ сороковыхъ годахъ. Говоримъ все это для того, чтобы показать, что сдѣланная М—чемъ характеристика Румянцова сдѣлана не слегка, а послѣ того, какъ онъ *удостовѣрился*, что это былъ человѣкъ „малый душею." А удостовѣриться въ особенностяхъ личнаго характера Р.-З. Марковичъ имѣлъ достаточную возможность, потому что родился и росъ почти что въ Глуховѣ (с. Сварковъ, имѣніе М—ча, находится въ семи верстахъ отъ этого города), а слѣдовательно среди людей, которые лично знали знаменитаго правителя Малороссіи, при чемъ знали его, и какъ правителя, и какъ частнаго человѣка, тутъ же около Глухова ведшаго собственное большое хозяйство, (Кочеровка, Литвиновичи и друг.). Такимъ образомъ въ приведенной характеристикѣ Р.-З. мы должны видѣть свидѣтельство, сдѣланное на основаніи показаній хорошо знавшихъ его современниковъ, и поэтому отзывъ Марковича о Р—вѣ можетъ имѣть значеніе свидѣтельства болѣе или менѣе достовѣрнаго. Но разумѣется—познается человѣкъ отъ дѣлъ его, нужны и факты....

Марковичъ обвиняетъ Румянцова въ скупости и корыстолюбіи. Обвиненіе это можетъ быть и справедливо, судя по той необыденной для русскаго помѣщика прошлаго вѣка регламентаціи экономическаго управленія, слѣды котораго сохранились въ напечатанномъ когда то (Черниг. Губ. Вѣд. 1853 г., №№ 7, 8 и 9) „Учрежденіи домовомъ", написанномъ для „генеральнаго управленія домовъ и вотчинъ" Р—ва. Это очень любопытный вообще документъ для исторіи помѣщичьяго домоводства, а по отношенію къ Р—ву онъ представляетъ несомнѣнное доказательство выходившей изъ общаго уровня заботливости о томъ, чтобъ все было цѣло, чтобъ ничего пропасть не могло....—Въ одномъ изъ первыхъ пунктовъ „Учрежденія домового" читаемъ: — „Въ разсужденіи моего частаго и отдаленнаго отсутствія (изъ вотчинъ) за верхъ всему я поставляю: пристойный во всякомъ моемъ дѣлѣ порядокъ *и вѣрный всему щотъ*, и для того, чтобъ всякой (изъ служащихъ) и по всѣмъ дѣламъ, по востребованію моему, мнѣ могъ обстоятельное и доказательное оправданіе принесть....". Въ другомъ пунктѣ значится: „При отправленіи прикащиковъ въ вотчины, дать отъ домовой конторы инвентаріумы, за подписаніемъ и скрѣпою, всему въ тѣхъ (вотчинахъ) моему домовому строенію до послѣдняго хлѣва и въ тѣхъ всякому подвижному (?) и посудѣ, числу скота—въ лѣты, шерстми и примѣты, птицъ же по сортамъ, числомъ, о немолотенномъ всякаго званія хлѣбѣ—по скирдамъ и въ тихъ числомъ копенъ—впредь для вѣдома и потомъ взысканія."—„Изъ моихъ доходовъ ни единой копѣйки и зерна, кромѣ того, что дѣйствительно отъ меня для выдачи людямъ по окладамъ и на прочіе расходы опредѣлено, безъ моего точнаго расположенія не употреблять.... [1])".

Изъ этихъ отрывковъ видно, что, какъ хозяинъ, Р. считалъ всякую копѣйку, не смотря на громадное свое богатство....

---

[1]) „Учрежденіе домовое" печатаніемъ почему то не кончено, а то, что напечатано — наполнено множествомъ ошибокъ, явившихся, какъ видно, отъ невѣрно прочитаннаго оригинала. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ „домовое учрежденіе" или, какъ его звали малорусскія экономіи Р—ва, „артикулы", были составлены въ 1776 г. Рукопись „Учрежденія" хранится въ бумагахъ Судьенка.

Имѣются у насъ и другія свѣдѣнія, что отзывъ Марковича о скупости Р—ва, повидимому, вѣренъ. Какъ бы то ни было, но матеріаловъ для ближайшаго знакомства съ личностью этого замѣчательнаго военачальника и администратора такъ мало, что о собраніи этихъ матеріаловъ давно пора позаботиться. Имѣя въ виду значеніе Р—ва въ исторіи управленія Малороссіи, мы начинаемъ здѣсь печатаніемъ разнаго рода свѣдѣнія о его жизни, какъ частной, такъ и общественной.

А. Л.

1. Отрывочныя свѣдѣнія изъ жизни графа П. А. Румянцова по разсказу Арк. Ал. Ригельмана[1]).

Вы желали имѣть на бумагѣ тѣ расказы, которые я вамъ передавалъ со всею точностію. Они касаются не столько общихъ дѣлъ и происшествій въ Россіи, сколько лицъ, бывшихъ въ то время на первомъ планѣ государственнаго служенія, слѣдственно имѣютъ нѣкоторую связь съ отечественною исторіею; а потому не чужды интереса, какъ и вы думаете.

Есть люди, подобные тѣмъ листамъ лѣтописи, которые будучи оторваны теряются невозвратно; а вмѣстѣ съ ними невозвратно погибаютъ и драгоцѣнные историческіе матеріалы. Такіе люди, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ, или по недовѣрчивости къ перу своему, проходя долговременное поприще служебной жизни, не оставляютъ намъ никакихъ свѣдѣній на бумагѣ о тѣхъ великихъ людяхъ и событіяхъ отечественныхъ, которыхъ они были свидѣтелями, или участвовали по своимъ обязанностямъ. Это въ особенности можно замѣтить у насъ въ Россіи, гдѣ писать и печатать почитается правомъ, принадлежащимъ привелигированному классу литераторовъ. Страхъ быть осужденнымъ и освистаннымъ, не смотря на цѣль, нашими журналами, часто останавливаетъ перо тѣхъ, которые не могутъ

[1]) Сына А. И. Ригельмана, написавшаго „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи“, изд. въ 1847 г. Бодянскимъ.

Настоящій отрывокъ и слѣдующіе два (Гоголева и Лѣсницкаго) взяты изъ бумагъ М. О. Судьенка.

передать исторіи свои свѣдѣнія въ надлежащемъ видѣ. Къ числу такихъ людей принадлежатъ:

1) Дворянинъ черниговской губерніи Даніилъ Емельяновичъ Ясновскій, начавшій свое служеніе у фельдмаршала графа Румянцова съ перваго офицерскаго чина, находившійся при немъ неотлучно въ званіи весьма довѣреннаго адъютанта, управляющаго военною канцеляріею, и за всѣмъ тѣмъ достигшій только маіорскаго ранга и ордена 4-й степени св. Владиміра, въ продолженіи 30-ти лѣтней безпорочной службы[1]). Такъ былъ скупъ къ наградамъ его начальникъ, повторявшій часто, особенно во время Потемкина, когда награды болѣе зависѣли отъ случая и протекціи, нежели отъ заслугъ; онъ говорилъ: „что въ Россіи вашъ адъютантъ обгонитъ васъ незамѣтнымъ образомъ и сдѣлается вашимъ начальникомъ; между тѣмъ какъ въ прусской службѣ...“ и тутъ шло уже длинное разсужденіе о пользѣ медленнаго производства и бережливости въ наградахъ. Но этотъ достойнѣйшій, обиженный по теперешнему нашему понятію, адъютантъ фельдмаршала никогда о томъ не упоминалъ самъ, не жаловался и сохранилъ къ нему глубокое уваженіе, даже и послѣ его кончины. Будучи въ отставкѣ, онъ много разъ и много лѣтъ былъ избираемъ въ разныя губернскія почетныя должности, а потомъ былъ директоромъ Нѣжинскаго Безбородковскаго лицея. Будучи воспитанъ по обычаю прежняго времени въ духовной академіи, зналъ латинскій языкъ и умѣлъ хорошо писать по русски.

Во время служенія его въ черниговской губерніи по выборамъ, я былъ съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ; видѣлъ общее къ нему уваженіе, зналъ высокое достоинство его правилъ, скромный характеръ, чуждый всякаго притязанія на искательство. Привожу все это для того, чтобы поселить въ васъ вѣру къ его расказамъ, которые по своей ясности, точности и быстротѣ всегда увлекали слушателей.

2) Другой источникъ свѣдѣній о гражданскомъ служеніи и домашней жизни фельдмаршала Румянцова былъ статскій со-

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Ясновскимъ († 1840 г.) см. въ книгѣ Гербеля—Лицей князя Безбородко (изд. второе, Спб. 1881), стр. 206—209. *Прим. А. Л.*

вѣтникъ Чепа, служившій въ его канцеляріи по гражданской части. Человѣкъ начитанный, достигшій посредствомъ упражненія искусства писать превосходно, и даже опередившій въ томъ свое время. Человѣкъ тяжелый, вялый, отъ котораго трудно было добыть что-нибудь для свѣдѣнія. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ полтавской губерніи и былъ не единожды призываемъ малороссійскими генералъ-губернаторами въ правители канцеляріи, но безъ успѣха.

3) Третій источникъ расказовъ, которые я вамъ передаю, былъ отставной полковникъ П. Г. Корицкій, служившій старшимъ адъютантомъ у Суворова, бывшій свидѣтелемъ его отставки и удаленія въ деревню, а потому скоро (въ 1797 году) раздѣлившій участь многихъ своихъ сослуживцевъ въ кіевской крѣпости. Этотъ человѣкъ принадлежалъ исключительно фельдмаршалу Суворову, въ послѣднее время до Италіанскаго похода.

Я могъ бы еще присоединить здѣсь моего отца и зятя вицъ-адмирала Пустошкина, изъ коихъ первый, находясь по службѣ въ крѣпости Св. Дмитрія на Дону, имъ построенной, имѣлъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянную связь съ Суворовымъ, котораго супруга оставалась тамъ во время отлучекъ его для обозрѣнія своего корпуса, расположеннаго на Кубани. Тамъ родился, въ семидесятыхъ годахъ, и сынъ его Аркадій, въ одно время со мною, получившій то же имя отъ того же греческаго архимандрита, какъ и я.

Зять мой Пустошкинъ, служа въ Черноморскомъ флотѣ и будучи еще въ чинѣ капитана 1-го ранга, имѣлъ приказаніе отъ князя Потемкина каждый вечеръ являться къ нему. Это было въ Яссахъ, гдѣ великолѣпный князь Потемкинъ, лежа на диванѣ, думалъ о постройкѣ гребной флотиліи на Дунаѣ. На эти вечера постоянно былъ призванъ вицъ-адмиралъ Ушаковъ, тотъ счастливецъ, которому повиновались вѣтры, какъ тогда говорили; потому что при началѣ сраженія вѣтеръ перемѣнялся всегда въ его пользу,—который въ понедѣльникъ ничего не предпринималъ важнаго: старый, опытный, храбрый морякъ. Третій, переименованный изъ пѣхотныхъ генералъ-маіоровъ въ контръ-ад-

миралы, Дерибасъ, о которомъ говорилъ Суворовъ, что Кутузова и Дерибасъ не обманетъ. Цѣль этихъ вечернихъ бесѣдъ была та же, чтобы заставить ихъ разсуждать о морской службѣ и сооруженіи флота. Разсужденія сіи оканчивались часто жаркимъ споромъ, къ чему былъ всегда готовъ Ушаковъ, по своему пылкому характеру.

Вотъ источники тѣхъ расказовъ, которые я обѣщалъ передать Вамъ. Жалѣю, что могучее время взяло свое и многое уничтожило въ моей памяти; но все то, что сохранилось, можетъ еще занять мѣсто въ жизнеописаніи тѣхъ лицъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Здѣсь нѣтъ послѣдовательности; но смѣю думать, что все сказанное не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію; тутъ истина преобладаетъ надъ всѣмъ.

Многіе писатели утверждаютъ, что никакая черта характера, никакая строка, или слово, великаго человѣка не должны быть потеряны для исторіи, и что самая домашняя жизнь его принадлежитъ ей. Одинъ только извѣстный писатель де Ламбертъ въ запискахъ своихъ о Христинѣ, королевѣ шведской, говоритъ, что исторіи принадлежатъ дѣла великихъ людей только публичныя, офиціальныя; но домашнія происшествія и образъ ихъ жизни не подлежитъ общей извѣстности, и что о великихъ людяхъ должно судить по ихъ публичнымъ дѣламъ, а не по домашнимъ, въ которыхъ они не обязаны давать никому отчета. Кажется, де Ламбертъ былъ въ той степени снисходителенъ къ королевѣ, что и казнь ея оберъ-шталмейстера, въ чужомъ столичномъ городѣ совершенную безъ суда и права, считалъ домашнимъ дѣломъ; хотя самъ былъ въ сообществѣ съ другимъ великимъ поборникомъ народныхъ правъ.

Какъ бы то ни было, но я остаюсь на сторонѣ первыхъ, дозволяющихъ мнѣ сообщить вамъ все, что знаю отъ другихъ о великихъ людяхъ Россіи, находя и собственное удовольствіе передать вамъ черты характера домашней и служебной жизни ихъ; надѣюсь, что въ свое время, можетъ быть, онѣ найдутъ себѣ мѣсто въ отечественной исторіи, или въ исторіи сихъ самыхъ лицъ, весьма уже оскудѣвшихъ матеріалами.

Нѣчто о характерѣ фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго и о домашней его жизни.

Нельзя не пожалѣть, что жизнь и дѣянія на поприщѣ военномъ и гражданскомъ толь великаго человѣка, не внесены въ исторію. Я имѣлъ случай часто повторять Дан. Емельян. Ясновскому, что эта обязанность лежитъ на немъ, чего онъ не отрицалъ и говорилъ, что у него заготовлено было много бумагъ по этому предмету; но время и обстоятельства обезсилили его, а пожаръ въ деревянномъ домѣ окончательно отнялъ къ тому средства.

И такъ мой разсказъ долженъ быть ограниченъ изображеніемъ характера графа Румянцова, нѣкоторыми дѣлами по должности намѣстника Малороссіи и домашней его жизни, которую онъ исключительно проводилъ въ послѣднее время въ своихъ малороссійскихъ деревняхъ, построивши тамъ дома, окруженные садами, въ чемъ имѣлъ вкусъ. Но великолѣпнѣйшее зданіе было въ мѣстечкѣ Гомелѣ, на границѣ Бѣлоруссіи и Малороссіи, гдѣ онъ однакожъ рѣдко жилъ, пожалованное ему Екатериною, нынѣ принадлежащее фельдмаршалу князю Паскевичу.

Фельдмаршалъ Румянцовъ имѣлъ тяжкія испытанія на поприщѣ своего служенія. Великая Екатерина, понимавшая его, возвысившая и щедро наградившая всѣми возможными знаками отличій, не могла какъ будто защитить его отъ соперниковъ и завистниковъ. Первое пораженіе нанесъ ему князь Потемкинъ еще во время пребыванія государыни въ Кіевѣ, гдѣ присутствовалъ и графъ Румянцовъ, какъ генералъ-губернаторъ, и гдѣ былъ въ то же время назначенъ сенаторъ, для ревизіи кіевской губерніи. На это время фельдмаршалъ сказался больнымъ и не являлся до отъѣзда Государыни. Потомъ, какъ извѣстно, онъ долженъ былъ отказаться по болѣзни и отъ командованія молдавскою арміею. Переѣхавъ въ Молдавскую деревню, въ 7-ми верстахъ отъ Яссъ, онъ оставался тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, велъ жизнь уединенную, не выходилъ изъ своей комнаты никуда, но принималъ всѣхъ къ нему пріѣзжавшихъ, которые считали обязанностію отдавать ему тѣмъ уваженіе,

какъ бывшему начальнику, къ чему близость Яссъ, какъ главной квартиры, много способствовала и была причиною переписки съ нимъ императрицы, посредствомъ которой она настоятельно понуждала его выѣхать оттуда, утверждая, что неприлично ему быть въ такъ близкомъ разстояніи отъ главной квартиры, и что иностранныя державы выводятъ изъ того разныя заключенія, невыгодныя для дѣлъ ея. Разумѣется, это было дѣйствіе могучаго временщика Потемкина, смотрѣвшаго неравнодушно и невеликодушно на то высокое уваженіе, которое сохраняли къ старому фельдмаршалу многіе, служившіе подъ его начальствомъ. Онъ отвѣчалъ императрицѣ, прося позволенія остаться до весны, когда время позволитъ ему предпринять путешествіе за границу, для поправленія своего разстроеннаго здоровья; но что впрочемъ нигдѣ пребываніе его не можетъ быть не полезнымъ для дѣлъ Россіи.

Вынужденный отправиться въ свои малороссійскія деревни, Румянцовъ имѣлъ твердость отказаться отъ всякаго движенія, и 7 лѣтъ, считая отъ начала въ Молдавіи, не измѣнилъ своего образа жизни. Пользуясь совершеннымъ здоровьемъ, онъ не выходилъ никогда изъ комнаты, и только изъ кровати переходилъ на кресло, а изъ кресла на кровать, жалуясь на слабость ногъ. Это одно уже означаетъ власть нравственную надъ собою. Каковы бы ни были причины, но покорить имъ себя въ такой степени, надо имѣть много твердости. Эта черта великаго характера. Онъ не могъ перенести мысли о уничиженіи своемъ, пожертвовалъ всѣми удовольствіями жизни и сократилъ самую жизнь.

Извѣстно, что императрица Екатерина, послѣ варшавской революціи, приступая къ военнымъ дѣйствіямъ въ Польшѣ, узнала о разстроенномъ состояніи арміи, и милостивѣйшимъ рескриптомъ пригласила Румянцова принять на себя начальство надъ оною, по внутреннему ея составу, а для исполненія его распоряженій и военныхъ дѣйствій, назначенъ былъ Суворовъ. Въ короткое время Румянцовъ своими предписаніями успѣлъ снабдить армію всѣмъ нужнымъ и привесть въ надлежащую исправность. Суворовъ, ѣдучи изъ Петербурга, по приказанію Ека-

терины, явился къ фельдмаршалу, въ деревню Ташань, полтавской губерніи, гдѣ жилъ фельдмаршалъ тогда. По краткомъ совѣщаніи, на которомъ Суворовъ получилъ отъ него планъ Праги, сей послѣдній уѣхалъ. Чрезъ нѣсколько времени стало замѣтно у фельдмаршала нетерпѣливое чего то ожиданіе. При появленіи каждаго пріѣзжаго у подъѣзда канцеляріи, который былъ видѣнъ изъ окна кабинета, онъ посылалъ узнавать, кто и откуда?—Въ одинъ день доложили ему, что прибылъ курьеръ отъ Суворова, котораго немедленно представили. По прочтеніи короткаго донесенія Суворова о взятіи Праги, отдавая его адъютанту своему Ясновскому, онъ сказалъ: „По чести, счастье само лѣзетъ въ окно графу Александру Васильевичу“.

При вступленіи императора Павла на престолъ, генералъ маіоръ Розенбергъ, жившій безъ команды въ Крыму, немедленно поѣхалъ въ Петербургъ. На пути онъ заѣзжалъ къ Румянцову въ деревню Ташань, о чемъ при представленіи сказалъ и императору. На вопросъ каковъ въ здоровьи фельдмаршалъ? Розенбергъ отвѣчалъ, что онъ здоровъ и бодръ. Тогда Государь спросилъ его: „Какъ ты думаешь, пріѣдетъ ли фельдмаршалъ, если я его позову?“ „Непремѣнно явится“—былъ отвѣтъ. „Не думаю“, сказалъ Государь, „онъ и матери моей не слушалъ“.— Тогда было правленіе женское, теперь другое,—замѣтилъ Розенбергъ; и вслѣдствіе того милостивый рескриптъ, съ приглашеніемъ прибыть немедленно въ Петербургъ, былъ посланъ графу. Полученіе его не имѣло, казалось, никакого очевиднаго дѣйствія на Румянцова, и все въ образѣ его жизни оставалось въ прежнемъ порядкѣ. Камердинеръ поутру являлся и переводилъ его по обыкновенію изъ кровати на кресло, потомъ по призыву, давалъ сидящему умываться. Въ одинъ день, вскорѣ по полученіи упомянутаго рескрипта, графъ, сидя на креслѣ, не звалъ долго своего камердинера, который, наконецъ, самъ рѣшился войти и спросить его приказанія. Но увидѣвъ графа безгласнаго, съ открытыми глазами, неподвижно сидящаго, началъ сзывать всѣхъ. Домашній медикъ не рѣшился самъ ни на какое пособіе, а просилъ пригласить другихъ. Больной положенъ былъ въ постель, и всѣ случившіеся поблизу медики были призваны. Ему

поднесено было въ ложкѣ какое-то лекарство, но онъ, сдѣлавъ презрительную мину, стиснулъ зубы и не принялъ его; потомъ, по общему совѣту, призванъ былъ священникъ съ запасными дарами, по приближеніи котораго больной открылъ ротъ, и принялъ св. Тайны; въ ту же минуту выкатилась слеза изъ одного глаза, со стороны, не пораженной ударомъ. Пролежавъ еще нѣсколько сутокъ спокойно, безмолвно и безъ всякаго пособія (потому что никого изъ ближнихъ и людей, готовыхъ на испытаніе всѣхъ средствъ къ пособію, не было) онъ скончался. Первый по кончинѣ его явился тутъ князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ, молодой полковникъ, котораго фельдмаршалъ любилъ, какъ сына, а тотъ уважалъ его, какъ отца. Онъ похоронилъ его въ Печерской Лаврѣ, въ Кіевѣ, показавъ искреннюю печаль о кончинѣ сего великаго человѣка. Два сына покойнаго, Николай и Сергѣй, были гдѣ-то въ отсутствіи. Сыновья великихъ людей никогда не идутъ по слѣдамъ своихъ отцовъ и ихъ знаютъ только нѣкоторое время, по ихъ ничтожности, по ихъ странностямъ и распутству, не смотря на возвышеніе, доставленное имъ заслугами отца, сравненіе съ которыми уничтожаетъ ихъ совершенно.

Примѣчанія. 1) Переписку эту доставилъ мнѣ Чепа, а мною она передана издателямъ Москвитянина и напечатана въ 1849 году. Она находится въ собраніи рукописей г. Чепы, подаренныхъ мнѣ его наслѣдниками. Тамъ можно видѣть и письмо, писанное великолѣпнымъ слогомъ, будто бы фельдмаршаломъ къ императрицѣ, по случаю пожалованія ему меча, украшеннаго драгоцѣнными каменьями, на которомъ отмѣчено рукою Чепы— *небывалое;* а его современникъ Д. Е. Ясновскій утверждаетъ, что копія этого письма прислана была еще въ то время фельдмаршалу, и что онъ прочтя отдалъ ему, сказавъ: „Смотри, что дѣлаютъ люди“. Настоящее писано было самимъ Ясновскимъ въ простыхъ выраженіяхъ, съ изъявленіемъ благодарности императрицѣ (слогъ фельдмаршала былъ тяжелый, поправляя написанное въ канцеляріи его, онъ обыкновенно переставлялъ слова). Подложное же не безъ достоинствъ, слогъ высокопарный, но въ немъ много силы, гордости и истины. Думаютъ, что оно было сочинено Лесницкимъ, служившимъ предъ тѣмъ маіоромъ у

графа, въ военной канцеляріи, а потомъ поступившимъ на службу къ графу Платону Александровичу Зубову. Въ собственно-ручномъ его письмѣ къ Чепѣ, у меня имѣющемся, сказано: „Новая служба моя доставляетъ мнѣ множество выгодъ и обѣщаетъ еще болѣе въ будущемъ; но я сожалѣю о прежней: когда я служилъ у фельдмаршала, тогда меня уважали, а здѣсь меня только боятся. Этотъ величайшій человѣкъ въ Европѣ, будучи недоволенъ мною, за то, что я его оставилъ, оказалъ мнѣ, не смотря на то, всю справедливость, и по его представленію я получилъ чинъ подполковника.

Не лишнее можетъ быть будетъ объяснить, по какимъ причинамъ подполк. Лесницкій приглашенъ былъ на службу въ штатъ гр. Зубова, который его не зналъ, что почиталось тогда величайшимъ отличіемъ и чего никакими заслугами нельзя было достигнуть. Такіе случаи изображаютъ духъ времени.

Въ Петербургѣ жилъ отставной маіоръ Искра, долго и безуспѣшно ожидая окончанія дѣла своего въ сенатѣ, по поводу поданнаго прошенія на высочайшее имя о возвращеніи ему хотя части имѣнія предка его, казненнаго вмѣстѣ съ Кочубеемъ за доносъ на Мазепу. Высочайшею резолюціею на его прошеніе велѣно было сенату — „разсмотрѣть и доложить“. Въ это время Лесницкій, тоже праздно проживавшій въ Петербургѣ, познакомился съ Искрою и, узнавъ его положеніе, сказалъ, что есть одно только средство для успѣха—написать графу П. А. Зубову такое письмо, какого онъ никогда еще не получалъ, и полушутя предложилъ Искрѣ, въ случаѣ успѣха раздѣлить пополамъ полученное. Письмо это еще и теперь не потеряло своей цѣны, по успѣху и по оригинальности [1]). Сочинитель зналъ, что только чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ можно пробудить вниманіе человѣка, стоящаго на высотѣ, недосягаемой для просителя.

Письмо принято, увѣреніе о докладѣ сената государынѣ сдѣлано, и на вопросъ, кто сочинитель? Искра указалъ на Лесницкаго, который былъ позванъ къ Зубову, предложившему ему мѣсто у себя въ штатѣ, а потомъ давшему ему порученіе ѣхать въ Ригу и Митаву, продавать хлѣбъ тамошней его экономіи.

---

[1]) Письмо его напечатано въ „Кіевск. Стар.“. 1883 г., № 11, стр. 519.

Изъ письма Лесницкаго къ Чепѣ видно, что графъ былъ весьма стяжателенъ, но способами позволительными; никто не могъ упрекнуть его въ вымогательствѣ и въ пріобрѣтеніи чужой собственности, какъ дѣлали прочіе временщики.

Когда получилъ Искра 300 душъ по его просьбѣ, т. е. часть взятаго въ казну достоянія его предка, погибшаго за вѣру и вѣрность, Лесницкій напомнилъ ему условіе, но Искра отвѣчалъ: „если я получилъ посредствомъ твоего письма 300 душъ, за то ты получилъ мѣсто, которое стоитъ болѣе половины этого имѣнія".

Касательно графа П. А. Зубова, современники, знавшіе его, утверждаютъ, что это „былъ человѣкъ обширнаго ума. Извѣстно, что императоръ Александръ, во время отечественной войны имѣлъ съ нимъ условленное свиданіе на границѣ Пруссіи: одни утверждаютъ для совѣта, другіе—для займа денегъ, которыхъ у Зубова были огромнѣйшія суммы. Человѣкъ этотъ, служа офицеромъ въ конной гвардіи, никогда не сближался съ товарищами (это утверждалъ его сослуживецъ Ник. Посниковъ); стоя на высотѣ, былъ недоступенъ и держалъ себя въ приличной позиціи, соотвѣтственно своему положенію и времени. Послѣднее появленіе его на мрачной сценѣ будетъ судить исторія, а мы заключимъ этотъ эпизодъ тѣмъ, что онъ, обогатившись щедротами Екатерины и своими хозяйственными оборотами, влюбился въ старости въ одну курляндку и женившись скоро умеръ, оставивъ ее беременною.

2) Письмо о томъ, доставленное мною издателямъ Москвитянина, напечатано въ 1849 году, изъ собранія рукописей Чепы, подлинность котораго подтверждена г. Ясновскимъ, служившимъ въ то время у графа.

3) По окончаніи польской войны Суворовъ уже фельдмаршаломъ заѣзжалъ къ Румянцеву въ деревню Ташань, который встрѣтилъ его поздравленіемъ и черезъ два часа бесѣды въ кабинетѣ, отправился въ Петербургъ.

4) Не знаю какія права, или причины имѣлъ онъ на то, но изъ послѣдствій видно, что онъ ихъ имѣлъ, потому что вскорѣ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, а

потомъ посланъ къ Суворову въ итальянскую компанію, гдѣ и пріобрѣлъ мѣсто въ военной исторіи, безъ прямыхъ впрочемъ военныхъ талантовъ. Будучи военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ, занимался у себя въ залѣ ученіемъ взводнаго захожденія, вѣроятно, угождая тогдашнему времени, для чего разчерчены были мѣломъ на паркетѣ треугольники, и требовались команды изъ двухъ гренадерскихъ полковъ, тамъ расположенныхъ, малороссійскаго и кіевскаго. Я былъ очевидцемъ этихъ занятій, служа шефскимъ адъютантомъ.

2. Поясненія къ жизни графа П. А. Румянцова, собранныя Гоголевымъ.

1) О мѣсторожденіи графа Петра Александровича едвали найдется другое извѣстіе, кромѣ нижеслѣдующаго. Данило Емельяновичъ Яновскій, служившій при немъ адъютантомъ, сказывалъ, что во время проѣзда его съ фельдмаршаломъ чрезъ одно селеніе на молдавскихъ границахъ, графъ, указывая ему на домъ тамошняго священника, сказалъ, что онъ въ этомъ домѣ родился; что это случилось, тогда, когда мать его выѣзжала встрѣчать графа Александра Ивановича, бывшаго тогда посломъ въ Константинополѣ, что здѣсь, ожидая возвращенія отца его около полу-года, наконецъ имъ разрѣшилась. Названіе этого села Строенцы. Изъ описанія дороги изъ Кіева до Царяграда, помѣщенномъ въ Академическихъ Извѣстіяхъ 1781 года, значится, что это селеніе, съ церковью архистратига Михаила, находится близъ Днѣстра, между Рашковымъ и Егорлыкомъ. Время же этого событія объясняется письмомъ импер. Екатерины 1-й, писаннымъ ею къ графу А. И. въ Константинополь. Такъ какъ царствованія ея были 1725 и 1726 годы, то послѣдній годъ съ полною увѣренностію и можетъ быть принятъ временемъ рожденія графа Петра Александровича.

3) Первая служба при посольствѣ барона Бракеля; по бумагамъименованъ просто дворяниномъ Петромъ Румянцовымъ. Послѣ переведенъ былъ къ Миниху, находившемуся тогда въ Пруссіи. Изъ двухъ его донесеній, писанныхъ имъ ко двору,

оказывается, что смолоду графъ П. А. поведенія былъ не очень похвальнаго. Минихъ жаловался на него, что молодой Румянцовъ не слушается, часто буянитъ и, бѣгая въ ночное время по улицамъ Берлина, бьетъ окошки и заводитъ драки, и что онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Природныя ли то въ немъ были склонности или заимствованныя,—остается рѣшить его біографамъ.

3) Семилѣтняя прусская кампанія, безсомнѣнія была началомъ военныхъ подвиговъ графа Петра Александровича. Сказываютъ, что король Фридрихъ, глядя на движенія нашихъ корпусныхъ начальниковъ и угадывая способности каждаго изъ нихъ, сказалъ своимъ генераламъ: „остерегайтесь сколь можно этого собаки Румянцова; прочіе для насъ неопасны".—Послѣдствія доказали, что Фридрихъ въ Румянцовѣ не ошибся.

4) Графъ П. А. въ то время, какъ получилъ извѣстіе о кончинѣ императора Петра III-го, находился съ арміею во владѣніяхъ союзнаго намъ тогда прусскаго короля; но извѣстившись о томъ, онъ тотчасъ выѣхалъ въ Данцигъ, гдѣ и пробылъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ послѣдствій. Когда же по вызовамъ принужденъ былъ явиться въ Петербургъ, то по высочайшему повелѣнію былъ арестованъ за то, что безъ позволенія отлучился и армію оставилъ безъ начальника. Однакожъ на другой день, бывъ позванъ къ императрицѣ, получилъ шпагу изъ собственныхъ ея рукъ.

5) Во время путешествія великаго князя Павла Петровича заграницу, въ числѣ сопровождавшихъ его особъ находился и графъ Петръ Александровичъ. Почести, оказанныя Фридрихомъ нашему фельдмаршалу, довольно показали, какое имѣлъ онъ уваженіе къ кагульскому побѣдителю. Къ этому мы можемъ еще прибавить, что во время прогулокъ Павла Петровича со своею свитою по улицамъ Берлина, и самый народъ, сбираясь къ нимъ толпами, кричалъ: „покажите намъ Румянцова! Мы хочемъ видѣть Румянцова"! Такъ что Павелъ Петровичъ принужденъ былъ графу, сидѣвшему съ нимъ въ каретѣ, сказать: „пересядьте, Петръ Александровичъ, въ коляску; пускай они на васъ полюбуются"!—Послѣ столь блистательнаго сознанія всѣхъ

превосходныхъ его достоинствъ, слова Суворова—ему равнаго нѣтъ,—могутъ быть также справедливы, какъ и девизъ—non solum armis—не однимъ оружіемъ,—присвоенный герольдіею, данъ по заслугамъ. *(Собрано изъ достовѣрныхъ извѣстій бывшимъ письмоводителемъ при графѣ Сергѣѣ Петровичѣ Румянцовѣ Гоголевымъ.*

3. Отрывки изъ біографическаго очерка графа П. А. Румянцова Н. Лѣсницкаго.

Въ бумагахъ М. О. Судьенка находится еще біографическій очеркъ графа П. Румянцова, на которомъ значится—„начертаніе благодарной очевидности *питомца его и секретаря Н. Лѣсницкаго*". Записка Лѣсницкаго написана на девяти листахъ разгонистаго письма и раздѣлена на 12-ть главъ; въ ней больше риторики, чѣмъ фактическихъ свѣдѣній, почему здѣсь приводимъ изъ этой записки лишь нѣсколько отрывковъ, могущихъ служить нѣкоторымъ матеріаломъ для біографіи Румянцова. Начинается записка такъ: „XVIII-й вѣкъ произвелъ героя Задунайскаго, XIX-й укажетъ того, кто изъ славныхъ дѣлъ сего великаго мужа извлечетъ и во всемъ величіи изобразитъ его свойства, а я движимый благодарностію покушаюсь только по одной очевидности"...

... Съ начальствомъ соединялъ онъ уваженіе къ подчиненнымъ въ войскѣ и землѣ вообще. Въ гражданскомъ управленіи удерживалъ всемѣрно правила общежитія. Въ жизни домашней хранилъ гостепріимство. Со всѣми и всякимъ обхожденіе его одушевляла ласкавость. Но сколько утѣшался посѣщеніями, столько отягощался поклонами. Дворянство любилъ и поддерживалъ всегда,—имя дворянинъ, офицеръ—свято было въ глазахъ и устахъ его. Къ сему послѣднему званію привязанность и уваженіе до того были сильны, что онъ самъ всегда носилъ простой офицерской, большею частію пѣхотной, мундиръ, гдѣ присутствіе свое воономъ приличнымъ быть судилъ...

... Въ своей землѣ свиты при себѣ большой никогда не терпѣлъ, карауловъ—не имѣлъ. Вездѣ въ хижинѣ поселянина

жилъ покойнѣе, нежели въ каменныхъ палатахъ. Въ дорогѣ большіе домы обыкновенно объѣзжалъ мимо. Доступъ былъ къ нему всякому свободенъ, потому что онъ всякаго прежде находилъ, по крайности глазами. Окны кабинета его всегда были зеркаломъ, въ кои видѣлъ онъ всѣхъ приходящихъ;—часто бывалъ тамъ, гдѣ вовсе его не ожидали...

... Быстрѣйшій имѣлъ бѣгъ мыслей и даръ слова пространнѣйшій. Если приказывалъ писать что-либо, то конечно сказалъ три раза содержаніе объ одной матеріи и всякой разъ одно другаго превосходнѣе, а самъ писалъ и того скорѣе и отборнѣе. Зрѣніе и память имѣлъ удивительные. Въ поздыхъ лѣтахъ уже ни очковъ, ни стекла не употреблялъ. Самъ читалъ всѣ получаемыя и подносимыя дѣла, и никогда никто оныхъ предъ нимъ чтеніемъ не докладывалъ. Читалъ однимъ взглядомъ не строки, но періоды и цѣлыя страницы и вдругъ содержаніе ихъ и резолюцію сказывалъ или своею рукою надписывалъ...

... Все, что содержало обыкновенное теченіе канцеляріи, было на отвѣтѣ секретаря, и въ сихъ дѣлахъ нерѣдко формы установлялъ онъ же самъ. Весьма часто: попросите №№, чтобы приказать (лъ?) написать, и покуда тотъ пришелъ, онъ уже своею рукою написалъ. Писалъ весьма связно, охотно пояснялъ, если чего не прочелъ секретарь, но диктовать никогда не любилъ. Иногда, приказывая какъ перемѣнить содержаніе какого либо изъ подносимыхъ отпуска, тутъ же на немъ то самое и писалъ, и такъ скоро какъ говорилъ. Законы отечественные всѣ проходилъ и помнилъ ихъ совершенно, малороссійское же право читалъ всегда на польскомъ языкѣ. Обыкновенно говорилъ онъ: я мало понимаю законы, но весьма твердо знаю свой долгъ.

... Зналъ всѣ фамиліи дворянскія въ Россіи, Лифляндіи, Малой Россіи, Польшѣ и проч., всѣхъ генераловъ знатныхъ службъ и отличныхъ офицеровъ, нашей турецкихъ, знатнѣйшее купечество, превосходныхъ художниковъ и всѣхъ сихъ происхожденіе, а первыхъ связи, родства и проч.—Кто впервое въ жизни его увидѣлъ, онъ уже тому коротко знакомъ по отцѣ

или по случаю какому либо: не спрашивая, но взглянувъ только на лицо: скажите не сынъ ли, или не братъ ли вы такого то или спрося о фамиліи, разсказывалъ ему его отличности или примѣчанія достойныя произшествія или неизвѣстныя тому дѣлалъ откровенія...

... Всѣхъ важныхъ духовныхъ и ученыхъ имѣлъ въ отличномъ почтеніи, и даже среднихъ въ семъ званіи, тоже сосѣдей своихъ и дѣтей ихъ, простой народъ и крестьянъ своихъ многихъ зналъ по именамъ, при случаѣ спрашивалъ, расказывалъ или разговаривалъ съ ними и объ нихъ...

... Пріятелями располагалъ къ себѣ всѣхъ и каждаго, а друзей избиралъ по опытамъ. Извѣстный изъ ближайшихъ его друзей былъ одинъ гр. П. В. Завадовскій. Кротость и чувствительность души гр. П. В. были драгоцѣннымъ залогомъ въ дружбѣ покойнаго. Всякой разъ, кто изъ своихъ, возвращаясь изъ Петербурга, не привезъ къ нему отъ гр. П. В. письма, былъ причиною нѣкоторой заботливости,—безпрестанно спрашивалъ, какъ это могло случиться?—Рѣчь его о графѣ Петрѣ Васильевичѣ всегда заключала что либо особенно утвердительное, наприм., „онъ въ дружбѣ никогда не перемѣнялся—точно“, или „онъ никогда не былъ причиною несогласія—точно“ и проч. Въ довѣренность ихъ взаимную никто вліянія не имѣлъ. По кончинѣ графини Маріи Андреевны Румянцовой, родительницы покойнаго фельдмаршала, гр. П. В. живѣйшее принялъ участіе, приславъ къ нему нарочнаго (изъ молодыхъ графовъ не былъ тогда ни одинъ въ С.П.Бургѣ). Получа печальное сіе извѣстіе, покойный облился слезами и въ сословіи своемъ сказалъ: „прискорбна душа моя даже дозѣла. Теперь я вижу, что у меня, ни родныхъ, ни друзей, кромѣ гр. Петра Васильевича, нѣтъ.

... Связи были для него нѣчто неизвѣстное. Пышности ненавидѣлъ, шуму и жизни городской удалялся. Углубленіе въ задумчивость неприступно къ нему было, нигдѣ не одолѣвался скукою. Рѣчь прекращалъ только тогда, когда наединѣ занимался чтеніемъ. Въ образѣ жизни весьма умѣренъ. Вкусъ въ одѣяніи входилъ въ совершенство того, которой имѣлъ онъ во

всемъ и вообще. Чистоту и бережливость одобрялъ. Ссужалъ многихъ и долговъ не имѣлъ, никому не подражалъ и ни отъ кого не заимствовалъ, во всемъ имѣлъ свои правила. Никогда не божился, что утверждалъ, говорилъ: *точно и было такъ*, или же: *какъ честной человѣкъ* и—*аминь*.

Матеріалы для исторіи дворянскаго землевладѣнія въ Полтавской губерніи.

(ИЗЪ ЯГОТИНСКАГО АРХИВА КНЯЗЯ Н. В. РЕПНИНА).

Въ январской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1894 годъ были помѣщены нами краткія біографическія свѣдѣнія объ интересной личности перваго полтавскаго губернскаго маршала Семена Михайловича Кочубея. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность пополнить эти свѣдѣнія сообщеніемъ весьма любопытной дѣловой переписки между нимъ, княземъ Н. Г. Репнинымъ и М. В. Могилянскимъ, выясняющей его матеріальное положеніе и представляющей собою въ высшей степени драматическую страницу изъ исторіи дворянскаго оскудѣнія.

I.

Письмо М. В. Могилянскаго къ князю Н. Г. Репнину.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! Стеченіе несчастныхъ для меня обстоятельствъ, лишающихъ между прочимъ всего почти состоянія и повергающихъ въ горестное съ семействомъ положеніе, заставляетъ меня прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству со слѣдующею всепокорнѣйшею просьбой.

Вашему Сіятельству, конечно, небезъизвѣстно настоящее положеніе дѣлъ Семена Михайловича Кочубея, который между прочимъ долженъ по крѣпостнымъ заемнымъ письмамъ 50 т. рублей и женѣ моей, довѣрившей мнѣ взысканіе сихъ денегъ. Г. Кочубей, раззорившись, какъ извѣстно, въ конецъ, вошедши въ неоплатные долги и

нѣсколько лѣтъ уже не платя никому процентовъ не только по обязательствамъ безъ залога, но и по закладнымъ, а особливо, данной надворному совѣтнику Варвацію, котораго капиталъ обезпеченъ, на основаніи Банкротскаго Устава, послѣднимъ остающимся у него имѣніемъ Демидовкою и Жуками, и на который не плачены проценты около восьми лѣтъ уже, получаетъ между тѣмъ съ означеннаго имѣнія всѣ доходы и проживаетъ ихъ спокойно, нимало не заботясь болѣе ни о долгахъ своихъ, ни о платежѣ процентовъ, ни о самихъ кредиторахъ, которыхъ и знать, наконецъ, не хочетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Кочубей ничего столько не желаетъ, какъ продолжить подобное дѣлъ своихъ положеніе, находя въ томъ единственное средство къ безбѣдному себя содержанію, ибо ежели то имѣніе будетъ продано съ публичнаго торга, какъ по законамъ слѣдуетъ, то у него ничего не останется, да и что очистится изъ вырученныхъ отъ продажи денегъ, за уплатою по закладной, должно обратиться на удовлетвореніе кредиторовъ по обязательствамъ безъ залога.

Изъ прилагаемой при семъ записки, гдѣ изложено въ подробности разстроенное состояніе г. Кочубея и долги его, отъ накопленія процентовъ годъ отъ году увеличивающіеся, Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что кредиторы его по обязательствамъ безъ залога, ежели еще и далѣе терпимо будетъ отклоненіе продажи онаго имѣнія, неминуемо вовсе потеряютъ капиталы свои, и тогда я, несчастнѣйшій изъ всѣхъ ихъ, долженъ лишиться послѣдняго, такъ сказать, куска хлѣба.

Удостойте, сіятельнѣйшій князь, милостиваго вниманія своего всѣ сіи обстоятельства и благоволите по надлежащемъ, ежели угодно, въ истинѣ оныхъ удостовѣреніи, приказать кому слѣдуетъ учинить надлежащее распоряженіе о немедленномъ выполненіи остающагося безъ дѣйствія по сему случаю закона, по которому вышеозначенное, заложенное Варвацію, имѣніе давно должно быть продано съ публичнаго торгу. Сею мѣрою Ваше Сіятельство изволите оказать не мнѣ одному, но и всѣмъ кредиторамъ существенное благодѣяніе, ибо они другой надежды имѣть не могутъ получить хотя нѣкоторую часть капиталовъ своихъ, какъ отъ продажи того имѣнія, предполагая, что за уплатою по закладной останется что нибудь на удовлетвореніе и ихъ обязательствъ. Это одно также можетъ нѣкоторымъ образомъ спасти даже отъ предстоящихъ непріятностей и самаго г. Кочубея, который, предоставивъ имѣніе свое законному для уплаты долговъ распорядку, избѣгнетъ тѣмъ справедливыхъ упрековъ и преслѣдова-

вій, а кредиторы, получивъ, наконецъ, что нибудь изъ своихъ капиталовъ, принуждены будутъ безропотно подвергнуться необходимости потерять остальное и оставить его въ покоѣ.

Простите мнѣ, Ваше Сіятельство, изъясненія сіи. Я осмѣлился безпокоить ими въ надеждѣ на благоволеніе Вашего Сіятельства къ участію во мнѣ Михайла Михайловича Сперанскаго, нѣкогда лично имъ Вашему Сіятельству по дѣлу моему съ Оболонскимъ изъявленному. Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ честь имѣю пребыть, милостивый государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга М. Могилянскій. 13 декабря 1831 г. Г. Кіевъ.

II.

Записка о разстроенномъ состояніи и неоплатныхъ долгахъ помѣщика Полтавской губерніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена Михайловича Кочубея. 13 декабря 1831 г.

Кредиторы означеннаго помѣщика, замѣтивъ давно замѣшательство въ его дѣлахъ и непреодолимыя затрудненія въ платежѣ не только занятыхъ имъ капиталовъ, но даже и процентовъ на оные, которыхъ многіе нѣсколько уже лѣтъ не получаютъ, принужденными нашлись узнать обстоятельно о положеніи его дѣлъ, что до количества долговъ особливо касается и до способовъ, какіе онъ имѣетъ къ уплатѣ ихъ. Вслѣдствіе чего, по собраннымъ, гдѣ нужно было, свѣдѣніямъ, ни малѣйшему сомнѣнію въ истинѣ неподверженнымъ, открылось:

1) Что изъ всего, во владѣніи его съ лишкомъ въ семи тысячахъ душахъ состоявшаго имѣнія съ наипрекраснѣйшими угодіями и съ преизобильнымъ количествомъ земли по двумъ наслѣдствамъ, то есть отъ отца и тетки къ нему дошедшаго, осталось теперь у него полтавскаго повѣта въ селѣ Жукахъ и Демидовкѣ съ небольшимъ тысяча душъ, да переяславскаго повѣта въ селѣ Рудяковѣ около 370 душъ;

2) Что остающіяся еще у него во владѣніи имѣнія находятся давно уже въ залогѣ: Жуки и Демидовка у умершаго надворнаго совѣтника Варвація слишкомъ въ 450 т. рубляхъ, включая тутъ и накопившіеся за нѣсколько лѣтъ проценты, да у отставного чиновника 4 го класса Семенюты въ первомъ изъ упомянутыхъ селъ 123 души въ 40 т. рубляхъ; переяславскаго повѣта село Рудяковъ, въ которомъ

около 370 душъ, у тамошняго помѣщика Каневскаго въ 150 т. рубляхъ, а съ процентами нѣсколько лѣтъ неплаченными около 200 т. рублей—и сіи послѣднія двѣ закладныя писаны на упадъ. Слѣдовательно все, остающееся еще во владѣніи г. Кочубея имѣніе въ числѣ 1400 душъ, или около того, находится въ залогѣ въ 690 т. рубляхъ, то есть, каждая душа безъ малаго въ 500 рубляхъ.

По первой изъ вышеозначенныхъ закладныхъ, писанной на основаніи Банкротскаго Устава, заложенное имѣніе, по невыкупу онаго, давно подлежитъ продажѣ съ публичнаго торгу, тѣмъ болѣе, что г. Кочубей около восьми лѣтъ уже не платитъ вовсе и процентовъ на занятую 300 т.—сумму. Но опекунъ надъ имѣніемъ Варвація, нѣкто Бозо, житель Таганрогскій, бывъ убѣжденъ съ одной стороны просьбами г. Кочубея, и съ другой—родственнымъ участіемъ въ немъ графа Виктора Павловича Кочубея, изъявленнымъ лично ему Бозо въ бытность его въ Петербургѣ, какъ онъ самъ разсказывалъ, не требуетъ до сего времени уплаты по закладной, къ каковому столь предосудительному, и по одному уже накопленію процентовъ, для пользъ другихъ кредиторовъ вредному снисхожденію предстоитъ ему вся удобность потому, что капиталъ сей принадлежитъ не наслѣдникамъ Варвація, частнымъ людямъ, а предназначенъ отъ него на училища, отчего и остается доселѣ безгласнымъ почти и невзысканнымъ;

3) Что сверхъ вышеозначенныхъ подъ залогъ имѣнія долговъ г. Кочубей, сколько доселѣ достовѣрно извѣстно, состоитъ еще должнымъ по крѣпостнымъ закладнымъ письмамъ: статскому совѣтнику Ш—ву 175 т. р., статской совѣтницѣ М—ской 50 т. р., на взысканіе коихъ дана отъ нея довѣренность мужу своему, помѣщикамъ—харьковской губерніи полковнику К—ому 100 т. р., полтавской — маіору С—му—40 т. р., полковнику М—ку—30 т. р, капитану З—му—10 т. р. и полтавскому купцу З—му 50 т. Всего-же 455 т. р., одной капитальной суммы безъ процентовъ, которые, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ уже никому не платятся. Всѣ сіи суммы денегъ, исключая должной г. Ш—ву, получены г. Кочубеемъ наличными деньгами, Ш—ву же даны обязательства отчасти за неоказавшуюся по описи въ проданномъ ему Лучковскомъ имѣніи наличность и отчасти за неполученіе съ сего имѣнія въ первые три года десяти-процентнаго дохода съ заплаченнаго за оное капитала по какому-то словесному ихъ между собою условію.

Изъ сихъ долговъ слѣдуемый купцу Зеленскому обезпеченъ, какъ сказываютъ, впослѣдствіи времени какою-то купленною близь Жуковъ въ урочищѣ Колодезяхъ землею и пересланными на оную изъ заложенныхъ имѣній, какъ-то изъ Жуковъ и проч., крестьянами. Скоропадскій же хотя и представилъ ко взысканію свое обязательство и требовалъ по законамъ обезпеченія на должную ему сумму, но когда г. Кочубей показалъ, что другого отъ залога свободнаго имѣнія у него нѣтъ, кромѣ селитреннаго въ городѣ Переяславѣ завода, изъ старой хаты и нѣсколькихъ разсыпавшихся кадокъ, какъ извѣстно, состоящаго, то дѣло о взысканіи съ него сего долгу на томъ и остановилось;

4) Что все вышеупомянутое, остающееся во владѣніи г. Кочубея и заложенное имѣніе находится въ самомъ ничтожномъ и бѣдственномъ состояніи. Строенія господскія, экономическія и крестьянскія ветхи; господскіе сады и огороды запущены, крестьянскіе же или опустѣли, или и вовсе истреблены; во всемъ имѣніи по самому вредному и противному правиламъ благоразумнаго хозяйства распорядку нѣтъ нигдѣ ни скотоводства, ни другихъ какихъ-либо полезныхъ деревенскихъ занятій и ремеслъ, а всѣ способы отъ земли и людей обращены на однѣ лишь винокурни, единственный предметъ и вниманія и заботливости хозяина, и которыя со всѣмъ тѣмъ огромностію своею далеко не соотвѣтствуютъ ни собираемому количеству хлѣба, ни числу крестьянъ, ни всѣмъ другимъ средствамъ къ выкуркѣ предполагаемаго непомѣрнаго количества вина, отчего и произошло, что крестьяне во всемъ имѣніи г. Кочубея совершенно разорены, незная давно уже никакихъ предѣловъ ни повинностямъ своимъ, ни побужденіямъ отъ экономіи къ онымъ, что, непрестанно работая на своего господина, едва-ли имѣютъ и столько времени, чтобъ пріобрѣсти себѣ необходимое съ семействомъ прокормленіе, что они лишены всякаго самаго обыкновеннаго въ крестьянскомъ быту имущества и что изъ нихъ двадцатый развѣ хозяинъ имѣетъ достаточно скота и другихъ земледѣльческихъ принадлежностей соразмѣрно количеству земли, остающейся по большей части невоздѣланною за употребленіемъ всѣхъ рукъ на винокурняхъ въ продолженіе какихъ-нибудь девяти мѣсяцевъ въ году

и 5) Что въ таковомъ разстройствѣ дѣлъ своихъ г. Кочубей старался до сего времени всячески и личными и безчисленными письменными своими многословными объясненіями увѣрить докучливѣйшихъ изъ своихъ кредиторовъ, что онъ, будучи самыхъ строгихъ честныхъ правилъ, никакими случаями неизмѣняемыхъ, имѣетъ чи-

стѣйшія намѣренія со всѣми расплатиться, къ чему, какъ онъ увѣрялъ, огромныя его винокуренныя заведенія доставляютъ ему всѣ способы. Увѣренія сіи однако мало имѣли успѣха, ибо извѣстно стало всѣмъ, что огромныя тѣ въ переяславскомъ особенно повѣтѣ заведенія по неимѣнію ни собственной своей муки, ни денегъ на покупку оной, не приносятъ не только никакого дохода, но нѣсколько уже лѣтъ сряду находятся въ совершенномъ бездѣйствіи, и что всѣ другіе со всего имѣнія доходы вовсе недостаточны на платежъ процентовъ на должные капиталы, да и тѣ не только вполнѣ издерживаются всѣ самимъ г. Кочубеемъ извѣстнымъ ему образомъ, но что онъ сверхъ того входитъ еще въ новые долги, тщательно стараясь скрывать между тѣмъ отъ всѣхъ обстоятельства свои и тѣ неприличныя средства, къ которымъ онъ въ непріятномъ положеніи своемъ рѣшается наконецъ прибѣгнуть. Доказательствомъ сему между прочимъ можетъ служить предосудительный поступокъ его вышеупомянутымъ Куликовскимъ, которому онъ, перепродавая Лучковское имѣніе съ согласія г. Шіянова, на основаніи состоявшагося между ними при продажѣ онаго условія, успѣлъ выманить въ родѣ задатка сто тысячъ рублей, между тѣмъ какъ на перепродажу ту Шіяновъ послѣ не согласился, и Куликовскій, бывъ такимъ образомъ обманутъ, не знаетъ теперь что дѣлать. Сверхъ того изъ заложенныхъ съ вышеупомянутыхъ имѣній попереселялъ иныхъ крестьянъ своихъ на купленныя кой-какія земли и вновь позакладывалъ ихъ, а инымъ подавалъ чрезъ повѣтовые суды отпускныя, получивъ за то деньги, сколько кто въ состояніи былъ заплатить и проч. Самъ же, наконецъ, удалившись изъ своего такимъ образомъ разореннаго имѣнія, проживаетъ теперь, какъ говорятъ, въ купленномъ близь Полтавы же на имя побочной сестры своей, нѣкоей г-жи Тернавской, подтверждая настоящимъ положеніемъ своимъ ту прискорбную истину, что подобное разстройство нерѣдко влечетъ за собою измѣненіе правилъ человѣка съ хорошими иногда качествами ума и сердца и подвергаетъ его всѣмъ нещастіямъ, какія только отъ потерянія добраго имени и уваженія произойти могутъ.

Подобное изображеніе настоящаго положенія дѣлъ г. Кочубея во всѣхъ частяхъ истинное не могло не удивить и не встревожить его кредиторовъ, и особливо нижеподписавшагося, лишающагося по неполученію отъ г. Кочубея ни капитала, ни процентовъ, единственнаго своего имущества, дома въ Кіевѣ, за казенный долгъ описываемаго, и для котораго, по стеченію несчастныхъ его обстоятельствъ,

въ ономъ должномъ женѣ его капиталѣ заключается наконецъ все почти состояніе семейства его. Почему, не видя инаго средства къ спасенію хотя нѣкоторой части онаго, кромѣ надежды на продажу по Банкротскому Уставу съ публичнаго торга вышеозначеннаго имѣнія его въ полтавскомъ повѣтѣ, Варвацію заложеннаго, отъ каковой продажи могло-бы остаться еще что нибудь, по удовлетвореніи закладной, и на уплату по обязательствамъ безъ залога, онъ вмѣстѣ со всѣми другими кредиторами Кочубея покорнѣйше проситъ, приявъ законныя мѣры къ прекращенію умноженія долговъ, обременяющихъ оное въ полтавскомъ повѣтѣ имѣніе, ибо къ заложенному въ переяславскомъ на упадъ никакія другія претензіи относиться не могутъ, учинить надлежащее распоряженіе къ немедленной продажѣ того имѣнія съ публичнаго торга и тѣмъ положить преграду съ одной стороны дальнѣйшему раззоренію онаго, отъ чего весьма много можетъ оно потерять въ цѣнѣ своей, а съ другой накопленію процентовъ на капиталъ по закладной, раззорительному для другихъ кредиторовъ и продолжающемуся столько времени послабленіемъ лишь, какъ выше объяснено, самаго надъ имѣніемъ Варвація опекуна Бозо. Хотя-же теперь, какъ слышно, дѣло о семъ капиталѣ состоитъ подъ разсмотрѣніемъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ по Азіатскому Депарrâментy, по случаю имѣющаго послѣдовать якобы по требованію перевода онаго въ Грецію на тамошнія училища, сообразно съ волею завѣщателя, но обстоятельство сіе не можетъ препятствовать предписываемой законами продажѣ имѣнія, а напротивъ дѣлаетъ таковую продажу необходимою для выручки капитала, о которомъ идетъ дѣло, куда бы онъ обращенъ ни былъ. Статскій совѣтникъ Могилянскій.

III.

Письмо С. М. Кочубея къ князю Н. Г. Репнину.

Милостивый Государь, князь Николай Григорьевичъ!

На принесенную Вашему Сіятельству на меня жалобу г. статскимъ совѣтникомъ Могилянскимъ за неплатежъ мною ему моего долга къ его раззоренію и прочее, честь имѣю симъ Вашему Сіятельству доложить, что, зная съ самаго моего младенчества его, г. Могилянскаго, пользовавшимся нѣсколько лѣтъ, въ его безпріютномъ и неимущемъ положеніи, единственнымъ пристанищемъ и жизненными пособіями въ домѣ родной тетки моей, Потемкиной, въ ея деревнѣ Демидовкѣ, и доставившей ему всѣ способы свои отбыть въ

Петербургъ, для опредѣленія его вновь тамъ на службу, непреставалъ я съ того же времени питать, какъ бы наслѣдственно, всѣ чувства усердія и моей къ нему, г. Могилянскому, привязанности. По симъ чувствамъ своимъ удѣлялъ я ему въ столицѣ, во время его тамъ бѣдности, изъ собственныхъ моихъ учебныхъ денегъ, потомъ отдалъ ему также всѣ мои наличныя деньги для опредѣленія его къ фельдмаршалу графу Салтыкову, безъ чего, по словамъ его, онъ терялъ счастливый случай, который дѣйствительно основалъ его благосостояніе съ 1797 года. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ, г. Могилянскій, увольнясь отъ службы, прибылъ въ Полтаву, гдѣ я ему подарилъ домъ, гдѣ нынѣ живетъ князь Баратовъ, и за который, по выѣздѣ его въ Кіевъ съ его семействомъ, по желанію его, заплатилъ ему до 5 т. рублей, деньги тогда важныя, ибо ассигнаціонные 1 р. 25 к. равнялись цѣлковому сребрянному рублю, когда, принявъ отъ него ассигнаціями предложенныя имъ мнѣ отъ 20 т. до 25 т. р., написалъ обязательство мое сребрянными рублями изъ моего постояннаго расположенія ему истиннаго добра. За сей заемъ, посредствомъ князя В. П. Кочубея, уплатилъ я ему сребрянныхъ 25 т. р., или ассигнаціями до 100 т. рублей. Наконецъ, неупоминая о весьма многихъ случаяхъ, между коими и подарокъ важной собственности въ Стайкахъ Кіевской губерніи, за которую получилъ онъ отъ г. Фурмана 20 т. р., въ коихъ всегда я старался сдѣлать ему полезное, принялъ я переводъ 100 т. р., мною г-жѣ Пламенцовой должныхъ, и признаюсь Вашему Сіятельству, что имѣлъ я великія старанія здѣсь и въ столицѣ, склонивъ и Михайла Михайловича Сперанскаго на пособіе удержать за г. Могилянскимъ переводъ сей, казавшійся сомнительнымъ, что видно и изъ самаго рѣшенія сената, утверждающаго тогда лишь переводъ сей, ежели я уже заплатилъ по оному деньги г. Могилянскому. Во всѣхъ случаяхъ, изъ изъясненнаго моего чувства, платилъ я ему 12-й и 10-й проценты, каковой послѣдній получилъ и по изъясненному переводу, на что имѣю его руки счетъ и свидѣтелей, и по коему осталось 50 т. р. капитала, кои недоумѣваю кому долженъ я платить, по силѣ сенатскаго указа, ему-ли г. Могилянскому, или же въ сторону г-жи Пламенцовой, но, невзирая на сіе, я пріемлю всѣ рѣшительныя мѣры о составленіи сей суммы и просилъ даже я г. Шіянова объ уплатѣ оной г. Могилянскому за меня.

Докладывая все сіе на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства какъ лучшее доказательство моей невинности, съ высокопочитаніемъ имѣю

честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою, Семенъ Кочубей. Полтава, января 9-го 1832 г.

IV.

Письмо М. В. Могилянскаго къ князю Н. Г. Реппину.

Сіятельнѣйшій князь, Милостивый Государь! Имѣвъ честь получить благосклоннѣйшій Вашего Сіятельства отвѣтъ на покорнѣйшую просьбу свою, вмѣняю себѣ въ непреложную обязанность принести Вашему Сіятельству почтительнѣйшую мою благодарность, сколько бы, впрочемъ, причины неудовлетворенія самой просьбы ни были для меня прискорбны по своей противоположности тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ смѣлъ надѣяться отъ благодѣтельнаго Вашего Сіятельства посредства.

Бывъ вынужденъ безпокоить Ваше Сіятельство покорнѣйшею своею просьбою, я основывался не на соображеніяхъ приказнаго обряда и примѣненія къ дѣлу какихъ-нибудь сенатскихъ указовъ, но на точномъ разумѣ законовъ, ограждающихъ право собственности и опредѣляющихъ истинныя обязанности Высшаго Начальства, въ какомъ бы видѣ и какими бы путями ни доходили до него основательныя жалобы и проч., а потому и ожидалъ, что, по удостовѣреніи въ справедливости изложенныхъ мною обстоятельствъ, Вашему Сіятельству угодно будетъ дать подъ рукою замѣтить г. Кочубею, что дальнѣйшее продолженіе настоящаго положенія дѣлъ его, какіе бы случаи въ жизни ни были причиною подобнаго его несчастія, ни съ порядкомъ, ни съ собственною честію его несообразно, и что для отвращенія могущихъ послѣдовать непріятностей ничего другого не остается ему дѣлать, какъ согласиться предоставить заложенное Варвацію имѣніе законному для уплаты долговъ распорядку, то есть поступить безъ отлагательства по 54-му пункту второй части устава о банкротахъ, требуя продажи онаго съ публичнаго торгу и проч. по смыслу узаконенія сего, предоставляющаго равное въ томъ право и закладчику имѣнія и другимъ кредиторамъ его. Въ семъ могла бы состоять надежда послѣднихъ получить что-нибудь изъ своихъ капиталовъ и г. Кочубей, продолжая послѣ таковаго замѣчанія уклоняться отъ предстоящей для него необходимости, обнаружилъ бы тогда неблагонамѣреніе свое, заслуживающее другихъ уже мѣръ. Что всѣ кредиторы его желаютъ сей послѣдней развязки, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но не всѣ они готовы войти съ формальными по

предмету сему прошеніями, ибо изъ важнѣйшихъ по капиталу между нами, одного, можетъ быть, удерживаетъ покудова отъ сей мѣры признательность за пріобрѣтенное имѣніе, или какіе-нибудь еще новые безошибочные расчеты, а другого предложенное пустое впрочемъ поручительство какой-то доброй родственницы, до нѣкотораго времени его успокоившее. Для чего же вмѣстѣ съ ними должны и другіе кредиторы потерять капиталы свои, и особливо я, по истинѣ бѣднѣйшій изъ всѣхъ ихъ и имѣющій слѣдовательно наиболѣе причинъ опасаться продолженія подобнаго дѣлъ г. Кочубея безпорядка?

Что же касается до объясненныхъ мною предосудительныхъ г. Кочубея поступковъ и въ разсужденіи крестьянъ своихъ, которыхъ усугубляющаяся годъ-отъ-году нищета должна естественно уменьшить стоимость имѣнія,—и кредиторовъ, подвергающихся неминуемой потерѣ своихъ капиталовъ, по причинѣ непомѣрнаго накопленія долговъ отъ неплатежа процентовъ и новыхъ займовъ, то они слишкомъ извѣстны уже, чтобъ пришло кому-нибудь въ голову, для напраснаго впрочемъ удостовѣренія, марать себя средствами, и для одного уже слуха ненавистными! Ежели подобныя средства потребны еще для доказательства правости дѣла и полученія кокого-либо удовлетворенія, въ такомъ случаѣ я смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что г. Кочубей, подъ сѣнію особливо непотизма, не въ одномъ Римѣ лишь извѣстнаго благотворительнымъ своимъ вліяніемъ, спокойно можетъ продолжать настоящія дѣла свои и тѣмъ довершить несчастія мои, столь неожиданно меня постигшія. Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ честь имѣю пребыть Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга М. Могилянскій. 10 января 1832 г. Кіевъ.

V.

Письмо князя Н. Г. Репнина къ М. В. Могилянскому.

Милостивый Государь Михаилъ Васильевичъ! Ожиданіе Вашего Высокородія, что я буду убѣждать Семена Михайловича Кочубея объ успокоеніи кредиторовъ его было самое безошибочное. Зная, сколь много терпитъ онъ и чему еще можетъ подвергнуться чрезъ неразвязку долговыхъ дѣлъ, я, по полученіи перваго письма Вашего, не умедлилъ пригласить его къ себѣ и дѣлалъ совѣты и убѣжденія, желанію Вашему соотвѣтственныя, не показывая впрочемъ письма Вашего по оскорбительнымъ для него выраженіямъ. Онъ далъ мнѣ слово принять къ тому всѣ мѣры отъ него зависящія и навѣрное все испол-

нитъ, отзываясь при томъ, что изъ всѣхъ его кредиторовъ Вы первый, котораго онъ съ избыткомъ давно уже удовлетворилъ по займу, не касаясь разныхъ одолженій и пожертвованій, какія въ счастливыя времена своей жизни многократно для Васъ дѣлалъ, питая къ Вамъ усердіе и не предвидя послѣдствій.

Что же касается до продажи имѣнія Варвацію заложеннаго, я не могу скрыть отъ Васъ моего соображенія, что едвали оная принесетъ какую-либо пользу кредиторамъ безъ залога, ибо претензія Варвація дошла до 350 руб. на каждую ревизскую душу, теперь же имѣнія въ Малороссіи такъ малоцѣнны въ разсужденіи недостатка въ денежныхъ капиталахъ, что не предвидится совершенно никакой надежды, чтобы при торгахъ за сіе имѣніе дали болѣе суммы, нежели сколько слѣдуетъ наслѣдникамъ Варвація для очистки закладной, тѣмъ паче когда оное не имѣетъ тѣхъ хозяйственныхъ устройствъ и заведеній, отъ которыхъ главнѣе доходъ извлекается.

Но не взирая на сіе, ежели о продажѣ поступятъ требованія на основаніи законовъ, повторяю Вамъ, я не премину наблюсти за удовлетвореніемъ оныхъ и, отвѣтствуя симъ на вторичное письмо Ваше отъ 10-го января сего года, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, Милостивый Государь, Вашимъ покорнымъ слугою, князь Репнинъ. Полтава, 15 января 1832.

VI.

Письмо С. М. Кочубея къ князю Н. Г. Репнину.

Милостивый Государь, князь Николай Григорьевичъ!

Имѣвъ честь получить требованіе Вашего Сіятельства на счетъ долговаго моего положенія въ отношеніи къ статскому совѣтнику г. Могилянскому, долгомъ почитаю симъ доложить, что нынѣ остается у него одно мое крѣпостное обязательство на сумму 50 т. руб., коихъ всего на имя его супруги г. статскимъ совѣтникомъ Шіяновымъ было на 100 т. р. переведено и кои я на имя сего послѣдняго было написалъ, по случаю перешедшаго въ руки г. Могилянскаго моего на 97 т. руб. долга отъ г-жи Пламенцовой, каковаго всего долга, 97 т. р., онъ Могилянскій отъ меня на имя свое написанными обязательствами принять сомнѣвался, по причинѣ жалобъ г-жи Пламенцовой за неправильное полученіе г. Могилянскимъ моихъ отъ ея уполномоченнаго на оную сумму 97 т. р. векселей. Со времени полученія означенныхъ моихъ г. Могилянскимъ отъ г-жи

Пламенцевой векселей на 97 т. р., т. е. съ 1825 года, имѣлъ отъ меня г. Могилянскій значительные платежи, произведенные мною ему частію лично, а болѣе того при посредствѣ г. Шіянова черезъ переяславскаго имѣнія моего управителя Дудникова (что нынѣ кременчугкій купецъ), и наконецъ, посредствомъ полтавскаго 1-ой гильдіи купца г. Зеленскаго, дѣлавшаго съ г. Могилянскимъ послѣдній счетъ, послѣ коего остались у него на имя супруги его вышеупомянутыя обязательства мои на 50 т. руб.

За неимѣніемъ мною нынѣ при себѣ всѣхъ надлежащихъ по симъ платежамъ видовъ и справокъ, отнесся я къ означеннымъ лицамъ съ просьбою моею о скоромъ доставленіи мнѣ оныхъ, дабы я могъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства вѣрнѣйшій счетъ сего моего г. Могилянскому долга, по которому, сколько я могъ нынѣ вспомнить, и по наличнымъ у меня его счетамъ видѣть, уплачено отъ меня ему болѣе 90 т. р., сверхъ остающихся у него моихъ на 50 т. р. обязательствъ, а именно: сочтено 97 т. р. капитала по 3-е сентября 1825 года съ процентными деньгами, (коихъ въ послѣднее время, по причинамъ моихъ различныхъ съ г-жею Пламенцовою предложеній, не могъ я ей надлежаще уплатить), всего около 102 т. р., коихъ тогда же 2 т. р. г. Могилянскій отъ меня принялъ, а на 100 т. р. получалъ онъ платежи, считая оные онъ въ процентъ, изъ его собственныхъ счетовъ и записокъ видный, а потомъ и при послѣднемъ счетѣ, имъ съ г. Зеленскимъ свершенномъ отъ 3-го февраля 1827 г. по 3-е сентября 1829 года отъ 100 т. р. въ 25,833 р. сочтенный и къ сему капиталу имъ причтенный; изъ всего сего явственно, что по оный срокъ получилъ г. Могилянскій съ 1825 года 3-го сентября съ 2 т. рублями и съ процентами за годъ и 5 мѣсяцевъ по 3-е февраля 1827 года отъ 100 т. р. всего болѣе 16 т. р. Въ 1829 году счелъ онъ, дѣлая счетъ съ г. Зеленскимъ, изъ 125,833 р.—76 т. р., что составитъ до того въ полученіи имъ 92 т. р., вычтя-же онъ, г. Могилянскій, изъ 125,833 р.—76 т. р., назначилъ себѣ получить, въ счетъ оставшихся тогда за симъ 49,833 р., 5 т. р. изъ моего переяславскаго имѣнія, кои, если онъ тамъ оныя получилъ, составятъ съ прежними 92 т. р., въ полученіи имъ 97 т. р. Продолжая тогда-же счетъ г. Могилянскій съ г. Зеленскимъ, означилъ онъ сіи 5 т. р. вычтенными изъ 49,833 р., и, сочтя за годъ и пять мѣсяцевъ изъ остающихся 44833 р. капитала 6351 р. процента, составилъ 51184 р., изъ коего счета, наконецъ, вычтя 910 руб. (каковой вычетъ долженъ быть г. Зеленскому извѣстенъ), оставалось

капитала 50274 р., на который удержалъ г. Могилянскій, на имя супруги его, мои векселя на 50 т. р., а изъ переяславскаго имѣнія моего назначено по тому же счету въ концѣ онаго уплатить г. Могилянскому не ровно 5 т. р., а 5274 рубля.

Изъ сего на сей разъ краткаго, но вѣрнаго изложенія, изволите Ваше Сіятельство увидѣть, что г. Могилянскій на перешедшій ему отъ г-жи Пламенцевой долгъ мой, 97 т. р. капитала, получилъ онъ отъ меня съ 1825 г. 3-го сентября по 1831 годъ 3-е февраля, т. е. аа 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ полный капиталъ и имѣетъ у себя еще сверхъ сего на 50 т. р. моихъ обязательствъ.

Представляя все сіе нынѣ на благоуваженіе Вашего Сіятельства, смѣю надѣяться, что Вы изволите по всей справедливости заключить, можетъ-ли г. Могилянскій приносить жалобы и за себя, а и столько еще заботиться и о другихъ моихъ кредиторахъ, не имѣя отъ нихъ на то уполномочія, и кои, конечно, получаютъ возможное слѣдуемое отъ меня удовлетвореніе. Конечно, я въ прошломъ году, невзирая ни на какіе счеты, уплатилъ бы г. Могилянскому и 50 т. р. по векселямъ моимъ, но сему воспрепятствовало мнѣ общественное бѣдствіе, болѣзнь, остановившее всеобщее дѣйствіе до того, что и самыя казенныя кредитныя мѣста отсрочили потому свои требованія.

Въ заключеніе же позвольте мнѣ, Ваше Сіятельство, доложить въ огражденіе меня отъ подобныхъ г. Могилянскаго жалобъ, если бы онѣ могли быть, чего я не ожидаю безъ особенной чьей-либо напряженной несправедливости, что если бы я могъ видѣть теряющимся балансъ моихъ долговъ противу стоимости собственности моей, надѣясь я, что сіе не воспослѣдуетъ, имѣя при прошедшихъ общихъ бѣдствіяхъ, неурожаяхъ, болѣзняхъ и проч., надлежащее вниманіе, то я тогда же прежде всѣхъ непреминулъ бы просить Вашего Сіятельства, какъ начальника края сего, оцѣнить все мое имущество, обезпечить онымъ моихъ кредиторовъ и разчесть меня съ тѣми изъ нихъ, кои могли бы на меня жаловаться.

Наконецъ, позвольте мнѣ, изложивъ всѣ вещественныя обязанности мои, обратиться къ Вашему Сіятельству и съ нравственнымъ докладомъ моего душевнаго сокрушенія, что г. Могилянскій, коего я и по нынѣшнему его начатому дѣлу съ г-жею Пламенцовою поддержалъ, имѣвъ я право ему въ неправильно сдѣланномъ имъ переводѣ отказать, но неисполнивъ сего по моему къ нему съ 12-лѣтняго возраста моего усердія, коимъ смѣю сказать впослѣдствіи былъ я ему совершенно полезнымъ, устраивая его неоднократно и составивъ ему

лучшую часть его всего состоянія, свыше 100 т. р. простирающуюся, рѣшается на оскорбленія меня, въ коихъ его никто и ничто оправдать не можетъ.

Съ должнымъ моимъ высокопочитаніемъ и совершенной преданностью имѣетъ честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Семенъ Кочубей. Полтава, 18 января 1832 г.

Сообщ. **Н. С.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Молитва въ память уманской рѣзни и письмо, касающееся того-же событія. Нижеслѣдующая молитва установлена въ память печальнаго событія—страшной уманской рѣзни 1768 г., и ежегодно, въ годовщину катастрофы, 5-го Тамуза [1]), при громадномъ стеченіи народа, читается она въ уманскихъ синагогахъ заунывнымъ напѣвомъ, подобно Плачамъ Іереміи; въ этотъ день уманскіе евреи соблюдаютъ безусловный постъ. Молитва эта сохраняется въ главной уманской еврейской синагогѣ; написана она на пергаментѣ древне-еврейскимъ языкомъ и состоитъ изъ ряда риѳмованныхъ четырехстишій, при чемъ начало каждаго четырехстишія начинается одной изъ буквъ еврейскаго алфавита по порядку.

Въ этой молитвѣ описываются за сердце хватающія сцены кровавой драмы, разыгравшейся на Украинѣ въ 1768 г. Происхожденіе молитвы и ея автора нельзя съ точностью опредѣлить. Несомнѣнно, однако, то, что она была составлена во время болѣе и менѣе близкое къ моменту украинской рѣзни, такъ какъ авторъ говоритъ о послѣдней, какъ о событіи свѣжей памяти, современномъ; при чемъ упоминаются многія мѣста, гдѣ совершались злодѣйства гайдамакъ и приводятся подробныя обстоятельства, ихъ сопровождавшія. Я постараюсь дать, насколько это окажется возможнымъ, буквальный и вмѣстѣ съ тѣмъ литературный переводъ этой своеобразной молитвы, которая навсегда останется печальнымъ памятникомъ знаменитой уманской рѣзни.

«Господи всемилосердный, Сущій въ небесахъ, Внимающій воплямъ скорбящихъ! Дай безмятежный покой и прими подъ сѣнь Тво-

[1]) Дата по христіанскому лѣтосчисленію не обозначена; приблизительно начало іюня.

ей обители души праведниковъ и святыхъ, сіявшихъ подобно свѣту небесному. Это души нашихъ собратьевъ израильтянъ, людей именитыхъ, мужей благочестивыхъ; души Божьяго народа, священной уманской общины, павшихъ отъ руки проклятыхъ негодяевъ; великъ и малъ, старъ и младъ».

«Великіе среди израиля, богобоязненные и совершенные, охранявшіе законъ Твой,—ниспосланый имъ Тобою — увы!—гибель и истребленіе, горе и умерщвленіе. Они (гайдамаки) отдали трупы рабовъ Твоихъ на съѣденіе птицамъ небеснымъ, тѣла благочестивыхъ Твоихъ—полевымъ звѣрямъ».

«Слезы безпрестанно проливаютъ очи наши. Горе намъ переживать такое несчастіе. При одной вѣсти объ этомъ изнываетъ душа наша. Мы уподобляемся овцамъ, ведомымъ на закланіе. Погибаемъ, всѣ мы, погибаемъ».

«Согласіе изъявили всѣ, старцы и юноши, принять кару Божію: иные пронзены были копьями, многіе поражены ножами; кровь отцовъ и дѣтей смѣшалась. Кто услышитъ это, будетъ горько плакать и рыдать».

«Увы, вопили они съ сокрушеннымъ сердцемъ, видя, что несчастіе обрушивается. Доблестные и благородные въ синагогу сошлись, и вопль ихъ, исходившій изъ сокрушеннаго и наболѣвшаго сердца, достигъ Бога. Они увидали нечестивцевъ, вошедшихъ въ ихъ святилище съ ожесточенными сердцами».

«Отъ ужаса содрагается сердце мое, слыша, что негодяи дерзнули войти и поражать праведный народъ Твой. Тамъ, въ синагогѣ, они воздвигли предъ Тобою большой жертвенникъ: домъ, наполненный трупами, павшими отъ руки нечестивцевъ.»

«Краса израиля, вѣнцы народа и его украшенія, облеченныя въ Талисы [1]) стояли въ синагогѣ, прижавъ къ груди свитки закона Твоего. Благочестивые евреи въ страхѣ и ужасѣ (вѣроятно за будущее въ загробной жизни) предостерегаютъ собратьевъ своихъ не измѣнять насильственно вѣрѣ предковъ. Всѣ съ любовью предпочитаютъ царствіе небесное земной жизни; души же свои они поручаютъ Всевышнему ихъ Создавшему; и всѣ они ведомы были на закланіе. Горько вскричали они: «слушай израиль» и, произнося слова «Богъ единъ», всѣ пали они мертвыми».

---

[1]) Шерстяное облаченіе, которое евреи надѣваютъ во время утренней молитвы.

«Подобно хищнымъ звѣрямъ рыскали они по улицамъ города. Закалывали и подбрасывали пронзенныхъ. Кровь убитыхъ евреевъ смѣшалась съ кровью магнатовъ и вельможъ, и потекла за черту города, какъ текущія воды. По истеченіи нѣсколькихъ дней зловоніе служило препятствіемъ путь державшимъ, и начальникъ (?) велѣлъ выбросить ихъ въ поле. Они оставлены были на съѣденіе хищнымъ птицамъ и полевымъ звѣрямъ».

«Ужасный былъ тотъ день, въ который уцѣлѣвшимъ отъ меча и стекавшимся со всѣхъ сторонъ евреямъ представилось страшное зрѣлище—долина, усѣянная костями и нѣсколькими тысячами отрубленныхъ головъ. Въ большія кучи сгребли они ихъ и всѣхъ въ одну могилу похоронили: Можешь ли Ты при этомъ удержаться, о Господи»?

«Утомились глаза наши отъ ожиданія Бога: Доколѣ Ты будешь подобно сильному, немогущему избавлять? Воочію намъ отомсти за пролитую кровь рабовъ Твоихъ. О мстящій Боже, Богъ возмездій, возсіяй»!

«Зачѣмъ, о Боже, на вѣки Ты отвергъ насъ? Ты видишь беззаконія, намъ причиняемыя, а заступаться не заступаешься. Смотри на беззащитныхъ овецъ, ведомыхъ на закланіе, и отомсти за насъ. Не будь глухимъ къ нашимъ слезамъ и мольбамъ; не скрывайся отъ моленія нашего о нашемъ освобожденіи».

«Ангелы небесные горько плачутъ о нашемъ томленіи. Взгляните и увидите, есть ли страданіе, подобно моему страданію. Я содрогаюсь при одномъ воспоминаніи о томъ, что многія тысячи доблестныхъ и благородныхъ пали отъ руки негодяевъ. Доколѣ, о Господи, нечестивцамъ торжествовать»?

«Женщины праведницы, дщери драгоцѣнныя, взлелѣянныя и изнѣженныя, чрева ихъ распарывали, а плодъ выбрасывали; прекрасные юноши и дѣвушки, раздѣтые до нага, были разсѣчены и брошены; собаки таскали внутренности ихъ; юные агнцы — младенцы и взлелѣянныя дѣти на лонѣ матерей своихъ лежали пронзенныя и разсѣченныя. Да будутъ они милостиво приняты Богомъ, какъ огненная и благоухающая жертва».

«Священныя книги божественнаго закона были разорваны руками нечестивцевъ; нѣсколько сотъ расколотыхъ Тефилинъ [1]) были

[1]) Нѣчто въ родѣ филакторій, надѣваемыхъ евреями въ будни при утренней молитвой.

подбрасываемы и ногами попираемы. Взгляни, о Господи, и посмотри на позоръ, которому подвергается Твоя священная Тора, данная на Синаѣ при огненномъ пламени».

«Объ этомъ я плачу, вспоминаю о Богѣ и рыдаю; вспоминаю гибель стольких праведниковъ, чѣмъ увеличились скорбь и плачъ Іудеи».

«Потоки слезъ изольютъ глаза наши. Да будетъ эта печальная повѣсть записана на память послѣдующимъ поколѣніямъ; да будетъ горькій плачъ установленъ въ годовщину гибели согнанныхъ безсловесныхъ овецъ, невинныхъ и безгрѣшныхъ дѣтей предъ грознымъ и страшнымъ врагомъ. Ницъ пали они передъ разбойниками, умоляя ихъ подарить имъ жизнь. Негодяи ожесточили сердца свои, схватывали дѣтей и вверхъ подбрасывали; головы ихъ расшиблись и окровавленные падали они, обагряя кровью свои одежды; слѣды крови виднѣлись даже на стѣнахъ храма (синагоги, вѣроятно). Богъ, взыскивающій за невинную кровь, да вспомнитъ Онъ объ этихъ несчастныхъ жертвахъ, вспоминая о закланіи патріарха Исаака».

«Несчастья одно за другимъ насъ постигаютъ. Рука Божія карала также и другія священныя общины: Голта, Балта, Рашковичи, Тульчинъ и Павловичи,—внезапно погибли они отъ руки враговъ. Безчисленное множество и другихъ общинъ также погибло. Вскорѣ Богъ прибавилъ печаль къ печали нашей: въ городѣ Лисянкѣ и въ селѣ Медичнѣ, куда преслѣдуемые Израильтяне стеклись изъ различныхъ селъ и городовъ, напали на нихъ негодяи и умертвили мужей, женъ и дѣтей самымъ ужаснымъ и жестокимъ образомъ».

«Да будутъ святы предъ Богомъ купцы, развозившіе товаръ, и нищіе, странствовавшіе по городамъ за подаяніемъ,—внезапно подверглись они самой страшной и мучительной смерти. По всей Украйнѣ пораженныхъ мечами бросали; умерщвленные валялись въ оврагахъ и пещерахъ, а также среди дороги, хоронить ихъ не хоронили. Дѣти ихъ остались несчастными сиротами, а жены—вѣчными агунотъ [1])».

«Сжалься, о Господи, надъ остаткомъ Твоего несчастнаго народа. Вѣдь за Тебя насъ безпрестанно убиваютъ. Спасай насъ отъ руки нечестивцевъ. Да разсѣются враги Твои передъ лицемъ Твоимъ».

Стража Іерусалима (т. е. радѣющіе о благѣ израиля), вспоминающая имя Бога, да не будетъ конца вашему плачу, не переставайте

---

[1]) По еврейски подъ этимъ словомъ разумѣютъ женщину, мужъ которой пропалъ безъ вѣсти, и этимъ она лишается возможности вступать вторично въ бракъ

вспоминать о душахъ этихъ святыхъ праведниковъ. Потеря ихъ для насъ такъ чувствительна, какъ сожженіе и гибель нашей святыни (авторъ молитвы напоминаетъ, несомнѣнно, этимъ на сожженіе Титомъ Іерусалимскаго храма). Почему, милосердный Богъ, пріюти ихъ подъ сѣнью Твоихъ крыльевъ и дай имъ насладиться миромъ хотя послѣ смерти».

«Начало нападенія на Умань было въ понедѣльникъ 5-го Тамуза. Въ этотъ день истребили и умертвили расположившихся за городомъ на полѣ и стекавшихся туда изъ различныхъ селъ и деревень нѣсколько сотъ мущинъ, женщинъ и дѣтей. Къ вечеру гор. Умань былъ взятъ, и началась страшная рѣзня, продолжавшаяся цѣлыя сутки. Въ среду они (гайдамаки) тщательно отыскивали въ городѣ жертвъ. Всѣхъ погибшихъ въ тотъ день, однихъ евреевъ, было 30,000 человѣкъ (гипербола вѣроятно)[1]).

Въ числѣ источниковъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ печальной эпохѣ коліивщины и знаменитой уманской рѣзни, можетъ быть отнесено приводимое ниже въ русскомъ переводѣ письмо, извлеченное мною изъ одного еврейскаго сочиненія подъ именемъ Пардесъ, напечатаннаго въ 1769 г., т. е. черезъ годъ послѣ страшной уманской катастрофы. Въ этомъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ рядъ моральныхъ проповѣдей, находится между прочимъ масса документальныхъ данныхъ по исторіи гайдамацкихъ волненій на Украйнѣ. На первыхъ порахъ я даю переводъ одного жаргоннаго письма, принадежащаго перу очевидца движенія коліевъ.

Письмо это писано изъ города Староконстантинова Кенигсбергскому духовному раввину, рабби Арьѣ-Лейбу. Вотъ его содержаніе:

«Собратья мои израильтяне, пребывающіе въ изгнаніи! Во имя Бога и ради израиля прошу передать настоящее письмо раввину, великому свѣтилу, знаменитому ученому, рабби Лейбѣ изъ Кенигсберга, а этотъ послѣдній сдѣлаетъ всѣмъ извѣстнымъ горе, постигшее многихъ. Въ особенности онъ сообщитъ это многимъ родственникамъ, которыхъ онъ знаетъ. Это будетъ великимъ благодѣяніемъ съ вашей стороны, Богъ по заслугамъ воздастъ вамъ.

Воскресенье, 17-е Аба, 1768.

---

[1]) Этотъ послѣдній отрывокъ молитвы въ сущности ничего молитвеннаго въ себѣ не заключаетъ, а носитъ исключительно повѣствовательный характеръ. Заканчиваетъ онъ собою молитву только потому, что въ еврейскомъ текстѣ отрывокъ этотъ начинается послѣдней буквой еврейскаго алфавита, и этимъ, значитъ заканчивается алфавитъ въ молитвѣ.

Сообщаю вамъ, дорогой другъ мой, о великомъ несчастьи, постигшемъ Украйну. Вамъ, вѣроятно, это уже извѣстно, такъ какъ я самъ писалъ объ этомъ въ письмѣ моемъ, посланномъ вамъ посредствомъ дубровенскихъ (?) не-евреевъ. Но я не знаю, попало ли письмо въ ваши руки. Теперь же я посылаю вамъ настоящее письмо черезъ солдатъ его величества короля прусскаго [1]). Бунтъ измѣнниковъ, извѣстный подъ именемъ гайдамачины, начался въ селѣ Жаботинѣ, гдѣ жилъ рабби Авремелъ (Авраамъ), извѣстный вамъ. Въ томъ селѣ умерщвлено было 70 человѣкъ, въ томъ числѣ и жена упомянутаго Авраама.

Распороли животъ, а плодъ вынули живымъ.

Затѣмъ опустошительное движеніе гайдамакъ распространилось по всей Украйнѣ. Кто повѣритъ, что произошло такое необыкновенное происшествіе?!

Горе глазамъ видящимъ и ушамъ слышащимъ это!

Въ общинахъ: Тетіевѣ, Погребищѣ и др. погибли многія тысячи евреевъ. Многіе—о, грѣхи наши!—измѣнили вѣрѣ предковъ своихъ. Этихъ послѣднихъ принуждали собственными руками зарѣзать своихъ женъ и дѣтей, что служило искушеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ, что они дѣйствительно отреклись отъ своей религіи. Но принося такія жертвы, они все-таки не избѣгли своей печальной участи: ихъ тоже гайдамаки умертвили. Въ общинахъ: Балтѣ, Умани, Лисянкѣ, Смѣлѣ и др. погибло 50,000, а быть можетъ, 60,000 человѣкъ (преувеличено конечно). Безчисленное множество людей измѣнило своему закону; въ близь лежащихъ городахъ больше 2,000 человѣкъ нарушили субботу. Мы бѣжали въ субботу и нарушили всѣ почти главныя субботнія постановленія. Мы бѣжали и потеряли всякія вѣсти одинъ о другомъ. Мы лишились всего нашего состоянія. Стыдно намъ сознаться, до чего мы дошли: многіе умирали отъ голода и жажды. Нѣсколько тысячъ убитыхъ евреевъ не были даже погребены, а дѣлались добычей свиней и собакъ. Избави насъ, о, Господи! Отъ великаго горя я не могу писать вамъ. Я не знаю, какъ мнѣ прибыть къ вамъ. Словомъ, кто Бога въ сердцѣ имѣетъ, тотъ долженъ горько плакать и рыдать объ этомъ великомъ бѣдствіи... Я прошу, я умоляю своихъ друзей не оставить многихъ несчастныхъ дѣтокъ, пока я придумаю что нибудь дать (?) Такой-то.

---

[1]) О томъ, что въ Украйнѣ находились прусскіе солдаты, свидѣтельствуютъ и другіе писатели. Скальковскій. Исторія новой Сѣчи. Муравьевъ. Гайдамачина 315.

Послѣ этого [1]) ко мнѣ пришелъ одинъ очень почтенный старикъ (это было предъ праздникомъ пятидесятницы 1769 г.) и разсказалъ мнѣ, что онъ прибылъ сюда изъ Украйны и между прочимъ разсказалъ обо всемъ, случившемся тамъ. По его словамъ, въ Украйнѣ находился въ то время одинъ старикъ, благочестивый и знаменитый ученый, и какъ только онъ узналъ о страшныхъ ужасахъ, происходившихъ въ Жаботинѣ, онъ предупредилъ объ этомъ жителей Техіева. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ посланныхъ въ другія общины предостерегать ихъ объ угрожающихъ бѣдствіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ имъ, что сейчасъ послѣ рѣзни Хмельницкаго порѣшили тогда польскіе, литовскіе и турецкіе евреи и обязали всѣхъ клятвою подъ страхомъ анаѳемы не селиться больше въ Украйнѣ (слѣдуетъ на основаніи Библіи доказательство и подтвержденіе своему запрещенію). Почему, присовокупилъ тотъ старецъ, вамъ запрещается взять что нибудь съ собою изъ заклятаго имущества. Итакъ, если вы послушаетесь меня и, убѣгая, не возьмете съ собою своихъ достатковъ, вы спасетесь отъ угрожающаго вамъ несчастья; кто же пожалѣетъ своего имущества, тотъ погибнетъ.

И какъ этотъ старецъ предсказывалъ, такъ и сбылось: послушавшіеся совѣта старца уцѣлѣли, а кто захватилъ съ собою пожитки, даже самые незначительные, умерщвлены были и подверглись самой страшной и мучительной смерти: многіе были удушены; нѣкоторые сожжены, а другіе заброшены камнями. Все это передалъ человѣкъ, заслуживающій полнаго довѣрія.

И. Галантъ.

Угроза генералъ-губернатора кн. Я. И. Лобанова-Ростовскаго жителямъ м. Смѣлого (роменск. у.) за ослушаніе 1811 г. [2]).

Ордеръ господину роменскому земскому комисару.

За полученіемъ донесенія вашего о безпорядкахъ, наглости и совершеннаго ослушанія, оказанныхъ козаками мѣстечка Смѣлого, при исполненіи Вами указа губернскаго правленія, по предложенію моему состоявшагося къ предохраненію въ казенныхъ селеніяхъ казеннаго откупа взятьемъ съ общества подписокъ, дабы каждый производилъ водку по состоянію своему, какъ въ Указѣ Правитель-

---

[1]) Это добавляетъ уже отъ себя издатель Парадесъ.

[2]) Изъ Яготинскаго Архива кн. Н. В. Репнина.

ствующаго Сената 1783 года сказано, и не въ подрывъ откупа, имѣющаго контрактъ на великороссійскихъ правахъ, воспрещающихъ всякому продажу и единой капли вина въ томъ мѣстѣ, гдѣ казенный питейный домъ состоитъ, получилъ я вслѣдъ за тѣмъ и отъ того общества прошеніе, наполненное глупыми выраженіями и выносками статей, кои за состояніемъ новаго на казенные откупы законоположенія не подлежатъ быть внемлемы, что и они сами знаютъ, но вѣдать не хотятъ. Чего ради и предписываю Вамъ, являсь въ то селеніе, немедленно объявить все вышеписанное, добавя, что простить я могу недѣльную ихъ просьбу, но не въ правѣ я простить имъ ослушаніе выдачи требованной подписки, о чемъ они и сами признаются, также и пропустить всѣ дерзостныя ихъ при томъ случаѣ произношенія, ибо именемъ вышняго начальства всякое требованіе должны они прежде выполнить, а потомъ, есть ли чѣмъ отягощаются или обременяются, просить, чего они не разсудили здѣлать по разпутству своему, пьяной жизни и недостатка въ точномъ повиновеніи законной власти. Я къ осужденію ихъ беру на первый часъ слѣдующія мѣры, кои смягчить или усилить рѣшитъ меня ихъ собственное поведеніе: 1-е, имѣете Вы объявить имъ требованіе мое, дабы тотъ часъ подписки были даны, и 2-е, общество представило бы Вамъ всѣхъ тѣхъ, кои замѣчены были Вами при семъ случаѣ въ азартныхъ и грубыхъ изреченіяхъ. Неисполненіе сихъ двухъ статей разрѣшитъ меня предать огню и полому всего того общества селенія, какъ о томъ-же мѣры и взяты, дабы успѣть до площаднаго наказанія дать каждому лучше возчувствовать мѣру преступленія. О послѣдствіяхъ имѣете мнѣ чрезъ нарочнаго рапортовать. Князь Лобановъ-Ростовскій. № 9160, 24 іюня 1811 г. Полтава.

Сообщ. Н. С.

Численность податныхъ сословій въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской въ 1835 году [1]. Вслѣдствіе полнаго неурожая, постигшаго Малороссію въ 1833 году, въ слѣдующемъ году произошло большое накопленіе недоимокъ. Чтобы подвинуть всѣ сословія къ уплатѣ слѣдуемыхъ съ нихъ недоимокъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ приказалъ своей канцеляріи со-

[1]) Изъ Яготинскаго архива кн. Н. В. Репнина.

брать предварительно всѣ необходимыя по этому вопросу свѣдѣнія. Канцелярія, отзывомъ отъ 9 іюня 1834 г. за подписью правителя канцеляріи Максимовича, просила Полтавскую казенную палату немедленно доставить свѣдѣнія, сколько числится въ полтавской губерніи помѣщичьихъ крестьянъ за такими помѣщиками, у которыхъ состоитъ во владѣніи болѣе 20 душъ. Въ отвѣтъ на это палата сообщила слѣдующую интересную справку:

«На 1834 г. изчислено Казенною Палатой по полтавской губерніи ревизскихъ душъ для платежа податей: козаковъ—160,750, однодворцевъ—3, государственныхъ поселянъ—67,871, удѣльныхъ поселянъ 1,191, иностранныхъ поселенцовъ: колонистовъ—532, менонистовъ—112, евреевъ земледѣльцевъ—2, поселянъ, городамъ принадлежавшихъ—2,046, свободныхъ хлѣбопашцевъ—3, помѣщичьихъ крестьянъ во владѣніи тѣхъ помѣщиковъ, кои имѣютъ менѣе 20 душъ—24,534, во владѣніи имѣющихъ болѣе 20 душъ—238,158.

На сей же 1834 годъ, за исключеніемъ вошедшихъ въ казенный питейный откупъ, изчислено по черниговской губерніи платящихъ винокуренную пошлину по 2 р. съ души: козаковъ—149,339, свободныхъ хлѣбопашцевъ—3, мѣщанъ, живущихъ по селеніямъ 422, помѣщичьихъ крестьянъ—256,891, итого 406,655 душъ. Съ нихъ дохода пошлиннаго за винокуреніе и продажу вина 310,323 р. 22 к. Изъ годоваго пошлиннаго оклада за 1833 годъ осталось въ недоимкѣ къ 1 января 1834 г.—198,365 р. 33³/₄ к.

Сообщ. **Н. С.**

Гдѣ изготовлялись для малороссійскихъ козаковъ ружья въ полов. XVIII в. Это видно изъ слѣдующаго указа малороссійской войсковой канцеляріи: «Всеподданнѣйшее намъ доносилъ окружной канцеляріи совѣтникъ Беръ отъ 20 минувшаго ноября, что за козацкія ручницы, которыя дѣлаются для малороссійскихъ козаковъ на Тулскихъ оружейныхъ заводахъ, недослано отъ малороссійской канцеляріи досталныхъ задѣльныхъ денегъ 16,575 рублевъ, отчего въ деле оныхъ ручницъ чинится остановка, ибо мастеровымъ людемъ на дѣло ружья деньги даются всегда напередъ. Того ради чрезъ сіе малороссійской войсковой канцеляріи подтверждаемъ, чтобъ оныя недосланныя деньги въ Тулу къ помянутому совѣтнику Беру немедленно отправлены были, дабы въ деле ручницъ остановки не было и повелѣваемъ нашей малороссійской канцеляріи учинить по сему нашему

указу». Декабря 29 дня 1739 года. Указъ подписали: Андрей Остерманъ, кн. Алексѣй Черкаскій и Артемій Волынскій. (*Изъ бумагъ М. О. Судьенка*).

По поводу стихотворенія „Хома та Ярема“ Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ профес. А. И. Маркевичъ помѣстилъ стихотвореніе «Хома та Ярема», продиктованное ему давно когда-то Т. Г. Шевченкомъ. Помѣщая это стихотвореніе, почтенный профессоръ въ письмѣ въ редакцію объясняетъ, что онъ не могъ узнать—было ли это стихотвореніе напечатано и кто его авторъ. Въ виду того, что стихотвореніе это, продиктованное Т. Г. Шевченкомъ, можетъ быть поэтому ошибочно отнесено къ его произведеніямъ, хотя, какъ вполнѣ основательно замѣчаетъ авторъ письма, оно не имѣетъ ничего общаго съ музою незабвеннаго Кобзаря, считаю не безполезнымъ отвѣтить на поставленные авторомъ письма вопросы. Стихотвореніе это, благодаря легкой формѣ и юмору, довольно популярно въ Малороссіи, по крайней мѣрѣ мнѣ не разъ приходилось встрѣчать его въ рукописяхъ и слышать отъ разныхъ лицъ, но, по собраннымъ мною тщательнымъ библіографическимъ справкамъ, до появленія въ «Кіевской Старинѣ» оно дѣйствительно нигдѣ напечано не было. Авторомъ этого стихотворенія оказывается К. Д. Думитрашко, писавшій подъ псевдонимомъ К. Копытько, свѣдѣнія о которомъ сообщены мною въ замѣткѣ къ двумъ его стихотвореніямъ, относящимся къ исторіи г. Одессы и напечатаннымъ мною въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1894 годъ. Объ этомъ мнѣ приходилось слышать въ Кіевѣ, между прочимъ отъ Л. В. Ильницкаго, лично знавшаго К. Д. Думитрашка; по формѣ и содержанію, оно дѣйствительно имѣетъ много общаго съ другими извѣстными мнѣ стихотвореніями К. Думитрашка, въ которыхъ нельзя не видѣть подражанія болѣе талантливымъ его предшественникамъ И. Котляревскому и Гулаку-Артемовскому, и наконецъ стихотвореніе это находится въ числѣ другихъ въ имѣющемся у меня рукописномъ сборникѣ, о которомъ я сообщилъ въ указанной выше моей замѣткѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Копытькови вирши». Здѣсь оно помѣщено на страницахъ 41 и 42 подъ заглавіемъ «Часы», причемъ первый куплетъ записанъ нѣсколько въ иной редакціи, т. е. собственно полнѣе, чѣмъ при письмѣ А. Маркевича, а именно:

Хома зъ Яремою йдучи,
Найшовъ на улыци часы,
У рукы ихъ тыхенько взявъ
И такъ зневевья промовлявъ.

Въ остальныхъ же куплетахъ сообщенное стихотвореніе представляетъ буквальное повтореніе того, которое помѣщено въ моей рукописи, безъ малѣйшаго измѣненія до послѣдняго слова. К. Думитрашко писалъ малорусскія стихотворенія въ сороковыхъ годахъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Т. Г. Шевченко, внимательно относившійся вообще ко всему, что было писано по-малорусски, могъ знать это стихотвореніе.

г. Одесса. **М. Комаровъ.**

Труды студентовъ Кіевской духовной академіи по южнорусской исторіи за 1893—94 годъ. Изъ академическаго отчета за прошлый учебный годъ видно, что въ числѣ сочиненій, написанныхъ студентами выпускнаго курса, слѣдующія касались южнорусской исторіи и литературы:

— «Обличеніе раціоналистическихъ заблужденій въ произведеніяхъ южнорусскихъ писателей конца XVI и первой полов. XVII в.» *Николая Александрова.*

— «Іоанникій Голятовскій и его Ключъ разумѣнія». *Николая Бочковскаго.*

— «Учительное евангеліе Кирилла Транквилліона Ставровецкаго». *Іеромон. Іоны Вуколова.*

— «Значеніе Кіевскихъ митрополитовъ, какъ охранителей и защитниковъ православія въ западно-русскихъ областяхъ съ конца XVII до конца XVIII вѣка». *Флора Малеванскаго.*

— «Кіевскій женскій Вознесенскій (Флоровскій) монастырь». *Николая Малиженовскаго.*

— «Супрасльскій монастырь и его значеніе въ исторіи Западно-русской церкви». *Владиміра Недѣльскаго.*

— «Святые угодники Божіи юго-западной и сѣверо-западной Руси». *Свящ. Іакова Немоловскаго.*

— «Религіозный бытъ Запорожскаго козачества». *Павла Петрушевскаго.*

— «Кіевская академія съ полов. XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г.». *Василія Серебреникова.*

— «Слѣды флорентійской уніи въ юго-западной Руси въ законодательствѣ, жизни и литературѣ». *Іустина Юзефовича.*

Поправки къ ст. Н. Ѳ. Сумцова „Соврем. этнографія“ въ № 2.

Напеч.: «Предисловіе ко второму *изданію*». *Должно быть*: «Предисловіе ко второму *выпуску*».

Напеч. «*разработаннаго* нами сборника». *Должно быть*: «*разобраннаго* нами сборника».

Нап. «*братенская* сказка». *Должно быть*: «*бретонская* сказка».

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть 8, т. I. Матеріалы для исторіи мѣстнаго управленія въ связи съ исторіею сословной организаціи. Акты Барскаго староства XV—XVI в. (Кіевъ, 1893). Стр. II+126+372.

2) — Часть 8, т. II. Акты Барскаго староства XVII—XVIII в. (Кіевъ, 1894). Стр. 274+497 (съ картой юго-восточнаго Подолья XV—XVIII в. и указателями именъ личныхъ и географическихъ).

3) М. Грушевскій. Барское староство. Историческіе очерки. (Кіевъ, 1894). Стр. VI+400. Съ картой.

Изданные Кіевскою коммисіею акты по исторіи Барскаго староства на Подоліи собраны и обработаны г. Грушевскимъ. Предисловія его къ указаннымъ въ заголовкѣ двумъ томамъ Архива соединены въ особую книгу и лишь дополнены нѣкоторыми предварительными объясненіями автора по поводу выбора темы и способа ея обработки.

Съ своей стороны и г. главный редакторъ Архива, въ предисловіи къ т. I ч. 8, даетъ любопытныя указанія о характерѣ начатой нынѣ новой серіи изданій, посвященной актамъ юридическимъ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію г. редактора, основныя задачи коммисіи уже выполнены въ существенныхъ чертахъ, особенно по исторіи церкви, козачества и крестьянъ; намѣчены также главные моменты въ исторіи колонизаціи, городовъ, шляхетскихъ родовъ, провинціальныхъ сеймовъ, хотя многое предстоитъ еще дополнить. «Отъ вопросовъ національныхъ, политическихъ и вѣроисповѣдныхъ коммисія можетъ перейти къ той болѣе спокойной сферѣ исторіи, въ которой создаются и живутъ учрежденія государственныя и институты

частнаго права и судопроизводства». Подъ именемъ актовъ юридическихъ г. редакторъ разумѣетъ документы для исторіи управленія, преимущественно мѣстнаго и финансоваго, сословій, семейнаго права и права наслѣдства, землевладѣнія, уголовнаго права, судопроизводства, законодательства и высшихъ государственныхъ учрежденій. Конечно, и ранѣе изданные документы нерѣдко имѣютъ юридическій характеръ, «но цѣли, имѣвшіяся въ виду прежде, и точка зрѣнія, сообразная съ этими цѣлями, были иныя: тогда (въ теченіи 50 лѣтъ) коммисію интересовали не учрежденія и институты, а жизнь людей, дѣйствовавшихъ въ этихъ учрежденіяхъ и институтахъ». «Приступая къ исполненію своей новой задачи, коммисія начинаетъ нынѣ съ изданія тома по исторіи мѣстнаго управленія, именно старостствъ, въ частномъ примѣненіи этого общаго вопроса къ исторіи Барскаго староства. А такъ какъ исторія мѣстнаго управленія, по мнѣнію авторитетныхъ знатоковъ дѣла, (напр., проф. Градовскаго), не отдѣлима отъ исторіи классовъ общества, подчиненныхъ этому управленію, то въ настоящемъ томѣ одинаково преслѣдуются обѣ названныя задачи». Далѣе предполагается издать томы о семейныхъ отношеніяхъ, панскихъ копныхъ судахъ и о землевладѣніи.

Мы думаемъ, что въ объясненіяхъ г. редактора кроется доля недоразумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, напр., Барское староство, исторіи котораго посвящены два новые тома Архива? Конечно, не субстратъ староства вообще, какъ типа мѣстнаго управленія, а живая территоріальная единица. Староство, какъ общій вопросъ, разчленяемый по отношенію къ той или другой мѣстности, представляетъ простую игру понятій. По счастью, факты исторической жизни—нѣчто упругое и неподдающееся втискиванію въ искусственныя рамки, такъ что для нихъ вовсе не требуется содѣйствія со стороны проф. Градовскаго. Конечно, мы далеки отъ мысли отрицать необходимость въ распредѣленіи матеріала по отдѣламъ и подборѣ ихъ сообразно съ планомъ. Думается лишь, что составленіе схемъ, въ родѣ приведенной выше, едва-ли поможетъ дѣлу и что едва-ли требуетъ особаго оправданія мысль издать и объяснить документы по исторіи Барскаго староства. Мы убѣждены, что коммисія, учрежденная для разбора древнихъ актовъ нашего края, никогда и не встрѣтится съ печальною перспективою издавать документы чисто юридическаго характера, такъ какъ подобныхъ документовъ и не можетъ быть въ ея распоряженіи. Ошибочною въ самой основѣ кажется намъ и мысль о «болѣе спокойной сферѣ исторіи», въ которой предполагается изслѣ-

довать институты общественнаго и частнаго права, да и самая постановка вопроса объ институтахъ. На самомъ дѣлѣ изслѣдованіе всегда будетъ идти въ противоположномъ направленіи, отнюдь не исходя изъ идеи института, а лишь приводя къ ней въ нѣкоторыхъ случаяхъ; что же касается «спокойствія» этой сферы изслѣдованій, то оно можетъ быть развѣ воображаемымъ.

Для исторіи Барскаго староства собрано г. Грушевскимъ и издано нынѣ до 600 документовъ, большею частью совершенно новыхъ. Извлечены они преимущественно изъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива, Варшавскаго главнаго Архива и Московскаго Архива Мин. Юст. и Иностр. Дѣлъ. Собраніе этихъ актовъ, требовавшее массы кропотливаго труда, составляетъ крупную заслугу г. Грушевскаго въ исторіи нашего края, такъ какъ они даютъ довольно обстоятельную картину колонизаціи и движенія землевладѣнія въ опредѣленной территоріи Подолья. Несомнѣнно, что авторомъ взято изъ помянутыхъ архивовъ все болѣе важное и существенное для предмета изслѣдованія, но необходимо отмѣтить, что главный источникъ—книги Барской юрисдикціи— обнимаютъ лишь нѣсколько десятилѣтій XVIII в., который и послужилъ исходной точкой для изслѣдованія. Многочисленныя данныя, занесенныя въ другія книги подольскія (каменецкія и особенно летичевскія) и въ акты коронной метрики, представляютъ богатый матеріалъ собственно для исторіи землевладѣнія, но драгоцѣнную особенность барскихъ книгъ составляютъ бытовыя подробности, почти цѣликомъ отсутствующія въ другихъ первоисточникахъ. Отмѣтимъ еще, что въ изданіяхъ г. Яблоновскаго (Źródła Dziejowe t. V и XIX) и въ Архивѣ Ю. З. Р. также приведенъ основной матеріалъ для общей характеристики землевладѣнія въ Барщинѣ, но по сравненію съ изданными г. Грушевскимъ актами матеріалъ этотъ оказывается далеко недостаточнымъ.

Въ «Кіевской Старинѣ» 1892 г., кн. II, въ статьѣ «Барская околичная шляхта до конца XVIII в. Этнографическій очеркъ», г. Грушевскій представилъ въ живомъ и интересномъ очеркѣ взглядъ свой на причины, останавливающія вниманіе историка на этомъ уголкѣ исторической Подоліи. Въ предисловіи къ настоящему изслѣдованію авторъ подробнѣе развиваетъ высказанныя въ 1892 г. мысли. Южнорусская исторія, обрисованная уже въ общихъ контурахъ трудами прежнихъ историковъ, требуетъ для провѣрки и болѣе прочнаго обоснованія многихъ своихъ положеній возможно-детальныхъ изслѣдованій, которыя, на ряду съ широкимъ примѣне-

ніемъ сравнительнаго метода, одни могутъ удовлетворительно объяснить многіе весьма важные вопросы, доселѣ рѣшаемые совершенно различно, смотря по тому, подъ какимъ угломъ зрѣнія разсматриваются. Для дальнѣйшей работы необходимы новые запасы фактовъ, провѣренныхъ, очищенныхъ, систематизированныхъ для болѣе широкихъ обобщеній. Детальное изученіе явленій внутренней исторіи въ ихъ территоріальной связи имѣютъ при этомъ особо важное значеніе: «это будутъ какъ-бы пробныя скважины, дающія возможность прослѣдить въ почвѣ расположеніе пластовъ». Оригинальныя особенности бытоваго уклада барской околичной шляхты, по мнѣнію автора, восходятъ своимъ началомъ къ весьма отдаленнымъ временамъ, временамъ до распространенія польской культуры и польскаго права, покрывшихъ своимъ налетомъ туземное прошлое. Заинтересовавшись барской околичной шляхтой XVIII в., авторъ пришелъ къ изученію колонизаціи, организаціи землевладѣнія, сословныхъ отношеній и мѣстнаго управленія въ этомъ краѣ отъ начала введенія польскаго права. Но главною задачею автора была систематическая обработка документальнаго матеріала, частью изданнаго нынѣ, которая, по мысли изслѣдователя, должна дать новый запасъ фактовъ для изученія вопроса о воздѣйствіи польскаго государства и общества на общественную жизнь Южной Руси (предисловіе, I—III. Цитируемъ по отдѣльному изданію).

Очерку внутренней исторіи барскаго староства XVIII в. посвящены двѣ послѣднія главы изслѣдованія г. Грушевскаго (стр. 309—398). Предыдущія главы касаются колонизаціи юго-восточнаго Подолья въ XV—XVI в., исторіи туземныхъ шляхетскихъ родовъ, организаціи служилаго землевладѣнія, сословнаго строя и мѣстнаго управленія до обращенія староства въ частное владѣніе въ XVII в. Главы I и IV—вводнаго характера: цѣль ихъ—представить судьбу колонизаціи и общественнаго строя на Подольи до польскаго занятія и сравнительную характеристику управленія и служилаго землевладѣнія въ Галичинѣ и Подольи XIV—XV в.

Нельзя не признать, что задача поставлена авторомъ достаточно широко и что удовлетворительное разрѣшеніе ея представляетъ затрудненія чрезвычайныя при наличномъ запасѣ данныхъ для древнѣйшей внутренней исторіи Подолья. Выясненіе органической связи явленій на протяженіи пяти вѣковъ—такова если не главная, то существенная задача, которою задается трудолюбивый изыскатель. Остановимся поэтому нѣсколько подробнѣе на двухъ

объяснительныхъ экскурсахъ автора въ область древнѣйшей исторіи (стр. 1—31 и 126—169).

Объясняющее значеніе могутъ имѣть, конечно, лишь данныя и отношенія строго установленныя, провѣренныя и систематизированныя. Между тѣмъ, относительно, напр., этнографическаго состава древнѣйшаго населенія Подолья мы донынѣ бродимъ въ потемкахъ, и выдвинутая авторомъ теорія отдѣльности ульцевъ отъ улучей (стр. 9) едва-ли можетъ помочь дѣлу. Весьма гадательны и предположенія о причинахъ вѣроятнаго соединенія Подолья съ Понизьемъ подъ татарскимъ захватомъ (стр. 17), сомнительны и догадки о добровольномъ подчиненіи татарамъ и о томъ, что населеніе видѣло въ переходѣ къ «зверхности татарской» прямую выгоду для себя (стр. 18). Автора очевидно смущаютъ таинственные болоховцы, но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что этнографическій составъ ихъ—вопросъ темный въ исторической наукѣ. Мы сильно опасаемся за вѣрность предположенія автора, будто-бы «стремленіе населенія къ широкой общинной автономіи, побудившее его къ подчиненію татарскому верховенству, нашло себѣ, надо думать, полное удовлетвореніе» и что татарскіе дѣдичи Подолья, въ своихъ интересахъ, могли только покровительствовать этому теченію. Если-бы это было такъ, то нелегко понять роль князей Корятовичей послѣ пораженія татаръ на Синей Водѣ. Соображенія автора о тюркскомъ этнографическомъ вліяніи крайне неопредѣленны и ничего объяснить не могутъ. Впрочемъ, на стр. 20 авторъ не замедлилъ разрушить татарскую идиллію, и весь экскурсъ въ эту область не даетъ ничего осязательнаго въ смыслѣ объясненія внутренняго уклада Подолья въ XIV в. Не менѣе неясностей представляетъ и очеркъ литовскаго занятія. По мнѣнію автора, мѣстное самоуправленіе должно было по прежнему остаться въ вѣдѣніи общинъ и ихъ представителей, но новая военно-административная организація неминуемо вносила нѣкоторыя измѣненія и въ строй общинъ (стр. 21). Въ сущности, это не болѣе, какъ заключеніе отъ неизвѣстнаго къ неизвѣстному. Существовали-ли на Подоліи укрѣпленные замки до Корьятовичей? Авторъ готовъ признать извѣстіе лѣтописи о постройкѣ этихъ замковъ князьями тенденціознымъ и въ послѣдующемъ изложеніи неоднократно высказываетъ предположеніе, что замковыя повинности установились на Подольи еще до литовскаго занятія, но въ подтвержденіе этой догадки никакихъ данныхъ не приводится и едва-ли ихъ и удастся добыть когда нибудь. Не вполнѣ вразумительно для насъ, почему

правленіе Корьятовичей должно было имѣть консервативный характеръ и въ чемъ заключалось усиленіе ими задатковъ сословности. Въ концѣ концовъ, въ первой объяснительной главѣ представляется цѣннымъ лишь то, что въ ней ново, а именно—нѣкоторыя данныя о раздачѣ земель при Витовтѣ. Не знаемъ, почему Czarnigrad акта 1442 г. отождествляется съ Аккерманомъ (стр. 25). Думаемъ, что глава I могла бы не войти въ настоящее изслѣдованіе безъ ущерба для послѣдняго.

Не менѣе неудовлетворительною по изложенію и непригодною для поставленной авторомъ цѣли представляется намъ и IV глава: «мѣстное управленіе и шляхетское землевладѣніе въ польской Украинѣ въ XIV—XV в.» По справедливому заявленію автора, для XV в. данныя по этимъ вопросамъ относительно Ровщины очень скудны, почти совершенно отсутствуютъ. Между тѣмъ, изученіе устройства болѣе ранняго времени существенно необходимо для уразумѣнія данныхъ, представляемыхъ XVI вѣкомъ. По мысли автора, недостатокъ этотъ до нѣкоторой степени можетъ быть возмѣщенъ изученіемъ данныхъ о Подольи вообще, а также о Галичинѣ, въ виду того, что «къ этой области раньше были приложены принципы польскаго государственнаго права, и выработанныя нормы здѣсь прилагались затѣмъ къ Подолью» (стр. 127).

Выводимое авторомъ изъ грамотъ князей Корьятовичей сочетаніе воеводскихъ урядовъ со старостинскимъ даетъ изслѣдователю поводъ искать разъясненій и аналогій по этому вопросу въ Галичинѣ, гдѣ подобный порядокъ, будто-бы, устанавливался уже съ половины XIV в. Намъ представляется ошибочною мысль, что аналогій и объясненій этому явленію должно искать только въ современной Галичинѣ. Разъ мы имѣемъ дѣло съ литовскимъ феодальнымъ строемъ, началами котораго должны были руководствоваться первые подольскіе князья, то изслѣдованіе и поиски аналогій должны обнимать прежде и главнѣе всего какъ исконныя литовскія земли, такъ и бывшія русскія княжества, завоеванныя литовцами. Подробное развитіе этой мысли завело-бы насъ далеко; для краткости сошлемся хотя-бы на изслѣдованіе г. Любавскаго «Областное дѣленіе лит.-русскаго государства», гл. II и IV. Подобное расширеніе круга аналогій, быть можетъ, и представляетъ нѣкоторыя затрудненія въ методологическомъ смыслѣ, но оно способно дать большую устойчивость сужденіямъ, нежели ограниченіе этого круга Галичиной. Въ самомъ дѣлѣ, для объясненія особенностей галицкаго управленія на-

шему изслѣдователю приходится излагать схему чисто-польскаго управленія и суда, но и для этого свѣдѣнія оказываются скудными и недостаточными: неизвѣстно, существовалъ-ли повсемѣстно судья замковый, невыяснены предѣлы каштелянской юрисдикціи и ея отношенія къ суду князя въ ранній періодъ, неясно происхожденіе старостинской власти, замѣчается двойственность въ гродской и земской юрисдикціи, неясны предѣлы юрисдикцій. Переходя къ Галичинѣ, оказывается, что отношенія старостъ земель и повѣтовъ къ старостѣ генеральному въ XV в. неясны, неясна градація и воеводскихъ урядовъ, неясно отношеніе суда воеводы къ суду старосты. Выдѣлить въ этомъ процессѣ непрерывнаго развитія элементы польскаго и русскаго правосознанія оказывается невозможнымъ. Какую же пользу могутъ принести эти «аналогіи» для объясненія подольскаго администативно-судебнаго уклада? Авторъ, напр., не рѣшается разрѣшить вопросъ, былъ-ли введенъ Корьятовичами новый строй по образцу Галичины, или основывался онъ на прежнихъ мѣстныхъ традиціяхъ (стр. 142). Изъ того обстоятельства, что въ каменецкой грамотѣ 1374 г. подольскій староста не упомянутъ, авторъ выводитъ предположеніе, что старостинскій урядъ, быть можетъ, составлялъ нововведеніе Корьятовичей, а раньше высшими представителями власти были воеводы (стр. 143). При этомъ упущено изъ виду, что въ грамотѣ 1375 г. староста уже упомянутъ, что одновременное существованіе въ Каменцѣ старостъ и воеводъ въ этомъ періодѣ ничѣмъ не установлено и что сами Корьятовичи имѣли пребываніе въ Каменцѣ. Весьма возможно поэтому, что въ этомъ періодѣ подольскій воевода именовался безразлично и воеводой и старостой. Повторяемъ, все это—гаданія, ничего не объясняющія. На основаніи этого внѣшняго сходства названій урядниковъ, авторъ находитъ возможнымъ предложить «нѣкоторыя реконструкціи подольскаго устройства по модели галицкой». «Староста каменецкій, стоявшій во главѣ края, соединялъ въ рукахъ своихъ функціи административно-военныя съ широкою юрисдикціею, простиравшеюся на всѣ классы мѣстнаго населенія». Реконструкція ошибочная, потому что въ грамотѣ 1374 г., подлинность которой не отвергаетъ авторъ, именно предусмотрѣнъ случай ограниченія воеводской юрисдикціи. (Такое же ограниченіе можно видѣть и въ грамотѣ 1392 г.). Далѣе въ зависимости отъ старосты находились воеводы, а въ Каменцѣ воевода перешелъ въ положеніе старостинскаго намѣстника. Въ составъ старостинскаго и воеводскаго судовъ входилъ, вѣроятно,

и судья, и т. п. Намъ кажется, что для подобной реконструкціи in partibus не было нужды обращаться въ Галичину, гдѣ въ то время еще и не выработался опредѣленный типъ административно-судебной организаціи. Невѣроятнымъ является и предположеніе автора объ одновременномъ введеніи польскихъ учрежденій и польскаго права на Подольи и въ Галичинѣ, невѣрно и утвержденіе, что каменецкій повѣтъ въ грамотахъ иногда обозначаетъ тоже, что и подольская земля (стр. 146). Какъ бы то ни было, мы вращаемся здѣсь въ заколдованномъ кругѣ гаданій, рѣшительно непригодныхъ для поставленной авторомъ задачи.

Такимъ же гадательнымъ и неопредѣленнымъ характеромъ отличаются и соображенія автора о происхожденіи шляхты привилегированной и непривилегированной (стр. 150 см.) Аналогія съ Галицкой Русью опять ничего не уясняетъ, и автору волей-неволей приходится лишь констатировать данныя актовъ. Кажется намъ, что и въ настоящемъ случаѣ автору слѣдовало-бы искать аналогій не только въ Галичинѣ, но и въ Литовской Руси. Безусловно ошибочною представляется догадка автора, что обязательное пребываніе въ дарованныхъ земляхъ имѣетъ цѣлью «установленіе правительственнаго контроля, въ политическихъ видахъ, надъ составомъ населенія», т. е. «преслѣдуетъ не просто колонизаціонныя цѣли, а сословно-національный подборъ населенія» (стр. 161). Дѣло въ томъ, что колонизація польскаго Подолья преслѣдовала въ раннее время прежде всего военныя цѣли, отсюда и всѣ ея особенности, вполнѣ удовлетворительно объясняемыя съ этой точки зрѣнія. Далѣе, въ изданныхъ авторомъ актахъ и въ актахъ, извѣстныхъ ранѣе, мы не встрѣтили для даннаго періода указаній на залоговыя сдѣлки, подъ видомъ записей in tenutam, выручавшія королей изъ денежныхъ затрудненій. Намъ кажется, что въ изложеніи данныхъ актовъ слѣдуетъ строго держаться прямого ихъ смысла, не прибѣгая къ толкованіямъ произвольнымъ и тѣмъ болѣе къ анахронистическимъ.

Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что формы условнаго держанія земель въ польской Украинѣ были, вѣроятно, выработаны текущими нуждами польской политики, а не заимствованы съ запада (стр. 165). Намъ кажется, что отрицать заимствованіе феодальныхъ формъ съ запада едва-ли возможно и что точно также нельзя отвергать вліянія галицкой практики на отношенія зап. Подолья, но ходъ этого вліянія требуетъ строгаго изученія, котораго не даетъ настоящее изслѣдованіе. Аналогіи ни мало не по-

могли нашему автору и въ изложеніи генезиса шляхетскаго землевладѣнія: грань между землевладѣніемъ привилегированнымъ и непривилегированнымъ осталась непроведенною даже въ общихъ чертахъ; украинная шляхта, по словамъ автора, осталась въ неопредѣленной позиціи, приближаясь къ положенію полупривилегированныхъ землевладѣльцевъ, въ родѣ войтовъ, волоскихъ князей, замковыхъ служекъ и т. п. (стр. 169). Все это достаточно неопредѣленно и ничего не объясняетъ.

Съ гораздо большимъ интересомъ и пользою читаются прочія главы обширнаго изслѣдованія г. Грушевскаго, посвященныя заселенію Барщины въ XV и началѣ XVI в., дѣятельности королевы Боны, исторіи шляхетскихъ родовъ, исчисленію и характеристикѣ населенія староства и, наконецъ, измѣненіямъ во внутреннемъ устройствѣ послѣдняго до конца XVIII в. Сводка актовыхъ данныхъ въ связи съ общими историческими указаніями требовала отъ автора бездны труда и времени и, въ общемъ, поставленная имъ непосредственная задача описательнаго характера выполнена удовлетворительно. Тѣмъ не менѣе и здѣсь нельзя не отмѣтить значительнаго недостатка въ изложеніи: авторъ охотно выставляетъ положенія, для которыхъ нѣтъ достаточныхъ основаній въ документальномъ матеріалѣ (таковы, напр., категорическія, но вполнѣ неправдоподобныя утвержденія его о тенденціозномъ характерѣ польской правительственной колонизаціи—стр. 59 сл.); съ другой стороны, много вредитъ ясности эклектическая манера разработки вопросовъ затруднительныхъ или неясныхъ. Желаніе разъяснить вопросъ возможно обстоятельнѣе приводитъ иногда къ результатамъ прямо противоположнымъ: за положеніемъ слѣдуютъ оговорки и смягченія, все это снабжается догадками, въ подтвержденіе которыхъ выдвигаются данныя неполныя или двусмысленныя, и читатель остается въ недоумѣніи, какого же собственно мнѣнія держится авторъ. Намъ кажется, что въ работѣ по существу описательной, легко избѣжать подобныхъ досадныхъ недостатковъ, поступившись желательной полнотой и прямо оставляя пробѣлы въ пунктахъ сомнительныхъ. Но всѣ эти недостатки не могутъ имѣть вреднаго значенія въ научномъ смыслѣ, такъ какъ внимательный читатель благодаря автору можетъ провѣрить всѣ контроверсіи по актамъ, поистинѣ драгоцѣннымъ, и составить собственное понятіе по интересующему его вопросу.

Приведенныя частныя замѣчанія по поводу книги г. Грушевскаго отнюдь не умаляютъ значенія сдѣланнаго имъ цѣннаго вклада

въ сокровищницу нашей южно-русской исторіи. Безъ сомнѣнія, автору предстоить много еще потрудиться на этомъ поприщѣ. Поэтому то мы и позволимъ себѣ выразить искреннее пожеланіе молодому ученому въ будущихъ его работахъ избѣгать эклектической манеры изложенія, способной реальные факты дѣйствительности превратить въ неосязательный и ни для кого неубѣдительный домыселъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что въ львовскомъ журналѣ «Przewodnik naukowy i literacki» за текущій годъ начато печатаніемъ изслѣдованіе г. Михаила Ролле: «Okręg Rowski—Starostwo Barskie. Przyczynek do geografii historycznej Podola.» Повидимому, при составленіи напечатанныхъ уже первыхъ трехъ главъ авторъ еще не былъ знакомъ съ трудомъ г. Грушевскаго, о чемъ должно пожалѣть.

Н. М.

„Русская фабрично-заводская промышленность". Н. А. Карышева. (Русск. Богат. 1894 г. № 11 и 12).

Въ 80-хъ годахъ статистико-экономическая публицистика наша выдвинула на видное мѣсто еще одного представителя въ лицѣ дерптскаго профессора (съ 1891 г.) *Н. А. Карышева.* Капитальное изслѣдованіе послѣдняго: «*Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель въ Зап. Европѣ*», вышедшее въ 1885 г.; затѣмъ позднѣйшія работы его въ покойномъ «*Юридическомъ Вѣстникѣ*» о *внѣнадѣльныхъ арендахъ* (вышедшія отдѣльной книгой) и о нашей *фабрично-заводской промышленности* за 20-лѣтіе 1865—1884 г. сдѣлали имя его достаточно популярнымъ въ средѣ читающей публики, интересующейся экономическими судьбами русскаго народа.—Въ послѣдніе годы почтенный профессоръ работы свои помѣщаетъ въ журналѣ: «Русское Богатство», на страницахъ котораго (помимо нѣкоторыхъ отдѣльныхъ очерковъ) напечатанъ цѣлый рядъ его статистико-экономическихъ изслѣдованій подъ общимъ скромнымъ заглавіемъ: «*Народно-хозяйственные наброски*». Съ одной (XVI) изъ главъ этихъ «*набросковъ*» о «*русской фабрично-заводской промышленности въ 1885—1891 г.*», составленной по даннымъ издаваемаго ежегодно департаментомъ торговли и мануфактуръ «*Свода данныхъ о фабрично-заводской промышленности*» [1]) и напечатанной въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ Р. Бог.» за истекшій годъ, мы позволимъ себѣ

---

[1]) „Сводъ" за 1891 г. вышелъ только въ половинѣ 1894 года.

познакомить нашихъ читателей, извлекая преимущественно тѣ любопытныя данныя, которыя касаются Малороссіи, Новороссіи и Юго-Западнаго Края.

Въ 1891 г. во всей Россійской Имперіи (за исключеніемъ Финляндіи) промышленныхъ единицъ насчитывалось 126.029 съ общимъ числомъ рабочихъ въ 1.022.441 чел. Одна такая единица, стало быть, приходится на 878 человѣкъ, а весь фабрично-заводскій людъ составляетъ 0,92 % населенія Россіи, простиравшагося въ 1890 г. (безъ Финляндіи) до 110.628,676 челов.

Само собой разумѣется, въ разныхъ раіонахъ Россійской Имперіи индустрія распредѣлена далеко не равномѣрно. 1-е мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ *Царство Польское*, гдѣ одна промышленная единица приходится на 480 челов., а фабрично-заводскіе рабочіе составляютъ 1,6 % населенія; 2-е мѣсто принадлежитъ *Европ. Россіи*, гдѣ одна и таже единица приходится на 831 челов., а контингентъ фабрично-заводскихъ рабочихъ составляетъ 1 % населенія. Значительно слабѣе развита промышленность на *Кавказѣ*, въ *Сибири* и въ *Туркестанскомъ* краѣ: здѣсь одна пром. единица приходится: на 2512, на 3132 и 4228 чел,, а фабрично-заводскіе рабочіе составляютъ: 0,22 %,—0,19 % и 0,07 % населенія.

Въ вышеуказанный общій итогъ 126.029 промышленныхъ единицъ входятъ: 22669 «*крупныхъ*» единицъ, къ каковымъ авторъ относитъ фабрики и заводы съ годовою производительностью болѣе 1000 руб., и 103.360 «*мелкихъ*» единицъ съ годовою производительностью менѣе 1000 руб.—Изъ общаго вышеприведеннаго числа рабочихъ приходится: на долю «*крупныхъ*» единицъ 878580 чел. (85,9 %), или въ среднемъ на одну крупн. единицу 38,7 рабочихъ; на долю же «*мелкихъ*» единицъ остается 143861 рабочій (14,1 %) или, въ среднемъ, на одну мелк. единицу 1,4 чел.

Понятно, что «крупныя» и «мелкія» промышленныя единицы распредѣлены по разнымъ раіонамъ неравномѣрно. Въ 50-ти внутреннихъ губерніяхъ Евр. Россіи находимъ *относительно* большее число мелкихъ пром. единицъ, чѣмъ крупныхъ (первыхъ 83,2 % общаго ихъ числа по Имперіи, вторыхъ же 73,6 % этого числа); въ *Царствѣ Польскомъ*, на *Кавказѣ*, въ *Сибири* и въ *Туркестанѣ относительное* число кр. единицъ больше соотвѣтственнаго количества мелкихъ. Другими словами, «на окраинахъ приложеніе болѣе круп-

ныхъ капиталовъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ центрѣ».—По числу рабочихъ и по высотѣ годовой производительности кр. пром. единицы въ *Евр. Россіи* значительно крупнѣе, чѣмъ въ остальныхъ полосахъ, какъ наглядно показываетъ слѣдующая табличка:

Районы.	Среднее число рабочихъ на фабрикахъ. крупныхъ.	мелкихъ.	Средняя годовая производительность на крупныхъ фабрикахъ
Въ 50 вн. губерніяхъ Европ. Россіи	44,6	1,4	66100 руб.
Привислянскій край	32,2	1,2	54500 „
Кавказъ	10,6	1,3	24100 „
Сибирь	12,2	1,7	15400 „
Туркестанъ	8,2	1,3	25700 „
Среднее	38,8	1,4	59800 „

Для лучшей оріентировки авторъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на прошлое нашей фабрично-завод. промышленности, при чемъ оказывается, что не только абсолютный, но и относительный ростъ числа фабрикъ у насъ составлялъ явленіе постоянное съ начала царствованія Екатерины II вплоть до 1865 года. Такъ, изъ данныхъ *Военно-Статистическаго Сборника* видно, что число нашихъ фабрикъ возросло: за 43 года (1762—1804 г.) на 2222 (въ среднемъ въ годъ на 52); за 21 годъ (1805—1825) на 2838 (въ средн. на 136 въ годъ); за 25 лѣтъ (1826—1850) на 4582 (въ сред. на 183 въ годъ), а за 3 послѣднихъ года этого періода (1863—1865) на 6355 (въ средн. въ годъ на 2118).—Что же касается средняго числа рабочихъ на одну фабрику, то (оставляя въ сторонѣ начальный періодъ, данныя за который сомнительны) можно сказать, что оно оставалось безъ измѣненія, а въ послѣднее время даже уменьшалось. А средняя годовая производительность каждой промышленной единицы втеченіе всего столѣтія *систематически падала*: въ 1765 г. она составляла 21 тыс. р., въ 1804 г.—19 тыс., въ 1825 г.—17 т. р., въ 1850 г.—21 т. р., въ 1863 г.—18 т. р.—Но если въ теченіе этого продолжительнаго періода средніе размѣры промышленныхъ предпріятій сокращались, то за 20-лѣтіе 1865—1884 г. замѣчалось какъ-разъ обратное явленіе: въ этотъ сравнительно небольшой періодъ размѣры пром. предпріятій, благодаря введенію

въ работу машинъ, расширялись; хотя число фабрикъ увеличилось за это время всего на 2% (съ 82.004 до 83.567), но число занятыхъ на нихъ рабочихъ возрасло на 25% (съ 906,578 до 1.136,656), а годовая производительность—на 107% (съ 640,2 мил. р. до 1.322 мил.). За неимѣніемъ данныхъ для размѣровъ годовой производительности мелкихъ пром. единицъ для семилѣтія 1885—1891 г., составляющаго предметъ послѣдняго изслѣдованія автора, такого вывода сдѣлать нельзя; но относительно роста *числа* пром. единицъ и рабочихъ можно сказать, что онъ и въ это время продолжался безпрерывно: число первыхъ возросло съ 60993 до 126039, а число послѣднихъ—съ 782395 до 1.022451. Стало быть, въ то время какъ въ предшествовавшее 20-лѣтіе число рабочихъ возросло въ 12½ разъ больше, чѣмъ число пром. единицъ, въ послѣднее семилѣтіе число промышленныхъ единицъ возросло больше, чѣмъ число рабочихъ; это значитъ, что среднее число рабочихъ на одну промышл. единицу за это время уменьшилось: въ 1885 на нее приходилось 12,8 рабочихъ, а въ 1891 г.—8,1. Рядомъ съ этимъ въ это семилѣтіе въ крупной нашей индустріи (за исключеніемъ *Туркестана*) сокращались размѣры предпріятій, а въ мелкой индустріи происходило дальнѣйшее ея размельчаніе. И такъ, не взирая на всяческое покровительство и всевозможныя поощренія, оказывавшіяся въ то время нашей фабрично-заводской промышленности (учрежденіемъ мануфактуръ коллегіи, охранительнымъ тарифомъ 1822 г., всевозможной покровительственной пошлиной, золотой пошлиной и т. п.), *относительное* количество крупныхъ промышленныхъ единицъ у насъ, въ среднемъ, поднято, а *относительное* количество мелкихъ возрастаетъ, при чемъ,—какъ видно изъ данныхъ, касающихся средней годовой производительности и средняго числа рабочихъ на 1 пром. единицу въ разныхъ отрасляхъ промышленности,—послѣднія мельчаютъ въ это семилѣтіе *больше прежняго.*

Такъ какъ въ матеріалѣ, которымъ пользовался авторъ, данныя для мелкой промышленности отсутствуютъ, то въ дальнѣйшемъ анализѣ нашей фабрично-завод. промышленности онъ ограничивается одной лишь *крупной* промышленностью.—Изъ таблицы, составленной имъ (въ алфавитномъ порядкѣ) для 60 губерній *Евр. Россіи*, мы видимъ, что особенно интересующія насъ губерніи занимаютъ въ ней отнюдь не послѣднія мѣста. Выражая годовую производительность въ милліонахъ рублей, движеніе средней годовой производительности

этихъ губерній, расположенныхъ нами въ порядкѣ *убывающаго* размѣра этой производительности, представляется въ такомъ видѣ:

Губерніи.	годы. 1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	Среднее за 7 л.	Мѣсто, занимаемое по размѣру средней годовой производительности.
Херсонская	30,9	28,6	30,7	29,6	38,5	32,7	31,6	31,8	6
Кіевская	30,1	26,4	25,2	32,2	33,8	33,3	32,0	30,0	8
Харьковская	17,9	16,2	17,8	20,4	19,5	21,0	21,9	19,3	13
Екатеринославская	12,5	12,9	15,4	10,5	10,9	18,2	21,1	14,5	18
Черниговская	12,3	10,4	12,5	11,4	12,0	12,1	13,0	12,0	21
Подольская	12,3	11,7	11,5	9,6	9,9	10,5	16,0	11,5	23
Донская	0,4	1,4	1,5	20,6	23,3	14,7	13,5	10,9	24
Волынская	4,5	5,2	4,0	5,6	9,9	6,6	8,1	6,3	33
Полтавская	4,4	4,0	5,0	4,8	5,6	7,3	7,2	5,4	38
Бессарабская	4,1	4,0	4,0	6,8	4,0	5,0	5,6	4,8	40
Таврическая	2,6	3,0	3,2	4,1	5,5	3,5	4,4	3,9	43

Соединивъ эти губерніи въ 3 района, мы получаемъ слѣдующую табличку:

Новороссія (6, 18, 24, 40 и 43).	50,5	49,8	54,7	71,6	82,2	74,1	76,2	65,8
Юго-Запад. (8, 23 и 33)	46,9	43,3	40,7	47,4	53,6	50,4	56,4	47,8
Малороссія (13, 21 и 38)	34,6	30,6	35,1	36,1	37,1	40,4	42,1	36,7
Итого	**132,0**	**123,7**	**130,7**	**155,1**	**172,9**	**164,9**	**174,4**	**150,3**

Если мы выдѣлимъ губерніи *Московскую*, *С.-Петербургскую*, *Владимірскую* и *Петроковскую*, въ истекшее семилѣтіе въ общей сложности выпускавшія въ среднемъ въ годъ на 572,7 мил. руб. или 50,8% общей средней производительности всѣхъ 60 губерній [1]), то средняя годовая производительность остальныхъ 56 губерній составитъ 555,7 мил. р., т. е. средняя годовая производительность приведенныхъ 11 губерній составляетъ 27% ср. год. производительности всѣхъ 56 губерній. А такъ какъ средняя годовая производительность каждой изъ этихъ 56 губерній, при общей сложности, составляетъ 9,9 мил. р., то стало быть средняя год. производ. 7 изъ приведенныхъ 11 губерній значительно превышаетъ эту среднюю, да и изъ остальныхъ 4 губерній ни въ одной ср. год. производительность не падаетъ ниже 3,9

[1]) Изъ этихъ 572,7 мил. руб. почти $^2/_5$ (228,3 м.) приходится на одну *Московскую* губ. да слишкомъ $^1/_4$ (148,7 м.) на *Петербургскую* губ.

мил. р. между тѣмъ какъ колебанія въ этихъ 56 губерніяхъ *вообще* имѣютъ мѣсто въ предѣлахъ между $48{,}_6$ мил. р. (*Варшавская* губ.) и $0{,}_8$ м. р. (*Сувалкская* губ.), а болѣе *трехъ пятыхъ* этихъ губерній (35 изъ 60) имѣютъ среднюю годовую производительность ниже $9{,}_9$ милл. руб.

Детальный анализъ статистическихъ данныхъ приводитъ автора къ выводу, что наше фабрично-заводское дѣло имѣетъ *8 „гнѣздъ“*: *первое* (и самое главное) сосредоточивается вокругъ *Москвы* [1]) съ средней годовой производительностью въ $404{,}_4$ мил. р.; *второе*—тяготѣетъ къ *Петербургу* и средняя годовая производительность трехъ охватываемыхъ имъ губерній [2]) составляетъ $191{,}_9$ мил. р.; *третье*—находится въ *Привислянскихъ* губерніяхъ [3]) и имѣетъ ср. год. производительность въ $144{,}_7$ милл. р.; *четвертое*—на Югѣ [4]) съ ср. г. произв. въ $81{,}_4$ милл. р.; *пятое* [5]) съ производствомъ въ $31{,}_5$; *шестое* [6])—$22{,}_6$ м. р.; *седьмое* [7])—$16{,}_4$ милл. р. и *восьмое* [8])—$14{,}_5$ мил. р.—Въ этихъ „гнѣздахъ“ господствуютъ слѣдующія производства: въ I, обраб. волокн. веществъ; во II, обработка хлопка, производства металлическія, водочное, лѣсопильное и мукомольное; въ III, обраб. волокн. вещ.. производства металлическія, сахаро-рафинадное и водочное; въ IV, сахаро-раф., машиностроительное, шерстомойное и мукомольное; въ V, металлическія, сахаро-рафинадное, и муком.; въ VI, металлическія и муком.; въ VII, обраб. питательныхъ продуктовъ, и въ VIII желѣзодѣлат., машиностр. и муком.

Анализируя движеніе цифръ стоимости продуктовъ въ каждой губерніи по годамъ, авторъ приходитъ къ такому выводу: только въ 20 (изъ 60) замѣтно болѣе или менѣе *безостановочное развитіе* крупной индустріи; въ 22—послѣдняя оставалась въ *застоѣ*, а въ остальныхъ 18 губ. «прогрессъ, регрессъ и застой фабрично-завод-

---

[1]) Губерніи: *Московская, Владимірская, Тверская, Ярославская* и *Костромская.*

[2]) *Петербургской, Лифляндской* и *Эстляндской.*

[3]) Губерніи: *Петроковская* и *Варшавская.*

[4]) Губерніи: *Кіевская, Харьковская* и *Херсонская.*

[5]) Губерніи: *Тульская* и *Орловская.*

[6]) Губернія *Пермская.*

[7]) Губернія *Саратовская.*

[8]) *Екатеринославская* губернія.

скаго дѣла сочетались въ весьма прихотливыхъ комбинаціяхъ».—Изъ выше-выдѣленныхъ нами 11 губерній, какъ видитъ читатель изъ приведенной таблички, къ числу *прогрессирующихъ* губерній принадлежатъ *Екатеринославская* и *Харьковская*, увеличившія за разсматриваемый періодъ свою производительность—первая на $68,_{8}\%$ и послѣдняя—на $22,_{2}\%$; къ группѣ *застоя*: *Бессарабская*, *Волынская*, *Херсонская* и *Черниговская*; изъ остальныхъ 5 губерній, которыя д. б. отнесены къ III группѣ, *Полтавская* принадлежитъ къ той подгруппѣ губерній, въ которыхъ замѣчается сначала застой, а затѣмъ расширеніе крупной промышленности; *Таврическая*—наоборотъ—къ той, въ которой наблюдалось оживленіе, а затѣмъ застой; *Подольская*—къ той подгруппѣ губерній, въ которыхъ сначала появлялся упадокъ, а потомъ развитіе; *Донская* область—къ той, въ которой замѣтно было въ началѣ развитіе, а потомъ—упадокъ; наконецъ, *Кіевская*—къ тѣмъ, въ которыхъ въ началѣ проявлялся упадокъ, а потомъ застой.

Изъ дальнѣйшаго анализа заводско-фабричной промышленности нашей по тѣмъ 8 основнымъ группамъ, на которыя она подраздѣляется [1]), оказывается, что какъ въ предшествовавшее 20-лѣтіе, такъ и въ періодъ 1885—1891 г. число фабрикъ продолжало *безпрерывно возрастать*. Нѣкоторое исключеніе составляютъ лишь группа V, представляющая за 4-лѣтіе 1887—1890 г. уменьшающійся рядъ, и гр. VI, не обнаруживающая никакой *опредѣленной* тенденціи ни въ ту, ни въ другую сторону.—Что касается другихъ двухъ элементовъ, характеризующихъ размѣры производства (годовая производительность и число рабочихъ), то, значительно отличаясь въ колебаніяхъ своихъ отъ колебанія числа промышленныхъ единицъ, они между собою представляютъ сходныя колебанія. Въ тѣхъ трехъ группахъ, роль которыхъ въ русской промышленности наименѣе важная (VI, VII и VIII), *послѣдовательно увеличивается* производство; остальныя же пять группъ, значеніе которыхъ въ нашей промышленности наиболѣе

---

[1]) Группы эти—слѣдующія: I. Обработка волокнистыхъ веществъ (сюда причисляется и бумажное производство); II. Металлическое производство; III. Обработка питательныхъ продуктовъ; IV. Керамическое производство; V. Обработка животныхъ продуктовъ; VI. Обработка дерева; VII. Химическое производство и VIII. Прочія производства (экипажное, резиновыхъ издѣлій, минеральныхъ маслъ, асфальта и толя, карандашныя и др.).

существенно, во 2-ю половину разсматриваемаго періода въ *общемъ уменьшаютъ* и годовую производительность, и число рабочихъ.

Наиболѣе существенными группами нашей индустріи въ періодъ 1885—1891 г. являются I, III и II, охватывающія $84,_{2}\%$ годовой производительности всей нашей крупной промышленности. Но и эти три группы, по размѣрамъ производства, имѣютъ далеко не одинаковое значеніе: цѣлая половина общей ихъ производительности приходится на одну первую группу, въ составъ которой входитъ 25 различныхъ производствъ, изъ числа коихъ три производства: *бумагопрядильное* (съ бумаготкацкимъ), *красильное и набивное*, да *шерстоткацкое и суконное* поглощаютъ подавляющую часть годовой производительности всей группы—$380,_{2}$ милл. р. изъ $503,_{9}$ милл. ($75,_{4}\%$). Изъ этихъ трехъ производствъ опять таки одно—бумагопрядильное (съ бумаготкацкимъ) поглощаетъ $233,_{7}$ милл. р., оставляя на долю красильнаго и набивного $73,_{8}$ милл., а шерстоткацкаго и суконнаго $72,_{7}$ милл. руб.

Изъ 16 производствъ, входящихъ въ составъ группы III, также три производства поглощаютъ $83,_{8}\%$ производительности всей группы: изъ средней годовой производительности всей группы въ $366,_{5}$ милл. р. приходится: на производство *мукомольное*—$155,_{8}$ милл. р., *сахарорафинадное*—$85,_{5}$ милл. и *водочное*—$64,_{7}$ милл, р.

Обращаясь къ групѣ *металлическихъ* производствъ (II), мы видимъ, что изъ входящихъ въ ея составъ 8 производствъ по высотѣ годовой производительности выдѣляются два: *машиностроительное* и *желѣзодѣлательное* (со сталелитейнымъ и рельсовымъ): изъ средней годовой производительности всей группы въ 136 милл. руб. на ихъ долю приходится $93,_{4}$ милл. р. ($68,_{7}\%$)—на первое $59,_{8}$ милл. р. и на второе—$33,_{6}$ милл. р.

Присоединивъ еще къ указаннымъ производствамъ и относящееся къ V гр. *кожевенное* производство, средняя годовая производительность котораго составляетъ $57,_{0}\%$ произв. всей группы ($37,_{3}$ милл. р.), мы этимъ исчерпаемъ всѣ существеннѣйшія и крупнѣйшія наши производства.

Степень важности перечисленныхъ 9 крупнѣйшихъ производствъ наглядно формулируется въ слѣдующей табличкѣ:

Производства:	Средняя типичная годовая производительность за 7 лѣтъ въ милл. руб.	Процентное отношеніе этой производительности къ общей средней производительности крупной индустріи страны.
1) Бумагопрядильное и бумаготкацкое.	233,7	19,5%
2) Мукомольное	158,8	13,1%
3) Сахаро-рафинадное . . .	85,5	7,1%
4) Красильное и набивное. .	73,8	6,2%
5) Шерстоткацкое	72,7	6,1%
6) Водочное	64,7	5,4%
7) Машиностроительное . . .	59,5	4,9%
8) Кожевенное.	37,2	3,4%
9) Желѣзодѣлательное съ сталелитейнымъ и рельсовымъ .	33,9	2,8%
Итого. .	817,9	68,4%
Всѣ остальныя 87 производствъ.	377,6	31,6%
	1195,5	100,%

Въ предшествовавшее 20-лѣтіе выдающуюся роль играли производства: *бумагопрядильное, сахароваренное, винокуренное и мукомольное.* Таблица показываетъ, что эти производства не потеряли своего значенія и въ послѣднее семилѣтіе; къ нимъ присоединилось только еще 5 новыхъ производствъ, значеніе которыхъ прежде было невелико, да водочное производство заняло уже лишь 6-е мѣсто, уступивъ 4-е и 5-е красильно-набивному и шерсто-ткацкому производствамъ, а мукомольное, занимавшее прежде 4-е мѣсто, передвинулось на второе мѣсто. Въ виду этого авторъ, констатировавшій въ 1889 г., что наша промышленность развивается въ *неправильномъ* направленіи, относительно періода 1885—1891 г. дѣлаетъ предположительный выводъ [1]), что «*въ послѣднее время обрабатывающая промышленность эволюціонировала въ томъ смыслѣ, что въ нѣкоторой степени пошла на встрѣчу добывающей и начала понемногу развивать работу на русскомъ же сырьѣ*», такъ какъ «естественныя богатства страны и продукты сельскаго хозяйства въ изслѣдуемый періодъ обработывались

[1]) Съ осторожностью истиннаго ученаго авторъ считаетъ всѣ свои выводы *предположительными* въ виду незначительности періода и недостаточной полноты тѣхъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался.

крупными фабриками и заводами больше, чѣмъ въ предшествующій»;... «продукты сельскаго хозяйства, въ частности животноводства, и желѣзо стали видными предметами обработки нашей крупной индустріи, мукомольное дѣло развивалось быстрѣе другихъ видовъ производствъ», да и чуждое намъ бумагопрядильное дѣло «не обнаруживало признаковъ постояннаго возрастанія во вторую часть нашего семилѣтія, а сахарно-рафинадное (въ силу искусственныхъ причинъ) развивало свою годовую производительность лишь въ слабой степени.» —Вся совокупность данныхъ, рисующихъ положеніе крупной промышленности въ періодъ 1885—1891 г., заставляетъ автора думать, что «съ одной стороны, вѣроятно, крупная индустрія выполняетъ мелкое домашнее ремесленное производство, привлекаетъ къ себѣ продукты добывающей промышленности и *потому* развиваются однѣ отросли производства; а съ другой они пользуются увеличеніемъ добычи сырыхъ матеріаловъ и *потому* развиваются другія».

Таковы общіе выводы. Обратимся къ нѣкоторымъ изъ болѣе интересныхъ частныхъ итоговъ.

Бумагопрядильное производство (съ бумаготкацкимъ), будучи сконцентрированнымъ въ 20 губерніяхъ, сильно развито лишь въ четырехъ изъ нихъ[1]), Интересно то, что въ то время, какъ изъ общей суммы производительности въ $250_{,8}$ милл. руб. на *Петербургскій* и *Московскій* районы приходится $212_{,7}$ милл. р. ($84_{,8}$%), на *Привислянскій* районъ приходится $37_{,19}$ милл. р. ($14_{,9}$%[2]): не имѣлъ ли авторъ права замѣтить, въ виду этихъ данныхъ, что «шумъ, поднятый фабрикантами Московскаго района о конкурренціи Лодзи и Сосновицъ, и прежде былъ значительно увеличенъ, а теперь долженъ бы и совсѣмъ стихнуть».

Въ только-что указанномъ выдающемся по размѣрамъ крупномъ производствѣ Новороссія, Малороссія и Юго-Западный край вовсе не участвовали. За то участіе ихъ въ *мукомольномъ* производствѣ, не чуждомъ намъ, какъ бумагопрядильное, было довольно замѣтное. — Это производство въ разсматриваемый періодъ имѣло мѣсто въ 75 губерніяхъ, при чемъ максимальный его размѣръ не превышалъ $10_{,9}$ милл. р., и то въ одной лишь *Пермской* губерніи, изъ остальныхъ 74-хъ губерній—въ 12 губ. размѣры его простира-

---

[1]) *Владимірской, Московской, Петроковской и С.-Петербургской.*

[2]) Остальныя $0_{,32}$ милл. р. (0,3%) приходятся на разныя внѣ-районовыя губерніи.

лись отъ 10 до 5 милл. р.,—въ томъ числѣ въ губерніяхъ: *Херсонской*—$6,_6$ милл. р., *Кіевской*—$6,_2$ милл. р., *Бессарабской*—$5,_0$ милл. и *Подольской*—$5,_0$ м.; въ 29 губерніяхъ—отъ 5 до 1 милліона р.,—въ томъ числѣ въ губерніяхъ: *Екатеринославской*—$3,_3$ милл. р., *Таврической*—$2,_3$ м. и *Харьковской*—$2,_0$ милл. р., и—наконецъ, въ 33 губерніяхъ—менѣе 1 милл. р.—Мы видимъ такимъ образомъ, что въ мукомольномъ производствѣ, доставляющемъ сбытъ продуктамъ земледѣлія, *Новороссія* участвуетъ $17,_2$ милл. р., *Юго-Зап. край*—$11,_2$ милл. р. и *Малороссія*—$7,_9$ милл. р.,—а всѣ вмѣстѣ $38,_3$ милл. р. (около $23,_9$% общей производительности).—Географическое распредѣленіе мукомольнаго производства указываетъ на то, что губерніи съ наибольшей годовой производительностью расположены вдоль бассейновъ крупныхъ рѣкъ: *Волги*, *Днѣпра*, *Днѣстра* и др., такъ что на губерніи разныхъ бассейновъ [1]) приходится $89._9$% всего общерусскаго мукомольнаго производства. Это явленіе, имѣвшее мѣсто и въ предшествовавшее 20-лѣтіе, указываетъ на то, что въ мукомольномъ дѣлѣ вліяніе паровой силы слабѣе водяного двигателя; но, по вѣрному замѣчанію автора, разъ производство это приняло характеръ капиталистическаго предпріятія, «массовая замѣна» водяного двигателя паромъ «становится неизбѣжною для безпрерывнаго обращенія вложеннаго въ дѣло капитала».

Выдающееся значеніе для южныхъ губерній имѣетъ *сахаро-рафинадное* производство, сконцентрированное въ 19 губерніяхъ.—Кромѣ столичныхъ губерній, производство это, въ крупной формѣ своей, сконцентрировано въ семи юго-западныхъ и южныхъ губерніяхъ и въ семи привислянскихъ: изъ $88,_8$ милл. р. всего производства на долю первыхъ приходится $52,_4$ милл. р. и на долю послѣднихъ—$18,_8$ милл.; на столичныя губерніи—$18,_8$ милл., а на губерніи съ разбросаннымъ географич. положеніемъ остается $4,_3$ милл. р.—Въ Юго-Западныхъ и Южныхъ губерніяхъ сахаро-рафинадное производство распредѣляется такъ:

---

[1]) Первое	мѣсто занимаетъ бассейнъ	*Волги и Камы*	=$55,_0$	милл.	р.	=35%
Второе	„ „ „	*Днѣпра*	=$24,_3$	„	„	=$15,_3$%
Третье	„ „ „	*Дона и Сѣв. Донца*	=$16,_2$	„	„	=$10,_2$%
Четв.	„ „ „	*Оки*	=$10,_8$	„	„	= $7,_0$%
Пятое	„ „ „	*Днѣстра и Буга*	=$10,_0$	„	„	= $6,_4$%

Далѣе слѣдуютъ болѣе мелкіе бассейны (*Вислы*, *Сейма*, *Волхова*, *Куры* и др.).

Кіевская	губ.	$14{,}_6$	м.	р.	$27{,}_8$%	произв.	района	$16{,}_5$%	общерусской	пр.
Харьковская	„	$11{,}_2$	„	„	$21{,}_4$%	„	„	$12{,}_7$%	„	„
Херсонская	„	$10{,}_2$	„	„	$19{,}_5$%	„	„	$11{,}_6$%	„	„
Черниговская	„	$7{,}_8$	„	„	$14{,}_9$%	„	„	$8{,}_8$%	„	„
Подольская	„	$5{,}_9$	„	„	$11{,}_3$%	„	„	$6{,}_7$%	„	„
Волынская	„	$2{,}_2$	„	„	$4{,}_2$%	„	„	$2{,}_5$%	„	„
Екатериносл.	„	$0{,}_5$	„	„	$0{,}_9$%	„	„	$0{,}_7$%	„	„
	Итого	$52{,}_4$	„	„	$100{,}_0$%	„	„	$59{,}_5$%	„	„

Первое мѣсто здѣсь, очевидно, занимаютъ: одна Юго-Западная губернія (*Кіевская*), одна малороссійская (*Харьковская*) и одна Новороссійская (*Херсонская*): эти три губерніи, вмѣстѣ взятыя, имѣютъ годовую производительность въ 36 милл. р. ($68{,}_7$% производит. всего района и $40{,}_8$% обще-русскаго производства).—Печально то, что производство сахаро-рафинадное представляетъ небольшой лишь сбытъ продуктамъ мѣстнаго производства, такъ какъ значительная часть сахарныхъ заводовъ имѣютъ собственныя свекловичныя плантаціи [1]).

Хотя *красильно-набивное* крупное производство, находящееся въ тѣсной географической и технической связи съ бумагопряд. и шерсто-ткацкимъ производствами, охватываетъ 31 губернію, но оно сконцентрировано больше даже, чѣмъ бумаго-прядильное и сахаро-рафинадное производства: изъ общей производительности въ $105{,}_7$ милл. р.—$89{,}_2$ милл. ($84{,}_4$%) приходится на одинъ *Московскій* районъ [2]); изъ остальныхъ же $27{,}_7$ милл. р. $9{,}_{04}$ м. приходится на 5 губ. *Привислянскаго* края,—$6{,}_{48}$ м. на 4 губ. *С.-Петербургскаго* района,—$0{,}_{39}$ милл. р. на 6 восточныхъ губерній,—$0{,}_{41}$ м. на 3 губ. внѣ-район. и, наконецъ, на 6 губерній интересующаго насъ района (*Херсонскую*, *Екатеринославскую*, *Таврическую*, *Харьковскую*, *Кіевскую* и *Подольскую*) приходится всего $0{,}_{18}$ милл. р. или $0{,}_1$% всего обще-русскаго производства, при чемъ каждая изъ этихъ губерній въ отдѣльности доставляетъ отъ $0{,}_{105}$ до $0{,}_{007}$ милл. рублей.

Можно было бы ожидать, что болѣе благопріятно въ южномъ районѣ положеніе *шерстоткацкаго* производства. Оказывается, однако, не то. Производство это сконцентрировано лишь въ 4 губерніяхъ:

---

[1]) Во второй половинѣ 70-хъ годовъ только около 1/3 продуктовъ доставлялась заводамъ со стороны; съ половины же 80-хъ годовъ величина эта поднялась до 57—58% всей площади (въ среднемъ).

[2]) Да и изъ семи губерній *Московскаго* района *Московская* и *Владимірская* губерніи доставляютъ около 4/5 обще-русскаго производства—$85{,}_4$ милл. р.

Московской, *Петроковской*, *С.-Петербургской* и *Гродненской*, на долю которыхъ изъ общей производительности въ $72,_4$ милл. р. приходится $57,_4$ милл. ($79,_4$%), а затѣмъ уже мелкими долями оно распространено въ большемъ количествѣ губерній; въ числѣ послѣднихъ приходится: на 2 малоросс. губерніи (*Харьковскую* и *Черниговскую*) $1,_{63}$ милл., 3 Юго-Зап. (*Кіевскую*, *Волынскую* и *Подольскую*) $0,_{65}$ м. на 2 Новоросс. губ. (*Екатеринославскую* и *Бессарабскую*) $0,_{035}$ милл. р. Въ такомъ распредѣленіи производства авторъ справедливо находитъ указаніе на то, что развитіе его происходитъ не въ тѣхъ мѣстностяхъ страны, въ которыхъ то представлялось бы ему наиболѣе удобнымъ по условіямъ производства сырья».

Къ сожалѣнію, въ болѣе благопріятномъ положеніи южныя губерніи оказываются по отношенію къ *водочному* производству. Изъ общей суммы производительности въ $83._6$ милл., распредѣленной по 64 губерніямъ, на этотъ районъ приходится $11,_5$ милл. р. ($13,_8$%), а именно: на 3 Юго-Зап. губерніи $7,_6$ милл. р., на 4 Новоросс. губ. [1])—$2,_2$ милл. и на 2 Малоросс. губ. [2])—$1,_7$ м.

Крупное *машиностроительное* дѣло, замѣтно развивающееся у насъ лишь съ недавняго времени, распространено въ 69 губерніяхъ; главнымъ же «гнѣздомъ» его являются 3 губерніи: *С.-Петербургская*, *Московская* и *Варшавская*, поглощающія изъ общей суммы годовой производительности въ $52,_7$ милл. р. $31,_1$ милл. (59%). Изъ остальныхъ $21,_6$ милл. р., распредѣляемыхъ по 66 губерніямъ, приходится: на *Кіевскую* губ.—$2,_5$ милл. р. на 3 Новоросс. губ. [3])—$3,_9$ м., на *Бессарабскую* и *Таврическую* губерніи—$0,_8$ милл. р. и на Малороссію—$0,_5$ милл. р.—Нельзя не отмѣтить того любопытнаго факта, что при экстраординарномъ «покровительствѣ», оказываемомъ у насъ машиностроенію, обширная сѣть нашихъ жел. дорогъ развила его всего на $12,_6$ милл. р., а машиностроеніе пароходства—на $12,_7$ м. р., сельско-хозяйственное же машиностроеніе нашей обширной земледѣльческой страны поглощаетъ всего $4._7$ милл. р.! Интересно, что $1,_6$ милл. р. или $^1/_8$ всего желѣзнодорожнаго машиностроенія приходится на *Кіевскую* губернію, да больше $^1/_{10}$ машиностроенія пароходства—на 2 Новоросс. губерніи [4]); на Новороссійскій край приходится около $^3/_5$ сельско-хозяйственнаго машиностроенія.

---

[1]) *Донскую*, *Екатеринославскую*, *Херсонскую* и *Таврическую*.

[2]) *Харьковскую* и *Черниговскую*.

[3]) *Херсонскую*—$1,_7$ м. р. *Екатеринославскую*—$1,_2$ м. р. и *Донскую*—$1,_0$ м. р.

[4]) *Херсонскую* и *Донскую*.

Цѣлая четверть *кожевеннаго* производства, распространеннаго въ 79 губерніяхъ, сосредоточена въ *Петербургѣ* и *Варшавѣ*; эти 2 центра вмѣстѣ съ занимающими слѣдующее за ними мѣсто *Вяткой* и *Москвой* изъ 32 милл. р. всего производства поглощаютъ $13,_{7}$ м. р., оставляя лишь $19,_{2}$ милл. р. на остальныя 75 губерній, выдающееся мѣсто (2-е) между которыми занимаетъ *Херсонская* губернія съ производствомъ въ $1,_{5}$ милл. р. и *Кіевская*—съ производствомъ въ 1 милл. р.

Обращаясь, наконецъ, къ производству *желѣзодѣлательному* (со сталелитейнымъ и рельсовымъ), мы видимъ, что послѣ *Урала*, три губерніи котораго поглощаютъ изъ всей производительности въ $74,_{6}$ милл. р. $21,_{9}$ милл. ($29,_{3}$%), *второе* мѣсто занимаетъ *Екатеринославская* губернія, на долю которой приходится $13,_{6}$ милл. р. ($18,_{2}$%), и что Пріуралье и Новороссія доставляютъ половину продукта, обработ. во всей странѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не резюмировать выводовъ автора относительно того, какъ *администрируется* наша крупная промышленность.—Оказывается прежде всего, что иностранцы-завѣдующіе отнюдь не преобладаютъ: они въ общемъ составляютъ отъ $17,_{4}$% до $1,_{8}$% общаго числа завѣдующихъ. Далѣе мы видимъ, что пресловутая «практическая смѣтка» стушевываетъ «теорію» и знаніе, оттѣсняя ихъ на задній планъ, а отъ завѣдующихъ фабриками и заводами рѣдко требуется техническая подготовка. Лицъ съ такой подготовкой мы находимъ больше всего въ группѣ металлическихъ производствъ, гдѣ они составляютъ $28,_{6}$% всего числа завѣдующихъ, а въ группѣ химическихъ производствъ—$27,_{5}$%, затѣмъ въ группѣ обраб. волокн. веществъ они составляютъ $10,_{8}$%, въ гр. обраб. дерева—$8,_{8}$%, въ гр. керамич. производствъ—$4,_{8}$%, обраб. питат. продуктовъ—$3,_{1}$%, а обраб. животныхъ продуктовъ—$1,_{1}$%!—Назидательно далѣе и то, что число лицъ съ технической подготовкой между завѣдующими-русскими гораздо меньше, чѣмъ между завѣдующими-иностранцами, и что чѣмъ больше какое производство нуждается въ технически подготовленной администраціи, тѣмъ чаще встрѣчаются въ немъ иностранцы. Въ общемъ, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что «значеніе иностранцевъ въ нашей индустріи возрастаетъ и падаетъ при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ происходятъ совершенно тѣ же колебанія въ значеніи русскихъ, имѣющихъ спеціальную подготовку».

С. Ч—ій.

Этнографическое Обозрѣніе. Изд. этногр. отд. Импер. общ. любит. естеств., антроп. и этнографіи подъ ред. Н. А. Янчука. Москва. 1894 г. № 1—4 (книги XX—XXIII).

Изъ статей и матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, въ московскомъ этнографическомъ журналѣ за прошлый годъ необходимо указать слѣдующіе:

Изслѣдованіе *Н. Ѳ. Сумцова* «Сказки и легенды о Маркѣ Богатомъ» (№ 1). Сказка о Маркѣ Богатомъ и Василіѣ Безсчастномъ широко распространена не только въ Малороссіи, но и по всей Россіи, записана во многихъ варіантахъ, проникла въ пословицы и поговорки и подверглась литературной обработкѣ. Ѳ. И. Буслаевъ высказалъ мнѣніе, что источникомъ для нея послужило одно слово изъ Патерика, помѣщенное въ прологахъ; Афанасьевъ относилъ происхожденіе легенды къ глубокой доисторической древности, но основывалъ это мнѣніе на однихъ миѳологическихъ гаданіяхъ. Въ своемъ изслѣдованіи проф. Сумцовъ, разсмотрѣвъ отысканные имъ многочисленные варіанты сказки на востокѣ и въ западной Европѣ, пришелъ къ заключенію, что древнѣйшимъ источникомъ ихъ была индійская повѣсть, восходящая къ VI вѣку. «Въ очень давнее время, говоритъ онъ, индійская повѣсть получила популярность на мусульманскомъ Востокѣ, была даже пріурочена къ личности Магомета, и затѣмъ съ Востока многими путями пошла въ Европу, гдѣ получила самостоятельную разработку, въ западной Европѣ—въ видѣ чрезвычайно популярной легенды, въ восточной—преимущественно въ видѣ народной сказки, въ зависимости, можетъ быть, отъ того, что въ западной Европѣ главнымъ разсадникомъ легенды была письменность, а въ восточной устная передача». Изъ западной Европы легенда въ свою очередь проникла въ Россію обратно. Въ № 2. «Этногр. Обозр.» авторъ напечаталъ дополненія и поправки къ настоящей статьѣ.

Въ томъ-же № 2 *П. И.* снова выступаетъ съ своимъ интереснымъ собраніемъ матеріаловъ изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ, собранныхъ въ купянскомъ у. харьковск. губерніи. «Въ напечатанной здѣсь седьмой части собранія, почтенный этнографъ знакомитъ читателя съ народными представленіями о странствованіяхъ души по мытарствамъ, о посѣщеніи ею живыхъ родственниковъ, о значеніи молитвы и милостыни для облегченія мученій умершихъ (при чемъ сообщаетъ разсказъ о видѣніи одной женщины, которая «замирала»),

о значеніи «родильныхъ» сорочекъ и поминальныхъ обѣдовъ; далѣе приводитъ разсказы о винѣ, какъ источникѣ грѣха, объ ангелѣ-хранителѣ, о томъ, почему не годится на пасху брать онучею горшки изъ печи (въ этомъ послѣднемъ разсказѣ фигурируетъ птичка съ человѣчьей головою), о томъ, какъ человѣкъ, втеченіе семи лѣтъ не пропустившій ни одной церковной службы, увидѣлъ Бога, въ видѣ старца, попросившаго его поставить передъ иконой свѣчку, о смерти людей, знавшихся съ чортомъ, о несчастіяхъ, постигающихъ людей, въ чемъ либо отступившихъ отъ установившагося кодекса сельской жизни; среди разсказовъ на эту послѣднюю тему мы нашли разсказъ о томъ, какъ сыновья приросли къ матери за недостатокъ любви къ ней; разсказъ этотъ мы слышали лѣтомъ 1892 года въ с. Михайловкѣ александрійскаго у., херсонск. г., какъ о случаѣ недавнемъ; въ концѣ статьи рѣчь идетъ о хожденіи антихриста и св. Петра по землѣ передъ концомъ свѣта и о страшномъ судѣ. Собраніе почтеннаго купянскаго этнографа заключаетъ въ себѣ, по обыкновенію, много новаго интереснаго, такъ что замѣчаніе его объ «относительной бѣдности и кажущейся общеизвѣстности сущности» приводимыхъ имъ разсказовъ кажется намъ напраснымъ.

В. Ѳ. Миллеръ продолжаетъ печатать свои «Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ». Помѣщенная въ № 3 «Этн. Обозр.». XV глава имѣетъ предметомъ преданія объ исцѣленіи Ильи Муромца. Разсмотрѣвъ извѣстные былинные пересказы этого мотива, проф. Миллеръ сдѣлалъ наблюденіе, что они либо лишены метрическаго склада, либо отличаются путанностью содержанія. Затѣмъ онъ изучаетъ многочисленные (болѣе 20) варіанты сказокъ объ Ильѣ, между прочимъ три малороссійскіе; эти послѣдніе онъ считаетъ продуктомъ заноса изъ Великороссіи и не придаетъ имъ никакого значенія въ вопросѣ о южномъ происхожденіи Ильи; одна изъ нихъ, по его замѣчанію, уснащена мотивами сказки о Ерусланѣ, другая содержитъ лишь змѣеборство (очень распространенный сказочный мотивъ), третья—Илью разбойника, спасающагося покаяніемъ. Изученіе сказокъ объ Ильѣ приводитъ автора къ заключенію, что сказки не передѣланы изъ былинъ, а, напротивъ, въ былины эпизодъ объ исцѣленіи Ильи проникъ изъ сказокъ, и въ устахъ сказителей подвергся поверхностной былинной окраскѣ. Мотивъ полученія силы черезъ чудесное питье, безъ пріурочиванія къ Ильѣ, широко распространенъ въ сказкахъ не только въ Россіи, но и въ западной

Европѣ, и въ Азіи. Къ имени національнаго богатыря онъ пріуроченъ, по предположенію автора, не ранѣе XVII в.

Въ томъ же № 3 *Н. Ѳ. Сумцовъ* помѣстилъ статью «Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Мошинской (Матеріалы для библіографіи сказокъ»). Въ ней онъ разсматриваетъ IV томъ «Pokucia» Кольберга и сборникъ Мошинской «Bajki i zagadki ludu ukraińskiego», который содержитъ матеріалы, записанные въ таращанскомъ и васильковскомъ у. Сказочные мотивы, встрѣчающіеся въ этихъ книгахъ, авторъ прослѣживаетъ въ другихъ сборникахъ.

Проф. *А. А. Кирпичниковъ* имѣетъ похвальное обыкновеніе дѣлать вырѣзки изъ газетныхъ сообщеній, имѣющихъ предметомъ суевѣрія не только въ народной массѣ, но среди образованнаго общества. На основаніи этихъ сообщеній лѣтъ десять назадъ онъ составилъ статью «Далеко ли мы ушли отъ миѳологическаго міросозерцанія»? («Новь», № 1). Въ № 4 «Этн. Обозр.», на основаніи вновь накопившагося такимъ путемъ матеріала, почерпнутаго преимущественно изъ южно-русскихъ газетъ, онъ напечаталъ новую статью «Очерки по миѳологіи XIX вѣка». Здѣсь рѣчь идетъ о вѣрѣ въ волшебные способы лѣченія въ силу чаръ и въ гадалокъ, какъ о пережиткахъ языческой старины, о чертяхъ, о кончинѣ міра и объ антихристѣ, о явленіяхъ Богоматери и прочихъ остаткахъ средневѣковыхъ понятій, о случаяхъ, когда суевѣріе принимаетъ повальный, массовый характеръ: войнахъ кончинахъ государей, эпидемическихъ болѣзняхъ; въ заключеніе авторъ говоритъ о вѣрѣ въ сны и предсказанія, въ способность видѣть съ закрытыми глазами и пр. Иногда онъ прибѣгаетъ къ литературнымъ сближеніямъ, охотнѣе съ памятниками византійской литературы.

Изъ мелкихъ замѣтокъ, касающихся юга Россіи, можемъ отмѣтить: «Преданія о Кармелюкѣ» *А. Малинки* (№ 1) и некрологъ Ом. Огоновскаго, написанный *А. Крымскимъ*.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ, по обыкновенію можно найти довольно отзывовъ о книгахъ по югу Россіи и отчетовъ о южно-русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Не можемъ, однако, не пожалѣть о томъ, что съ нѣкотораго времени отчеты о газетахъ и журналахъ сдѣлались замѣтно короче прежняго, и содержаніе газетныхъ статей стало передаваться рѣже.

В. Ястребовъ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. VIII. Спб. 1894. 8°.

Въ восьмой книгѣ неустанно продолжающагося труда г. Н. Барсукова есть нѣсколько, свѣдѣній небезынтересныхъ и для «Кіевской Старины». Къ числу подобныхъ принадлежитъ, напр., разсказъ, какъ Погодинъ оставилъ секретарство въ Обществѣ Ист. и Др. Российск. и какъ вмѣсто его былъ избранъ Бодянскій (стр. 149).—«Какъ іслѣдовало ожидать, говоритъ біографъ Погодина, отношенія между старымъ и новымъ секретарями образовались самыя враждебныя. Первымъ поводомъ къ тому была *малороссійская лѣтопись.* По этому поводу въ дневникѣ П—на записано: «представилъ я Обществу Ист. и Др. Р. малороссійскую лѣтопись Велички и предложилъ ее напечатать, поруча изданіе, по взаимному согласію, Бодянскому. Когда предложеніе было принято, я объявилъ своимъ условіемъ предоставленіе въ мою пользу сотъ двухъ экземпляровъ. Графъ С. Г. Строгоновъ, какъ предсѣдатель, никакъ не хотѣлъ согласиться, говоря, что эти экземпляры повредятъ экземплярамъ издателя. Напрасно я возражалъ ему, что этого не можетъ быть, ибо если изданіе пойдетъ, то, какъ мои, такъ и его экземпляры продадутся одинаково; если же не пойдутъ, то останутся въ нашихъ рукахъ одинаково. Спросите самого Бодянскаго, а *плутъ хохолъ* Бодянскій молчалъ»... Далѣе приводится прелюбопытный разговоръ П—на съ гр. Строгоновымъ, какъ послѣдній отказалъ первому возвратить лѣтопись Величка, какъ П—нъ грозилъ, что онъ запишетъ въ своемъ дневникѣ, что гр. Строгоновъ среди бѣлаго дня отнялъ у него, П—на, его рукопись и какъ Строгоновъ, «крутя свой усъ», замѣчаетъ, что онъ, какъ попечитель, не совѣтуетъ П-ну этого дѣлать. Однакожъ Величко былъ возвращенъ П—ну. Въ 1846 г. Бодянскій снова предлагалъ послѣднему издать эту лѣтопись, обѣщая собственнику рукописи уже триста экземпляровъ книги (стр. 399), но дѣло почему то не сложилось и на этотъ разъ. Лѣтопись Величка, какъ извѣстно, была напечатана въ Кіевѣ здѣшней Археогр. Коммиссіей, причемъ П—нъ, не получивъ и одного экземпляра изданнаго перваго тома лѣтописи, писалъ въ 1848 г. Максимовичу: «Рукопись (Величка) моя, а мнѣ ее (напечанной книги) не присылаютъ, и увидѣлъ (книгу) нынѣ нечаянно въ книжной лавкѣ. Хорошо! А въ

предисловіи хоть бы плюнули мнѣ! [1]). Такимъ образомъ никакой пользы съ изданія Величка П—нъ не извлекъ... Лѣтопись эту П—нъ пріобрѣлъ въ 1840 г. и тогда же хвалился своею находкою Максимовичу [2]). Еще до изданія Величка, имъ уже пользовался г. Кулишъ, какъ видно изъ Погодинскаго дневника. «Пріѣхалъ (6 ноября 1846 г.) Кулѣшъ и просилъ малороссійской лѣтописи (т. е. Величка). Пригласилъ остановиться у себя, чтобы разсмотрѣть ее. Нашелъ онъ тамъ прекрасныя вещи. Не хотѣлось мнѣ, чтобы онъ (Кулишъ) легъ спать въ кабинетѣ, какъ будто для того, чтобы непомѣшать явленію Лизы, которую я всегда, ожидаю [3]). Но въ другой комнатѣ холодно»... Погодинъ воспользовался посѣщеніемъ г. Кулиша, получивъ отъ него обѣщаніе сдѣлать вкладъ въ *Москвитянинъ*, которое однакожъ не было исполнено, какъ это видно изъ слѣд. письма бывшаго гостя къ П—ну: «Мнѣ очень совѣстно передъ вами, что я не могъ доставить вамъ для *Москвитянина* письма Грабовскаго (Михаила) [4]) о Гоголѣ; а не могъ я доставить вамъ его потому, что лишь только перевелъ и показалъ Петру Александровичу (Плетневу), П. А—чъ послалъ его въ типографію и велѣлъ набирать; послѣ уже онъ хоть и узналъ, что это письмо обѣщано мною вамъ, но брать назадъ изъ типографіи было неловко. Въ замѣну того посылаю отрывокъ изъ моего романа (конечно—«Черная Рада»), замѣчательный въ томъ отношеніи, что представляетъ картину старинныхъ украинскихъ обычаевъ, основанную на прилежномъ изученіи старины. Покорнѣйше прошу васъ не выпускать ни одного примѣчанія. Пусть меня упрекаютъ въ педантизмѣ, но я имѣю свои резоны. Будьте такъ добры, М. П., велите переписать означенныя мною изъ лѣтописи Величка мѣста и сообщите мнѣ. Это послужитъ мнѣ и для романа, и для многихъ другихъ занятій. Если хотите, я напишу статью объ украинскихъ лѣтописяхъ для *Москвитянина*»... Затѣмъ, по напечатаніи «Исторіи Русовъ» въ Чтеніяхъ Водянскимъ, г. Кулишъ пишетъ П—ну: Видѣлъ я *Чтенія* вашего Общества Исторіи. Не понимаю только, зачѣмъ историческіе малороссійскіе источники начаты съ лѣтописи

---

[1]) Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу. Изд. Акад. Наукъ Спб. 1882. Стр. 49.

[2]) Тамъ же, стр. 24.

[3]) Говорится о первой женѣ Погодина, умершей за годъ передъ тѣмъ..

[4]) Автора книжекъ Literatura i krytyka, изд. въ Вильнѣ, 1837—408 г.

Конисскаго, тогда какъ мы имѣемъ источники въ болѣе строгомъ значеніи этого слова, т. е. сочиненія не прагматическія. Нельзя ли мнѣ какъ нибудь примкнуть къ вашему историческому обществу? Я приготовилъ бы для печати одинъ украинскій современный мемуаръ о войнахъ Хмельницкаго и о междоубіяхъ, бывшихъ въ Украинѣ по его смерти. Эта лѣтопись, напечатанная въ слѣдъ за Конисскимъ, была бы лучшимъ объясненіемъ *Исторіи Руссовъ*. На основаніи этихъ двухъ сочиненій можно будетъ многое сказать не только о фактахъ исторіи Украйны, но и о направленіи, принятомъ этою исторіею въ смыслѣ науки». Познакомившись съ *Исторіей Русовъ*, самъ П—нъ записалъ въ дневникѣ: «Прочелъ съ удовольствіемъ Конисского, что за ужасы дѣлали тамъ наши герои и Петръ». (Стр. 401).

А. Л.

Какъ высохла наша степь. А. А. Измаильскаго. Полтава. 1893. 8° 68 стр.

Содержаніе этой интересной брошюры видно изъ слѣдующихъ выписокъ. «Исторія свидѣтельствуетъ, что сравнительно еще недавно южнорусская степь была покрыта гигантскою растительностью, въ которой могъ скрываться всадникъ, а по свидѣтельству знатока нашихъ южныхъ степей, И. Палимпсестова, мѣстные старожилы еще помнятъ, когда сырая земля лежала не глубже одного аршина, а грунтовыя воды находились на глубинѣ отъ 6 до 9 аршинъ. Теперь же, въ тѣхъ же херсонскихъ степяхъ—вода находится на глубинѣ отъ 15 до 20 саженей, при чемъ она нерѣдко соленая. Многія литературныя указанія подтверждаютъ, что изсушеніе степи произошло чуть не на глазахъ мѣстныхъ старожилъ. Этотъ фактъ сравнительно недавняго обѣднѣнія грунтовыми водами нашихъ степей можно считать вполнѣ установленнымъ, и разногласіе является лишь въ объясненіи причинъ этого явленія. Какъ на главную причину, нѣкоторые указываютъ на происшедшее будто-бы измѣненіе климата въ этихъ мѣстностяхъ, которое стоитъ въ связи, по ихъ мнѣнію, съ уничтоженіемъ лѣсовъ. Вполнѣ согласенъ, что лѣса имѣютъ громадное вліяніе на климатъ; но до сихъ поръ мы еще не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, что степи южной Россіи изобиловали лѣсами, и что, наконецъ, климатъ этой мѣстности дѣйствительно измѣнился».

Авторъ брошюры производилъ многочисленныя изслѣдованія надъ влажностью почвы въ херсонской и полтавской губерніяхъ. Сводъ добытыхъ такимъ образомъ свѣдѣній далъ возможность ему сдѣлать нѣкоторыя любопытныя заключенія.— «Еще въ 1882 году, говоритъ г. Изм—кій на основаніи своихъ изслѣдованій влажности почвъ въ херсонской грберніи, въ своей статьѣ «Влажность почвы въ связи съ культурнымъ ея состояніемъ», я высказалъ слѣдующее предположеніе: «Прежняя степь со своею гигантскою растительностью должна была имѣть для края не меньшее значеніе, чѣмъ то, которое признается теперь за лѣсами. Въ настоящее время, по прошествіи 10-ти лѣтъ, въ теченіи которыхъ я почти непрерывно продолжалъ заниматься изслѣдованіями влажности почвъ, я долженъ сказать, что высказанное мною предположеніе вполнѣ подтвердилось послѣдними моими изслѣдованіями. Очевидно, что степь, покрытая сплошь непролазными ковылями, а мѣстами обширными зарослями бобовника, дерезы и степной вишни, совершенно иначе относилась къ выпадающимъ атмосфернымъ осадкамъ, въ какой бы сферѣ эти осадки ни являлись, чѣмъ настоящая степь. Ливни, столь разрушительные для настоящихъ степей, въ прежнее время не только не вредили имъ, но, напротивъ, обогащали ихъ почву влагою на значительную глубину. Мнѣ приходилось бывать весною въ такихъ дѣвственныхъ ковыльныхъ степяхъ и, не смотря на то что я уже былъ, такъ сказать, подготовленъ встрѣтить въ такой степи могущественнаго фактора обводненія почвы, видѣнное мною превзошло всѣ мои ожиданія. Въ то время, когда рѣки уже прошли, по дорогамъ уже неслась пыль, а въ полѣ торопились посѣвомъ, чтобы захватить дорогую весеннюю влагу, въ ковыльной степи еще мѣстами бѣлѣлъ снѣгъ, а почва въ этой гигантской заросли была настолько сыра, что проѣздъ по ней становился совершенно невозможнымъ».

«По увѣренію мѣстныхъ жителей, ковыльная степь даже въ малоснѣжныя зимы набита снѣгомъ, но видѣнная мною степь еще не могла быть названа дѣвственною степью, такъ какъ въ значительной степени была сбита скотомъ. Настоящую же дѣвственную степь, чтобы воспользоваться ею, какъ пастбищемъ, приходится предварительно выжигать.. Дѣвственная степь, продолжаетъ авторъ, обладала совершенно иными свойствами сравнительно съ теперешними. Она была не менѣе приспособлена къ использованію выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ, независимо отъ характера этихъ осадковъ, чѣмъ лѣсная почва. Въ дѣв-

ственной степи всѣ условія благопріятствовали, какъ и въ лѣсу, задержанію влаги и сохраненію ея отъ испаренія. Для хозяина такая степь представляла многія неудобства: въ ея гигантской растительности трудно было наблюдать за животными, а эти послѣднія въ старыхъ зарасляхъ ковыля съ трудомъ добирались до мягкаго нѣжнаго травянаго подсѣда, наконецъ, обработка такой степи требовала большихъ усилій отъ хозяина, а полезныя свойства этихъ первобытныхъ степей хозяиномъ не сознавались; поэтому немудрено, что хозяинъ какъ бы торопился освободиться отъ столь неудобныхъ пространствъ: онъ палилъ степь, выбивалъ ее скотомъ, а затѣмъ распахивалъ; снявши нѣсколько урожаевъ, вновь оставлялъ ее заростать дикою растительностью, которую выбивалъ своимъ скотомъ, не давши достаточно окрѣпнуть».

Совершенно понятно, что чѣмъ чаще и чаще повторялись подобныя операціи надъ степью, тѣмъ труднѣе и труднѣе она послѣ нихъ оправлялась, и тѣмъ болѣе ослабѣвала ея растительность, не достигая уже прежнихъ гигантскихъ размѣровъ. Сначала исчезли кустики, а затѣмъ ослабѣли заросли ковыля, вытѣсняемыя другими растеніями, покрывающими теперешнюю степь... Рисуя такую картину воспитанія южнорусской степи, авторъ какъ бы упускаетъ изъ виду главную причину исчезновенія ковыльной степи — ея заселеніе человѣкомъ...

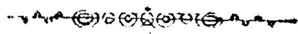
А. Л.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга VIII. Изд. подъ ред. П. В. Владимірова. К. 1894.

Крупнымъ событіемъ въ жизни Общества Нестора Лѣтописца было утвержденіе въ концѣ 1893 г. новаго устава, который и приложенъ къ настоящей книжкѣ. Уставъ этотъ расширилъ права общества и внесъ много измѣненій въ его организацію. Общество пріобрѣло право открывать платныя публичныя чтенія по программамъ, утвержденнымъ совѣтомъ общества, и право учреждать особыя отдѣленія по спеціальностямъ. Нужно надѣяться, что общество не за-

Въ послѣднемъ отдѣлѣ библіографіи В. И. Щербина разсматриваетъ «Archiwum domu Sapiehów,» изданный подъ редакціей А. Прохаски, а П. А. Ивановъ разбираетъ книгу г. Лонгинова «Князь Өедоръ-Любартъ Ольгердовичъ».

Е. К



СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLVIII, 1895 г. Январь, Февраль и Мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

Пятокъ. 6. Сей день былъ дожчеватий, такова жъ и ночъ, къ свѣту стало перебиратись. Атамана Верегинскаго братъ Ситниченко послалъ куріеромъ въ Москву и черезъ оного писалемъ до Курбатова, до Камѣнского, упоминаючи его, а до Каратаева, чтобъ щиталъ его и денги къ себѣ принялъ. Да до Каратаева въ другое, чтобъ конфектъ пурґуючихъ syrop.... soluf.... купивши, приелалъ; такъже и стекло до часовъ, для чего пуделко черезъ его жъ послалемъ и денегъ 2 р., что самъ ему куріеру отдалемъ. Ѳедору Дорошенку, мужику села Погаричъ, за прийшлий 1731 годъ, за сѣножать 3 р.

Субота. 7. Сей день былъ похмурний, а ночъ похмурна, а потомъ дожчевата зъ силнимъ дожчемъ; къ свѣту вѣтеръ восточний зъ метелицею снѣжною и холодъ. Сегодня рано ездилемъ въ городъ и былъ у ясневел., оттуду зъ п. Михайломъ, братомъ, у Михайла Івановича Жураховского, подполковника сего полку, и обѣдали, а по обѣдѣ повернулемся позно домой.

Неделя. 8 Сего ранку сталъ вѣтеръ силний, межи полноччю и востокомъ, и метель снѣжная, которая черезъ у весь день и ночъ тривала зъ силнимъ морозомъ, отъ котораго рѣка стала. Обѣдалисмо въ князя и продновали, и подпивали, что братъ его Михайло именинникъ.

Понеделокъ. 9. Сей день былъ свѣтлий, але зъ морозомъ жестокимъ и снѣгъ малий прорывался, такова жъ и ночъ. Сегодня обѣдалемъ у себе и со мною Василь Думитрашко. Позичилемъ Василю Думитрашку 5 червонних, 3 ґаланскихъ, а 2 цесарскихъ.

Вовтор. 10. Сей день былъ холодний велми и ночъ, а свѣтліе и погодніе. У князя былъ банкетъ, где гетманъ и протчіе били для того, что въ такомъ днѣ женился онъ на княгинѣ, чему теперъ годовъ 9. Гетманъ промовалъ мене въ комиссари енералніе и милостивъ оказался.

Середа. 11. Сей день и ночь также свѣтліе и збитъ холодніе били, якъ и прежніе. Обѣдалисмо оба зъ родителемъ у князя, а по обѣдѣ билъ у мене Славуй; потомъ ходилемъ черезъ ліодъ, пѣшо, въ городъ до п. Михайла.

Четвер. 12. Сей день былъ такъ же студений къ вечеру и ночъ мало отлигла. Обѣдалисмо у себе, а родитель у князя; вечералисмо у сестри на пастовнику. Несторовичъ пріехалъ зъ Подолова отъ компанѣи веселной брата Марка, простуючого въ Роменъ зъ новобрачною своею женою, которому послалемъ 5 талярь бит. Несторовичу далемъ 2.

Пятокъ. 13. Сей день погодний, а особливо ясний, къ вечору толко морозъ не таковъ. Ночъ погодна жъ, а къ свѣту вѣтеръ, съ полудня и снѣгъ. Билемъ рано въ городѣ и у п. Михайла, где жиду Палѣевскому говорили, чтобъ бунчучний призвалъ его спросить его о претенсѣи, якую онъ сказивалъ на 800 р.

Субота. 14 Сей день былъ снѣжний почитать увесь, зъ отлигою, такова жъ и ночъ, и снѣгъ випалъ такий, что безъ нужди можно ехать. Обѣдалемъ у ясневел., а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ пріехали до князя, где застали родителя, сестру Уляну и жену, тамъ обѣдавшихъ.

Неделя. 15. Сей день былъ снѣжний, къ вечеру вѣтеръ зъ силнимъ зъ жестокимъ морозомъ, и черезъ ночъ оний тривалъ до другого дня. Обѣдалемъ у ясневел., а по обѣдѣ ездилемъ до сестри на пастовникъ, где и п. Михайло зъ панею своею и Люка пріехавшій игралисмо веи въ карти, въ сенкилѣю, тутъ же вечерали и ночовали. Юско посланъ въ поля и въ Роменъ, и данъ ему приказъ въ 11 пунктахъ.

Понеделокъ. 16. Сей день билъ вѣтряний зъ морозомъ жестокимъ и ночъ холодна и тиха. Обѣдалисмо у сестри, а по обѣдѣ играли у карти зъ проиграшомъ Люки, и потомъ розехались по домамъ.

Вовтор. 17. Сей день былъ студений, але безъ великого вѣтра, ночъ тиха. Обѣдалисмо сами, а род. у князя. Призивали жида Лейбу въ Палѣевскомъ дѣлѣ, миръ хотячи учинить, который опрочъ 800 р. меншъ не хочетъ.

Середа. 18. Сей день былъ и ночъ противъ вчорайшого. Князь Шаховскій мирилъ жида Лейбу отъ нашой сторони и давалъ ему 500 р., однакожъ онъ не схотѣлъ, а просилъ 600 р. Обѣдали

мы зъ род. у князя, а по обѣдѣ пріехалъ п. Михайло, потомъ я пойшовши оттоль, виправилъ жену, поехавшую въ Новгородокъ до сестри болѣзнуючой п. Григоріевой и поехалъ самъ до брегадира, где мало посидѣвши, повернулся назадъ. Манджула повернулся изъ Москви, отпущенніе рѣчи отъ Камѣнского привезлъ, а именно: цугъ шоръ въ 40 р., чаю фунтъ, 6 пуд. и 15 фунт. штар. (?) перцю и имберу по полпуда, вина красного 10 бутилокъ, стуловъ 6, а семий зъ поренчами, штани старіе, гвоздя желѣзного 4000, замковъ 5, полумисковъ 3 и талѣрка 1, лѣхтаровъ мосіенжнихъ 2, крашенини разнихъ цвѣтовъ 24 конца, а въ нихъ аршинъ 152.

Четвер. 19. Сей день и ночъ были студеніе и мало вѣтраніе, по вчорайшому. Обѣдалемъ сегодня у себе и со мною Александеръ, а у вечеру ездилемъ до сестри, где и вечералемъ и доволно посидѣли зъ нею и тіоткою Кондзеровскою.

Пятокъ. 20. Сей день былъ холоденъ же, да снѣгъ ишолъ, такъ же и ночъ снѣжна была. Никуда зъ дому не ездилемъ, а пріездилемъ ко мнѣ братъ п. Мих. и сестра.

Субота. 21. Сей день былъ теплѣйший противъ прежнихъ, такъ же и ночъ. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ зъ Люкою до п. Михайла, где играли въ карти зъ проиграшомъ Лючинимъ.

Неделя. 22. Сей день былъ теплого, мокрого и дожчеватого воздуха, а въ вечеру и въ ночѣ и къ свѣту—дожчъ ишолъ переривцемъ. Обѣдалемъ у ясневел., а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ и панею его и Люкою ездилемъ до сестри и тамъ играли въ карти долго, а потомъ и заночовали.

Понеделокъ. 23. Сей день былъ теплій, заперва свѣтлій, а потомъ мокрий, ночъ едва не вся дожчевата, къ свѣту морозъ. Обѣдалемъ сегодня у себе, и нигде не былемъ.

Вовтор. 24. Сей день былъ холодноватъ почасти, толко жъ воздухъ мокръ, такова и ночъ. Былемъ рано у князя на молебнѣ и у гетмана, обѣдалемъ въ дому. У вечеру такожъ былемъ у князя. Ярема посланъ знову въ Новгородокъ зъ листомъ до жени и до п. Якова швакгра, писанними отъ мене.

Середа. 25. Сей день былъ тепломокрий, такова жъ и ночъ, толко къ свѣту морозецъ и снѣгъ. Обѣдалъ родитель со мною, а у вечеру была сестра Уляна Івановна и п. Мих. Присланъ зъ Крисіокъ утекшій отсюду ключникъ.

Четвер. 26. Сей день былъ зъ снѣгомъ сперва и зъ морозцемъ, ночъ тиха безъ снѣгу. Обѣдалемъ въ дому и со мною Люка, а по обѣдѣ поехалемъ до п. Михайла, брата, где пріехала и сестра, и играли въ карти въ сенкилѣю, а по отездѣ ея, сестри, ночовалемъ тамъ же.

Пятокъ. 27. Сей день сперва тихъ, а потомъ зъ снѣгомъ и черезъ ночъ снѣгъ же ишолъ, такъ что знову дорога санная стала добрая уже, въ третій разъ. Не ездилемъ никуда, но всегда въ дому билемъ.

Субота. 28. Сей день былъ снѣжний, ночъ свѣтла и снѣжна, и холодна. Обѣдалисмо зъ родителемъ въ дому и Александеръ тутъ же, зъ которимъ и въ банѣ мился.

Неделя. 29. Сей день былъ снѣжний и холодний, ночъ безъ снѣгу. Обѣдалемъ у ясневел., а оттоль ездилемъ до сестри, отколь зъ п. Михайломъ до князя пріездили за дѣломъ Палѣевскимъ и назадъ ко мнѣ прийшли.

Понеделокъ. 30. Сей день былъ холодний, а ночъ холоднѣйша и погодна. Обѣдали у насъ князь и проч. великороссійскіе и подпіяхомъ ради именинъ родителскихъ. Братъ пянъ пріехалъ.

М-цъ Декаврій. Вовтор. 1. Сей день былъ погодний, але холодний, ночъ холоднѣйша и свѣтла. Обѣдалисмо зъ родителемъ у себе, а по обѣдѣ ездилемъ смотрѣть яли (?) своей и оттоль заездилемъ до п. Михайла, по вчорайшомъ питтю лежавшого.

Середа. 2. Сей день былъ студений крѣпко, а свѣтлий, и ночъ такова жъ. Обѣдалемъ у себе зъ родителемъ и Заруцкимъ старимъ и женою моею, сегодня зъ Новгородка пріехавшою. У вечеру былъ я у князя. Юско молодикъ пріехалъ зъ Ромна мой зъ писмами.

Четвер. 3. Сей день былъ во всемъ таковъ, яковъ и минувшій вчорайшій и ночъ. Обѣдалисмо зъ родителемъ у князя, где

и трубку Радиону Кузмичу Арсеніеву подарилемъ; по обѣдѣ у вечеру билемъ у брегадира и Количова. Сегодня Юско молодикъ за свое пянство наказанъ. Іванъ Бузинскій пріехалъ въ Глуховъ на господарство.

Пятокъ. 4. Сей день и ночъ во всемъ подобніе вчорайшему дню, въ ночѣ отлигло. Рано виписовалемъ зъ статуту права служачіе до дѣла Палѣевского и билемъ у князя, а потомъ посѣщали мене Люка и п. Михайло. Зъ Люкою за брата Івана въ наученіи францужзкого язика уговорилемся за 60 р. на годъ. Посланъ Алексѣй Полуденскій въ Роменъ, а далъ ему 20 р. на покупку пшона, да данъ ему облѣкъ Ілка Важниченка на 40 р., да данъ ему приказъ въ 9 пунктахъ. Хлопцѣ въ Сварковѣ къ дѣлу способніе: 1, Оврущенокъ, 2, Ступакъ до саду, 3, вдови Десятниковой, 4, у Заики меншій, 5, Карабутенокъ жонатий. Зъ березовцями уговорились возить имъ дерево зъ Пироговки сюда, а цена за всякое по 7 шагъ. Уговорили паробка у футоръ, сина Плетюнчиного, и задатку дали 1 р.

Субота. 5. Сей день отлигъ, а барзѣй ночъ, въ день снѣгъ прорывался и въ ночѣ, зъ полудня насталъ вѣтеръ. Рано былемъ у ясневел. Обѣдалисмо зъ род. у себе, по обѣдѣ ездилемъ къ сестрѣ и повернулся назадъ; князь зъ княгинею у банѣ зде, въ насъ, милися. Климъ Пѣщанскій пріехалъ зъ Крисіокъ и привезлъ 5 куѳъ оковит. гор. да улліовъ.

Неделя. 6. Сей день вѣтрянъ холоденъ и снѣженъ, ночъ тиха безъ снѣгу. Обѣдали многіе персони, гетманъ и великоросссійскіе и я у князя, потому что синъ его именинникъ.

Понеделокъ. 7. Сей день былъ мало снѣженъ и отлиглий, такъ же и въ ночѣ отлигло. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а у вечеру ездилемъ до сестри, где князя засталемъ, по отездѣ его играли въ карти.

Вовтвр. 8 Сей день былъ холоднѣйшій вчорайшого, такъ же и ночъ холодна. Обѣдалемъ въ дому, а родитель у князя. По обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и простилемся зъ нимъ, отехавшимъ после сего жъ дня въ свои деревнѣ полку Чернѣговского; потомъ

билемъ у князя. Костенецкій пріехалъ зъ Gданска и сказивалъ, что мои воли продани по 10 таляр. курантовъ. (?)

Середа. 9. Сей день былъ студеній и мало снѣжний, также и ночъ холодна. Обѣдалисмо зъ родителемъ у князя, откуду повернулемся назадъ. Яковъ Дуброва повернулся зъ Gданска и привезлъ рѣчи.

Четвер. 10. Сей день былъ студений и ночъ такова жъ. Обѣдалемъ въ дому и никуда не ездилемъ. Князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ, фелтмаршалъ и кавалеръ, умре въ Москвѣ.

Пятокъ. 11. Сей день былъ студений мѣрно и снѣжний, ночъ такова жъ. Былемъ рано у князя, а потомъ въ дому; у вечеру посѣщала сестра и п. Михайлова. Составили роспиську и мировую челобитную отъ жида въ Палѣевскомъ дѣлѣ. Якова Дуброву щитали и покупки отобрали въ Gданску купленніе: ножовъ сребранихъ паръ 6, а семая великая, 161 зол. и 12 а., гривенъ 6 и пол.... ваги, сукна саети портищъ на 2, локоть по полъ 7 зол., сукна французжского портищъ на 2, локоть по полъ 5 зол., атласу червоного локоть по полъ 5 зол., а локоть 28, жолтого локоть по 4 зол., а локоть 13, за пуздерко зъ горѣлкою 41 зол., за курокъ 10 а., за вожки тинфъ 2., въ аптекѣ gданской: *(слѣдуетъ списокъ лѣкарствъ.)* Въ аптекѣ водка: карбункуловая 4 фляш., зол. 18, елексѣръ цитри фляшъ 3, зол. 11, амбри..... зол. 10, алкермесовой полъ 2 штоф., 8 зол. 12 грош., персиковой полъ 4 штоф., 4 зол. 6 гр., цинамоновой полъ 4 шт., 3 зол., 6 гр., анишковой полъ 4 шт., 3 зол. 6 гр. Книги: Dictionaire royal., par Pomai, 12 зол., Avantures de Thelemac; 3 зол., 18 грош., Lettres de Bussi Rabutin, 10 зол., Buddei, Theologia dogmat. 12 зол., Moralis—6, Hymna Eclesiast., 2 vol., 11 зол. De Atheismo, 2 зол., 15 grош. Philosophia, 3 vol., 3 зол. 18 грош. Huctii, Demonstrat. Evangel. 7 зол. Concordia latrenis 3 зол. 24 грош. Capelli cunca, 24 зол. Да на немъ, Якову, доводится еще за сукна саети червон. 4 безъ гривни и алмазковъ 10, на 9 зол. отъ пріему, да отъ взятихъ воловъ 90 зол., червон. 2.

Субота. 12. Сей день былъ студений, а туманний, такъ же и ночъ. Обѣдалемъ въ дому, а у вечеру ездилемъ къ сестрѣ. Яковъ Дуброва отпущенъ въ домъ свой. Составлялъ отъ сестри писма до графа (Головкина) и Курбатова, о дворѣ ея Моск.

Неделя. 13. Сей день былъ холодний, а ночъ холоднѣйшая. Рано передъ свѣтомъ отправленъ въ Москву зъ Кумичемъ Іванъ Желязо, а съ нимъ писалъ я до архіерея Новогор. и книгу Бу-д деевy послалъ. Да писалъ до Каратаева о щотѣ Камѣнского и моихъ покупкахъ мѣючихъ Желязою отправитись, зъ его совѣту. О послушаніи писалъ до Камѣнского. Ему, Желязѣ, далъ приказъ въ 12-и пунктахъ, его жъ копія зде. Ему же далъ для направи двое штановъ лосиниxъ, часи боевие; на дорогу далемъ 5 р. Обѣдалемъ въ дому, а у вечеру былъ у князя, потомъ съ Тамарою прийшолъ въ домъ, где и сестру засталъ. Зъ Сухонос. привезли 15 дѣжечокъ масла, кухва сира, 4 кухви вишневой, 1 вишняку, 1 дулевой.

Понеделокъ. 14. Сей день былъ холодний, похмурний, и ночъ такова жъ. Сегодня роздѣлались зъ жидомъ Лейбою Лазаревичемъ, жителемъ Илскимъ, повѣту Мозирского, челобитствовавшимъ за убійство сина его зъ женою и работникомъ жидовиномъ же, который за все про все взялъ 600 р. и росписку далъ на имя сестри Уляни Івановни. Обѣдалемъ у сестри Уляни Івановни, у вечеру былемъ у князя.

Вовтор. 15. Сей день отлиглъ противъ другихъ, такова жъ и ночъ была безснѣжна. Былемъ рано у брегадира и у суда, где отложилъ челобитствовать на Якубовича за денги... п. Стефана Миклашевского. Обѣдалемъ у себе; по обѣдѣ былъ у князя, где зъ Томарою отездившимъ простился, и потомъ ездилемъ до брегадира и Количова; тамъ у Количова нога мнѣ заболѣла лѣвая зъ всею кулшею и черезъ всю ночъ болѣла. Уведомилемся, что игумена Петропавловского въ другое паралѣжъ заразилъ. Вѣсть носится, что архиерей Киевскій Варлаамъ Ванатовичъ посланъ зъ Москви въ силку, сказивалъ Астровскій.

Середа. 16. Сей день таковъ же былъ, якъ и вчорайшій, такъ же и ночъ. Зъ Комарицкими мужиками, привезшими мнѣ дерево дубовое, брусовъ 100, роздѣлался, до прежде данныхъ 10 р. еще теперъ далемъ 5 р. Сухоносовскій Федоръ Дядя, мужикъ, съ подводами отправленъ, а черезъ его послалемъ 15 р. до Алексѣя въ Роменъ на ганишъ и писмо Івана Запорожца о принятихъ отъ мене 80 р. на покупку въ Кролевець приложилемъ. Демяновичъ повернулся зъ Москви зъ указомъ до архиерея Чернѣговского о взяттю и окованню писарчика его Германа и запровоженню въ Москву, а ему Демяновичу въ бракъ его дочери зъ Скрицкимъ дано разрешеніе, а велено ему тамъ стать, когда дѣло начнется.

Четвер. 17. Сей день таковъ же и былъ, якъ и вчорайший, также и ночъ. Сегодня у ясневел. обѣдалисмо и подпіяли злегка, ради именинъ его.

Пятокъ. 18. Сей день былъ холоднѣйшій отъ вчорайшого, зъ снѣгомъ, ночъ безъ снѣгу холоднѣйшая. Далемъ на росходъ женѣ 4 р. Вѣжевскому въ позику 3 р. до прежнихъ 3-хъ, Гапцѣ 3 р. Князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ, генералъ-фелтмаршалъ россійскій и кавалеръ славний, умре 10-го декабря, а теперъ вѣдомо зде учинилось. Андрей Тесля посланъ зъ подводами въ Кролевець за кривулями (?) да ему жъ въ запасъ данъ 1 р. купить такихъ кривуль. Уговоръ здѣлалемъ зъ кирпичнимъ майстеромъ, чтобъ ему робить за моею харчею, а ему давать отъ мене по полтинѣ отъ тисячи, и карту онъ далъ... а зовется Данило Івановъ сынъ Тарасовъ, житель Путивскій.

Субота. 19. Сей день былъ моло снѣженъ, холоденъ и ночъ такова жъ. Рано сегодня поехалисмо въ Гамалѣевскій монастиръ, князь и съ нимъ я, родитель, братъ п. Михайло, брегадиръ Арсеніевъ, Количовъ и Мякининъ, и пріехали на службу и на панахиду по покойной тіотцѣ моей отправовавшуюся. После у сестри обѣдали и подпивали.

Неделя. 20. Сей день былъ такожде, якъ и вчера, и ночъ такожде. Сегодня службы Божой въ монастирѣ отслухали гостѣ, а пообѣдавши, розехались, першей они, а потомъ я зъ п. Михайловою.

У вечеру пріехалъ въ Глуховъ. Камѣнскій съ Москви прислалъ осятра 41 фунтъ, цѣна по 1 а., лосося 28 фунт., цѣна по 7 коп., икри фунтъ 10, по гриввѣ. Да зъ Ромна получилемъ писма отъ Несторовича, что ганишъ въ Ромнѣ по 8 гривенъ, табака по 10 а. до двохъ золотихъ.

Понеделокъ. 21. Сей день былъ противъ прежнихъ и ночъ такова жъ. Рано подалемъ челобитную князеви о Кодинцевомъ дѣлѣ зъ мною, якую онъ же и помѣтилъ, чтобъ справится зъ указомъ. Поехалемъ оттуду въ городъ, где у ясневел. обѣдалемъ, а по обѣдѣ у вечеру повернулемся назадъ. Пріехали Омелянъ, стар. Сухонос., и Алексѣецъ и привезли писмо отъ Якова Дуброви и 10 камѣнчиковъ алмазнихъ, которіе давани были въ Gданскъ для оправи на серги.

Вовтор. 22. Сей день былъ равномѣрного зъ прежними состоянія, такова жъ и ночъ, толко безъ снѣгу, а къ свѣту вияснилось. Обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ былемъ у банѣ. Климъ Пѣщанскій сочтенъ во всемъ пріемѣ и росходѣ денежномъ и оправданъ, а толко долженъ доправить на шинкарахъ и на людяхъ за напой... и конѣ 257 р. и 65 коп., въ чомъ и карту далъ, а я его квѣтовалъ. Рецептъ прошку на пянство *(слѣдуетъ рецѐптъ)*. Сего прошку по маленкой ложечцѣ принимать у водцѣ рожевой, албо цѣномоновой; рожевая такъ дѣлается: рожи накласть мало придавши соли въ алембикъ да влить води рѣчной и перегнать, а цѣмоновая такъ: воду рѣчную переварить и вложить въ нея цинамону золотникъ толченого на кварту води. Заживать по кушанню. Рецептъ на олѣекъ, которимъ мазать спини середину, тѣмя и виски, для бодрости. *(Слѣдуетъ рецептъ)*.

Середа. 23. Сей день зъ ранку оказался свѣтелъ и ясенъ, але холоденъ, ночъ такожъ и похмурна, и холодна крепко. Сегодня рано былемъ у князя, а по службѣ у протопопа отца Галяховского, которого болного посѣщалемъ. Купилемъ два сади каменій до млиновъ за 8 р.

Четвер. 24. Сей день былъ похмурний, але збитъ студений. Отправленъ староста Сухонос. Омелянъ, а черезъ его Грицку Дядѣ на воли пославемъ 36 р., да 20 таляр. бит. да прежде посланніе

15 р. до Алексѣя, черезъ Дяденкого другого казалемъ ему жъ отдать, итого денегъ опрочъ прежнихъ въ лѣтѣ ему даннихъ 100 р., да 30 таляр., теперъ далось 50 р., да 20 таляр.; ему жъ данъ указъ въ 6 пун. о присилцѣ пшона, сторгованню масла, о куплѣ воловъ, о присилцѣ куѳъ 2-хъ гор. и человѣка на низъ. Да ему жъ дано 5 р. для знатнѣйшого чего пораженння, ему жъ сукно дано вмѣсто зимной барми. Алексѣй посланъ въ Роменъ, а ету данъ облѣкъ Якова, да приказъ въ 3-хъ пунктахъ, о куплѣ бокуну, о присілцѣ броварного казана и риби вялой. До стар. Перервин. писалемъ о ґрунтѣ Ворони, что если подешевле можемъ купить, о Свѣтличномъ, чтобъ ему зъ двора вийтить, а уплатить що завелось, о шинку Яблуновскомъ, о куплѣ лою, объ облѣку Івана Цигана, чтобъ по силѣ оного доправить.

Рождество. Пятокъ. 25. Сей день былъ зранку безмерно холоденъ, а къ вечеру и въ ночъ отлигло. Противъ сегодня пріехалъ въ Москви полковникъ Переяславскій Танскій, чили рачей висланъ, зъ указомъ до князя Шаховского о слѣдованіи зде челобитнихъ на его поданнихъ. Рано были у князя, у ясневел., а обѣдалемъ у себе, родитель у князя, вечоромъ ездили до сестри и тамъ ужинали зъ родителемъ.

Субота. 26. Сей день былъ студений же, якъ и вчорайшій и ночъ такова жъ. Обѣдалемъ у ясневелможного, а у вечеру была сестра зъ Кондзеровскою. Пріехалъ куріеръ зъ Москви до ясневел., который обявилъ, что Горленко и Максимовичъ якоби получили отпускъ зъ Москви, да писано до Люки, чтобъ генералъ порутчикъ Шверинъ буде сюда знову въ корпусъ Украинскій и что ему красная дана лента.

Неделя. 27. Сей день былъ противъ вчорайшого и студенѣйшій, ночъ такова жъ. Обѣдалемъ у сестри, куда потомъ п. Михайло пріехалъ зъ панею, Люка и Бокъ, который и кровъ зъ ноги пускалъ, потомъ пріехалъ князь Шаховскій, брегадиръ и родитель мой и погодя отехали, а мы играли въ сенкилѣю зъ моимъ и Лючинимъ проиграшомъ.

Понеделокъ. 28. Сей день былъ студений же и ночъ такова жъ, толко зъ вѣтромъ. Обѣдали ясневел. у князя и протчія, и мы зъ родителемъ, а по банкетѣ ездилисмо до сестри зъ п. Михайломъ и Люкою, где играли въ карти. Сестра женѣ моей подарила кунтушъ покойной тіотки отласовий.

Вовтор. 29. Сей день былъ вѣтряний велми, ночъ тихайшая, холодніе. Обѣдали гетманъ, князь и проч. и я у Мануйловича, асаула енер. Родителка пріехала въ Глуховъ зъ братами.

Середа. 30. Сей день былъ теплѣйшій отъ вчорайшого и ночъ такожде, а въ ночѣ снѣгъ и дожчъ. Сегодня обѣдали гетманъ, князь Шаховскій и протчіе, родитель и я у брегадира Арсеніева, а у вечеру ездилъ князь, родитель и я къ сестрѣ на пастовникъ, и оттуду посидя мало, отехали.

Четвер. 31. Сей день былъ велми вѣтрянъ зъ жестокою метелицею, толко не холоденъ, ночъ такова жъ, а тихшая мало. Сегодня обѣдали у насъ гетманъ, князь, брегадиръ зъ женами и протч., и подпіяли отчасти.

1731 годъ. Януарій мѣсяцъ.

Пятокъ. 1. Сей день былъ теплій и мокрий и снѣжний, ночъ такова жъ была. Рано зъ родителемъ былисмо у князя Шаховского, который отъ его величества родителеви подарилъ коляску зъ Почепа привезенную, подобно Мазепианскую еще. Банкетъ былъ у ясневел., где многіе кушали, а потомъ пріехали въ домъ уже вечоромъ.

Субота. 2. Сей день былъ холоднѣйшій, такова жъ и ночъ. Сегодня обѣдалемъ у сестри, на пастовнику, зъ Грабянкою Гад. и Миклашевскимъ Стефаномъ и панею его, а повернувшись.... знову ездилемъ въ городъ до п. Михайла, где зъ нимъ и п. Павломъ, Миргородскимъ пол., и Люкою игралемъ въ карти въ кадрилью. Коляску дарованную отъ имени его величества родителеви.... при брегадиру Арсеніеву, при Батурину и при Стефановичу, сот. Лохвицкомъ, прислалъ сегодня князь въ дворъ нашъ.... Лисенко, асаулъ енер. пріехалъ въ Глуховъ зъ женою своею судится. (?)

Неделя. 3. Сей день былъ и ночъ одного состоянія безъ.... зъ вчорайшимъ. Сегодня рано былемъ у князя, куда пріехалъ брегадиръ Батуринъ, п. Петро, Луб. пол., и Грабянка Гадяцкій. Обѣдали гетманъ, князь, брегадиръ и протчіе у сестри, на пастовнику и подпіяхомъ. Князь давалъ мнѣ читать вѣдомости ясневел—го, зъ которихъ показуетъ по конектурамъ и сказкамъ, татаръ и турковъ къ войнѣ якоби на насъ намѣреніе.

Понеделокъ. 4. Сей день и ночъ были помѣрно холодніе и похмурніе. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ, а матка и жена у ясневелможной, а по обѣдѣ ездилемъ до п.п. Павла и Петра Апостоловъ, и съ ними и панѣями ихъ повернувшись, играли у мене въ сенкилѣю долго, зъ моимъ малимъ проиграшомъ и п. Павловимъ. Сестра Толстая зъ другою сестрою Чарнишевою били у мене у вечеру жъ и первой князь Шаховскій подарилъ табакеръ сребраную.

Вовтор. 5. Сей день былъ похмурний и ночъ, однако жъ помѣрно холодновати. На водосвятіи, въ навечеріи былъ у Анастасіевской церквѣ, зайшолъ къ гетману, где чарку водки випивши, повернулемся въ домъ, где дядка пана Федора засталемъ и вечералисмо вкупѣ всѣ.

Крещеніе. Середа. 6. Сей день былъ похмурний и ночъ, але холодновати. Служби слухалемъ у с. Николая въ церквѣ; по службѣ пріехалемъ домой, где засталемъ сесторъ обоихъ, Толстую и Чарнишеву, пріехавшихъ, потомъ они и я поехали на пастовникъ и тамъ обѣдали. У вечеру ездилемъ до п. Михайла, где съ нимъ и п. Петромъ и панѣями ихъ игралемъ въ карти, въ сенкилѣю, зъ проиграшомъ. Полковникъ Вишневскій пріехалъ въ Глуховъ и при немъ вина венгерскіе многимъ числомъ для ея величества вивезеніе зъ Венгеръ. Отъ тютюнника Калюжновского отобралъ Вѣжевскій зъ господаремъ тютюну 43 пуда и фунт. 20, а лѣка 1972 папуши.

Четвер. 7. Сей день былъ сперва пахмурний, а потомъ випогодился, ночъ ясна, да очинь холодна. Увѣдомилемся сего ранку, что принесена грамота ехать въ Москву пану гетману, а у вечеру указъ присланъ ехать туда князю Шаховскому. Обѣдалемъ въ дому зъ родителми, а по обѣдѣ ездилемъ на пастовникъ, где и долго просидѣвши после вечори повернулемся назадъ. Полковника вси и

старшина позездились въ Глуховъ. Грамота принесена объ осторожности зъ турецкой сторони. У Количова дочь родилась.

Пятокъ. 8. Сей день и ночъ были ясніе и холодніе. Принималемъ тинктуру проносную, 100 капель въ винѣ, и имѣлимъ столцовъ зъ 19. У вечеру сестра Толстая пріехала къ намъ и розохотившись подпіяхомъ.

Субота. 9. День и ночъ такіе жъ были, якъ и вчора. На Сварковъ зъ грамоти данной мнѣ послалъ копію до сотника Глуховского через Пѣщанского, такъ же до п. пол. Луб. другіе крѣпости на Сухонос. и Перервинцѣ. Обѣдалисмо у себе зъ родителми, п. Яковомъ швакгромъ, п. Федоромъ дядкомъ. У вечеру ездилемъ до Количова поздравлять его дочерю, которого жевѣ и ефимкомъ почтимъ. У вечеру былъ у мене п. Михайло и посидя отехалъ.

Неделя. 10. Сей день былъ холодний и похмурний, ночъ холодна и снѣжна. Рано былемъ у князя и у гетмана, обѣдалъ у Количова, где было крещеніе новорожденной его дочерѣ. У вечеру заехалъ къ сестрѣ.

Понеделокъ. 11. День и ночъ были свѣтліе и холодніе. Обѣдали у насъ зъ родителми п. Федоръ дядко, Петро Троцкій, п. Яковъ швакгеръ, а по обѣдѣ матка поехала въ Роменъ. Купилемъ штофу 12 локоть по 30 а. локоть у Юрія Грека. Слѣдовали енералная старшина и полковники полкъ лубенскій и приговорили Сухоносовцѣ, Токарамъ, Кулажинцямъ быть по 8-му пункту рѣшителному, а о Перервинцяхъ ничего не упомянуто, для того, что о семъ велено князю Шаховскому слѣдовать [1]).

Вовтор. 12. День былъ холодний и свѣтлій, ночъ похмурна мало. Обѣдалисмо у князя и также гетманъ, гетманова и протч. для того, что іменинница жена его Татяна Дмитровна. Сестра Толстая прислала мнѣ на шлафрокъ штофу блакитнаго 14 локоть и сама была у вечеру.

---

[1]) Рѣчь идетъ о „генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ".

Середа. 13. День холодний и похмурний, и ночъ такова жъ. Рано былемъ у князя, у гетмана, а обѣдалемъ у сестри, по обѣдѣ заехалемъ до брегадира и тамъ посидѣлемъ, а князь, родитель и дядко г. Федоръ до сестри ездили и подпивали. Повернулся господаръ Бузинскій зъ Пироговки и обявилъ, что тамъ еще по нынѣшній день имѣется дерева—колодъ четверосаженнихъ 50, а тресажен. 8, давнихъ колодъ тресаженнихъ 37, бруссы 101.

Четвер. 14. День сперва теплій и похмурний, потомъ свѣтлій и холодний, и ночъ таковажъ. Князь Шаховскій пріехалъ до гетмана, где при собраніи всѣхъ читали слѣдствіе здѣлавшеeся полку Нѣжинского. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ, а въ вечеру были у князя. Князь у лазнѣ мился у насъ зъ княгинею. Купилемъ у Ѳрека цепочку до часовъ сребраную за 2 р., да пару хустотъ бавелнянихъ за рубль,

Пятокъ. 15. Сей день былъ похмурний, а потомъ свѣтлий и ночъ такожъ, свѣтла помѣрво, холодніе. Позичилемъ Івановнѣ Авдоттѣ, тутейшой купецкой женѣ, 200 р. и 20 червоннихъ, иностраннихъ, а имѣетъ тѣ денги отдать въ пріідучий 1732 годъ, въ семъ числѣ, и карту отъ ея взялъ взялъ. За пузамента и за пѣтли заплатилемъ ей же 22 р., да Ѳреку Юрію за матерію 10 р. и 8 гривенъ, да давнихъ заплатилемъ 8 р. Гетманъ Данило Апостолъ и князь Шаховский поехали въ Москву и при гетману Турковскій, Лисенко и Борозна. У вечеру былъ я у сестри, где Семенъ Лизогубъ билъ же и обѣщалъ ей, сестрѣ, подарить зъ своихъ дѣдовскихъ маетностей деревню. Оттоль заехавши до п. Михайла, игралемъ съ нимъ и п. Петровою въ кадрилѣю. До архиерея Чернѣговского послалемъ Василя, молодика, зъ писмомъ, скаржачимъ на попа Крисковского.

Субота. 16. День похмурний и помѣрной холодомъ, ночъ похмурна жъ и еще теплѣйшая. У Худолѣя купилемъ пару коней за 30 р. Трощинскій былъ у мене и позиченнихъ давно 20 р. отдалъ. Зъ Крисіокъ привезено куѳу горѣлки въ 10 носат. и 6 кварт. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ и п. Федоръ дядко, п. Яковомъ швакгромъ, Галенковскимъ, писаремъ полк. Прилуц., а

жена обѣдала у сестри на пастовнику. Офонка и Анна, имѣючие завтра брачитись, были зде и просили на свою сватбу.

Неделя. 17. День сей былъ вѣтряний, потомъ снѣжний зъ метелицею и ночъ такова жъ. У сестри Толстой была сватба, девка ея Анна отдана за Афонку, служителя ея, и друга сватба—крепосніе ея брачились; мы обѣдали тамъ зъ женою, также родитель и п. Михайло зъ панею. У вечеру былемъ у обозного енер. и посидѣвши отехалемъ.

Понеделокъ. 18. День сей былъ помѣрний холодомъ и ночъ такова жъ, а потомъ стала ясна и погодна. Обѣдалемъ у сестри и снималъ зъ Анни, сестриной девки бившой, по обичаю веселного батка, бавелницу и подарилъ имъ коня. Полкъ Чернѣговскій читанъ, причемъ Богдановъ, полковникъ Чернѣговскій, спорилъ, претендуючи себѣ маетностей швакгровъ моихъ Полубот. Полѣтовичъ, чернецъ, явился у сестри зъ Москви. У вечеру билъ я знову у сестри и играли въ карти 5 насъ, до полночи.

Вовтор. 19. день былъ мокротеплій, ночъ такова жъ зъ вѣтромъ полуденнимъ. Рано былемъ у гетмановой, а потомъ зъ родителемъ у брегадира, где ради вчерайшого его тезоименитства многіе кушали и мы; у вечеру былъ я у п. Михайла, где у кадрилѣю играли, съ нимъ, панею его, п. Петровою.

Середа. 20. Сей день былъ похмурний и ночъ холодомъ средніе. Молебствіе было соборное въ церквѣ Іліи, при пушечной стрелбѣ, для того, что сегодне произведеніе было на престолъ ея величества. Сегодня слѣдствіе енералною старшиною и полковниками по силѣ пунктовъ рѣшителнихъ чинившееся, окончено. Обѣдали у насъ дядко п. Федоръ, Ханенко, судця Стародуб., и Василий Танскій, полк. Переясловскій. По обѣдѣ поехавши до п. Михайла, игралемъ тамъ въ карти до полночи и после полночи повернулемся домой, а играли я, п. Михайло и панѣ его и п. Петровая, полковница Луб. Зъ Крисіокъ другую куѳу горѣлки простой въ 9 носат. прислалъ староста тамошний.

Четвер. 21. День былъ вѣтряний и холодний, похмурний, ночъ випогодилася была сперва, потимъ похмурна жъ стала, а хо-

лодна. Обѣдалисмо у себе зъ п. Федоромъ дядкомъ, по обѣдѣ пріехалъ Каневскій, судця Чернѣговскій, а потомъ п. Михайло, по отездѣ же его, Борковскій и п. Войцеховичева. Панѣ гетманова поехала въ Кучеровку, п. Петрова въ Лубенскій полкъ. Составилемъ виписку зъ розиску о степу Куренскомъ (с. Курень Конотопск. у.) прошлого 1730-го году сент. 2-го дня, хоружимъ енер. Якимомъ Горленкомъ чинившогося, для посилки въ Москву до п. гетмана.

Пятокъ. 22. День сей похмурний, однакъ холодний, и ночъ такова жъ. Сватба была въ квартерѣ князя Шаховского: князь Іванъ Понкратіевичъ Шаховскій женился на Гавриловой Милорадовичевой [1]), где многіе били и кушали. Женѣ далемъ для росходу ея дорожного 5 р. Въ пріемѣ у Вѣжевского было всего по сей день воску 25 пуд. и 14 фунт., зъ которого въ росходѣ по сей же день полтора пуд. и 2 фунт. Решти зась всего воску 23 пуда и 32 фунт. Сестра пріехала зъ Гамалѣевки, до которой ездила жена и простилась, она жъ дала женѣ постѣль.

Субота. 23. День былъ вѣтряний и ясний и тепловѣдотний, ночъ зъ болшиимъ вѣтромъ, толко холоднѣйшая. Обѣдалисмо зъ род. у князя Шаховского Понкратіева, ради сватби его. Жена поехала зъ Роменъ. У вечеру заездилемъ до п. Михайла и сестри.

Неделя. 24. День похмурний зъ сухимъ морозомъ, чего ради серенъ сталъ, такъже и ночъ. На службѣ у церквѣ княжой билемъ. Обѣдалемъ у п. Михайла, зъ которимъ ездилемъ до сестри играть въ карти, играли и виграլемъ. Комедиянти полского короля, которимъ жалованне годовое по 40000 р., поехали въ Москву, и Глуховъ проехали. У сестри били родитель, п. обозний енер. и посидя поехали.

Понеделокъ. 25. День и ночъ такови, якъ и вчорайшіе. Алексѣй и слуга пріехалъ и привезлъ риби 1140 поголовя и щукъ 80 вялой, да тютюну бокуну 4050 папушъ, а облѣкъ Яковъ Тарасу далъ доправлять. Обѣдалисмо дома, а у вечеру били у сестри зъ род., которая мнѣ вибрать 8 книгъ позволила, два атляси,

[1]) Гаврило Милорадовичъ—бывшій Гадяцкій полковникъ.

воротномъ владѣніи. Во утвержденіе же сего моего запису, при нижеподписавшихся отъ мене персоналне упрошенныхъ свидѣтеляхъ, своею оній рукою подписую и печать прилагаю. Къ сему запису подписался Яковъ Чарнишъ. По прошенію устному бунч. товариша Якова Чарниша, къ сему вѣчистому запису во свѣдителство полковый Черниговскій хоружій Іванъ Булавкинъ руку и печать приложилъ. Къ сему вѣчистому запису, по устному бунч. тов. п. Якова Чарниша прошенію, во свѣдителство полковый Черниговскій сотникъ Өедоръ Посудевскій руку и печать приложилъ. По прошенію устному б. т. Якова Чарниша къ сему вѣч. запису во свѣдителство бунч. товаришъ Григорій Стаховичъ руку и печать приложилъ. По прошенію словесному б. т. п. Якова Чарниша къ сему вѣчному запису полку Переяславского сотникъ Березанскій Василій Думитрашко Райча руку и печать приложилъ во свѣдителство. На прошеніе словесное б. т. п. Якова Чарниша къ сему вѣчному (sic) запису полку Нѣжинского сотникъ Батуринскій руку и печать приложилъ Алексѣй Демидовскій.

Року 1745, мѣс. июля 5 дня. Сей вишеписанній записъ войсковимъ канцеляристомъ Яковомъ Чарнишомъ о опредѣленіи въ посагу женѣ своей Мареѣ Степановой дочери Шираевнѣ въ награжденіе, во мѣсто отшедшихъ мелницъ, а въ дополненіе записанной предъ симъ третой части недвижимихъ добръ, а именно, въ городѣ Батуринѣ, на реки Сеймѣ, двохъ колъ мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповцѣ, двора шинкового, двохъ колъ мучныхъ и третого ступного, да въ сотнѣ Воронежской Красного хутора зъ мелницею, сѣнокосами, зъ пущею, зъ полемъ пахотнимъ, учиненній, при доношеніи его, Чарниша, въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи персоналне презентованъ и даби оной записъ въ предъслѣдуючіе времена при своей силѣ и крѣпости ненарушимъ былъ, по прошенію его Чарниша, мы нижевираженній урядъ мѣскій Глуховскій оній записъ урядовне, съ подписомъ рукъ нашихъ и приложеніемъ урядовой обикновенной печати, сконфирновавъ, въ книги мѣскіе Глуховскіе точно вписать и по уписаню, яко по требуючой сторонѣ, ему, Якову Чарнишу, въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи видать приказали року и дня вишеписаннихъ. Сотникъ Глуховскій Демянъ Туранскій. Григорій Кологривий, атаманъ Глуховскій. Войтъ Глуховскій Юрій Даниловъ. Бурмистръ Глуховскій Іосифъ Мандзокъ (?). Писарь Өедоръ Вилчикъ. Ратуша Глуховского содержащій протоколъ Романъ Курбатскій.

1745 году, іюля 15 дня. Сей вишеписанний записъ войск. канцеляристомъ Яковомъ Чарнишемъ о опредѣленіи въ посагу женѣ свой Мареѣ Стефановой дочери Шираевнѣ, во мѣсто отшедшихъ мелницъ, а въ дополненіе записанной предъ симъ третой части недвижимихъ добръ, а именно; въ городѣ Батуринѣ, на реки Сейму, двохъ колъ мучнихъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповкѣ двора шинкового (*и т. д. слѣдуетъ перечень, какъ и выше*) учиненний, которой на урядѣ сотенномъ Глуховскомъ конфѣрмованъ и при доношеніи его, Чарниша, въ сотенной Кролевецкой канцеляріи презентованъ, и дабы оный записъ въ предъслѣдуючіе времена при своей силѣ и крѣпости ненарушимъ былъ, по прошенію его, Чарниша, ми нижевираженный урядъ мѣскій Кролевецкій оний записъ урядовне съ подписомъ рукъ нашихъ и приложнннемъ урядовой обикновенной печати конфѣрмовавъ, въ книгу мѣскую Кролевецкую точно вписать и по вписанію, яко потребуючой сторонѣ, ему, Якову Чарнишу, зъ сотенной Кролевецкой канцеляріи видати приказали, року и дня вишписанних. Атаманъ сотенный Кролевецкій Іванъ Зубаха. Писарь сотенный Кролевецкій Климъ Мосцѣпановъ. Хоружій сотенній Ігнатъ Герасименко. Вишшеизображенная записъ на урядѣ сотенномъ Кролевецкомъ записанна въ книгу на л.л. 38, 39, 40, 41 и 42. (М. П.) *(Съ подлинника).*

7. Духовное завѣщаніе войск. канцеляриста Якова Чарныша. 1745 г., 27 декабря.

Во имя Пресвятия, Единосущнія и Нераздѣлимія Тройцы, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Понеже Создатель мой Христосъ Господь даровалъ мнѣ скалѣченемъ ноги моея немалую болѣзнь, которою я ізъ 1744 году, отъ августа мѣсяця по мѣсяць декабръ сего 1745 года, былъ одержимъ, а декабра мѣсяця не ощущая здоровья и не уповая болше жить, но еще и въ болшой чехотной отъ кашлю болѣзни будучи, однакъ имѣючи добрую памятъ, і здравый мой разумъ, симъ остатной волѣ моей тестаментомъ учинилъ нижеслѣдующое: 1) Душу мою, грѣхами окаляннную, кровиею же Христа Спасителя моего искупленную, вручаю въ руцѣ его Спасителевы. Тѣло же мое по христіанскому обычаю погребсти въ мѣстечку Кролевцѣ, близъ костей матки моей и учинить подлежащее помяновеніе женѣ моей, Марфѣ Шираевнѣ, завѣщеваю. 2) Хотя нѣкоторіе деньги по смерти покойной матки моей оста-

лись были и содержались въ Даніила, священника протопопіи Кролевецкой села Подолова, и которіе денги взяти мною за проданній, состоящій на предмѣстѣ города Глухова, на Веригинѣ, дворъ, у его велможности ассаула войскового генералного пана Петра Валкевича, тѣ всѣ денги за аккуроване мене и за лѣчбу скалѣченной ноги іздержанны, такъ что и нѣчего ізъ денегъ не осталось, въ чемъ вѣсть Христосъ Господь. 3) Каковіе добра прежде сего, зъ доброй моей волѣ, записанни мною женѣ моей, реченной Марфѣ Шираевнѣ, тому запису моему буть при своей силѣ ненарушимо всегда, яко она за собою принесла вношеня денгами и другихъ добръ не на малую сумму. 4) Понеже по исчисленію моему зъ упомянутою женою моею явилось тое, что уже тому назадъ мѣсяцей ісъ четире, какъ оная жена моя отъ мене стала обремененна, для того всѣмъ добрамъ по природному наслѣдію на мене спадаючимъ (зверхъ записѣ отъ мене женѣ моей опредѣленнимъ) буть за нею жъ женою моею Мароою Шираевною и за наслѣднемъ отъ мене понесшимъ, а ею родячимся, вѣчно; ежели жъ бы тое наше наслѣдіе по волѣ Божіей умерло, то самой женѣ моей предпоказанной оними добрами (не щитая въ то число, что ей записомъ отъ мене опредѣленно), если она пребудетъ во удовстве, владѣть безъ препятствия, такъ какъ о удовствующихъ женахъ по правамъ Малороссійскимъ дозволено; если жъ бы она имѣла посягнуть замужъ, то оние добра должни спасти во владѣніе ближнему моему родственнику, а онъ долженъ женѣ моей то наградить, что она зъ своего імѣнія на помяновеніе души моей істераетъ. 5) Сей вишшеписанній, зъ доброй памяти моей учиненій, тестаментъ утверждаю буть вѣчно при своей силѣ и для того на немъ своеручно подписуюсь и о подписъ свѣдителей нижеподписавшихся, тако жъ по написаню сего тестаменту стороннаго человѣка упросилъ. 1745 году, декабря двадцять семого дня. Сей мой тестаментъ подписомъ руки моей я утверждаю войсковій канцеляристъ Яковъ Чарнишъ. У сего тестаменту свѣдителемъ билъ ґенералний подскарбій Михайло Скоропадскій и по прошенію пана Якова Чарниша на ономъ подписался и печать свою приложилъ. У сего тестаменту свѣдитель билъ войсковий товаришъ Іванъ Пуховичъ и по прошенню пана Якова Черниша на ономъ подписался и печать свою приложилъ. Сего тестамента будучи отъ пана Якова Чарниша призваннимъ, оній тестаментъ зъ волѣ его пана Чарниша писалъ и въ томъ подписался Глуховской ратуши писарь Семенъ Евсѣевъ.

Року 1745, декабря 27 числа. Сей вишеписанній тестаментъ отъ войскового канцеляриста Якова Чарниша при писмѣ въ Глуховскомъ сотенномъ правленіи презентованъ и по прошенію его, Чарниша, чтобъ оной тестаментъ при своей силѣ былъ, мы нижевираженний урядъ мѣскій Глуховскій оній тестаментъ подписомъ своихъ рукъ и приложенемъ урадовой печати сконфѣрмовавъ, въ книги мѣскиe Глуховскиe точно вписавъ и обратно ему Чарнишу, яко потребуючей сторонѣ, отдать въ сотенномъ Глуховсломъ правленіи приказали. Року и числа вишеписаннихъ. Сотникъ Глуховскій Дамянъ Туранскій. Григорій Кологривий, атаманъ Глуховскій. Войтъ Глуховскій Гаврило Яковлевъ. Бурмистръ Глуховскій Іосифъ Мандз.. Бурмистръ Глуховскій Іванъ Красовскій. (М. П.) *(Съ подлинника).*

8. Опись движимости, оставшейся послѣ смерти Марфы Степановны (по второму мужу) Скоропадской, въ Подоловскомъ домѣ. 1764 г., 4 марта.

Въ сотенную Кролевецкую канцелярію. Доношеніе.

Сего 1764 году, минувшого февраля 29 д., мать моя родная Мароа Стефанова дочь, по первому мужу, а моему отцу, Чарнишева, волею Божиею, оставя імѣние недвижимое и движимое, (до которыхъ я законная наслѣдница), безъ всякого писменного роспредѣленія, умре, а яко нынѣ дядя мой родной повету Стародубовского подкоморій Михайло Ширай, тако жъ і тетка родная, удовствуючая сотникова Новгородская Параскевия Судденкова, (коимъ я отъ матки въ опеку поручена) і находятся на лицо зде въ деревнѣ Подоловѣ и въ присудствіи ихъ и другихъ родственниковъ, для знания моего впредь отъ уряду сотенного нарочнихъ старшинъ определить для переписки техъ прописаннихъ наличностей, того ради сотенной Кролевецкой канцеляріи прошу намѣненнихъ нарочнихъ, въ силѣ правъ Малоросскихъ, для переписѣ недвижимихъ, а паче движимихъ імѣній всякую вешь порознь, прислать і о томъ учинить въ силѣ указовъ и правъ, Малороссійскихъ определение. Въ подленной подписъ—Анна Чернишева. 1764 г., марта 4 д. *(Съ копіи).*

По поданному умершой подскарбіевой генералной Марфы Скоропадской, по первому мужу Чарнышевой, отъ дочери ея Анны Яковлевны Чарнишевни въ сотенную Кролевецкую канцелярію доношенію і полученному на оному определенію, я нижеподписавшійся, съехавши въ село Подоловъ, въ жилой ея Чарнишевни домъ, въ

прысудствіи самой ея і родного ея дядѣ повѣту Стародубовского подкоморого Мыхайла Ширая да тіотушки удовствующой сотниковой Новгородской Параскевіи Судденковой і на тотъ часъ случившихся двоюродныхъ братей еи, бунч. товарыша Івана Федоровича Ширая, да повету Стародубовского коморника Івана Василіевича Заводовского, учинилъ описаніе наличныхъ движимыхъ еи Чарнишевны, въ наслѣдие по смерти матки ея оставшихся вещей, якіе ниже сего іменно показанны. 1764 году, марта 4 дня.

Скрынка сребная стронозолоченная. Подносъ болшой зъ двома ушкамы, другой подносъ зъ трома ножкамы, третий подносъ на седесѣ, четвертый подносъ « ». Конва болшая, вызолоченная, зверху орелъ Ковшъ старосвѣцкій, зъ колцемъ. Чашка полоскателная зъ двома ушкамы. Коновочка визолоченная зъ середины и зверху, коновочка зъ гербомъ, вызолоченная. Чайникъ. Лѣхтарыкъ. Двѣ солянки. Стаканъ зъ крышкою, вызолоченній, зъ трома ножкамы; стакановъ два, зъ двома крышкамы. На чай фляжка зъ крышечкою. Сахарница гладкая, болшая, другая меншая, гладкая жъ. Кофейникъ гладкій, болшій, кофейникъ другий, гладкій, меншый, кофейникъ третій, болшой, на трехъ ножкахъ. Кубковъ рысованыхъ 12, чарокъ рысованыхъ 12. Лыхтаръ зъ трома кружкамы. Чайникъ зъ ланцужкомъ сребнымъ. Пукалъ на старыку, зъ виноградною цепкою, пукалъ другій, пестро визолоченный. Ложокъ 10, пестро позолоченные, да 4 ложкы суто вызолоченныхъ; ложокъ 2, подъ смалцемъ, складныхъ, ложокъ сребныхъ гладкыхъ 16, ложка болшая столовая. Рѣпокъ 6 вызолоченныхъ. Подносъ зъ трома лѣхтарыкамы, каламаремъ і пѣсочницею. Чарокъ 12, зъ ушками. Двѣ солянкы на трехъ ножкахъ, вызолоченние. Чайныхъ ложечокъ 6, щипцѣ шандалние, а другие сахарные. Ножей сребныхъ 13 паръ, въ пуделку зеленомъ состоящихъ, тамъ же две пары малыхъ і вылкы едны зъ четырма зубцамы, два обухы, сребромъ оправленніе. Пѣрначъ сребный, позлочыстій. Шабля подъ сребромъ, старынная, смаху (?) переломлена. Ладунка сребная зъ тесемкою пестрою. Сагайдакъ зъ ланцужкамы срѣбнимы пятма, сагайдакъ другий, зъ ланцужкамы срѣбными осма позлочыстимы. Ножовъ 12, безъ вѣделокъ, вновъ зделанныхъ. Рондъ на сафянѣ красномъ, сутопозлоцаный, рондъ на срѣбномъ пузументу, рондъ еще на сафянѣ красномъ, суто позлоцаній, рондъ на сафянѣ, старій, зъ ланцужкамы і чесыками, рондъ зъ пудламы срѣбными, рондъ съ пудламы позлоченними, рондикъ порванній зъ пудламы сребнимы, ронзыкъ старынній, на чорномъ ремнѣ, съ пудлыками, двохъ ронзыковъ прыголовя

зъ нудлыкамы. Подносецъ сребной до щипцовъ. Въ шкатулкы, красною байкою выбитій, флядъ домынажъ, сребной, въ коемъ вѣсу 10 фунтовъ, кромѣ двохъ фляшокъ, на коихъ мало сребра. Ларчыкъ сребной подъ стекломъ, зъ персонкамы. Вееръ въ чорномъ пуделочку. Золотыхъ ланцужковъ шесть, вѣсомъ два фунты. Жемчужныхъ 8 петлыцъ, съ протчимъ разнымъ жемчугомъ два фунты і семъ золотныковъ. Еще въ четырохъ ланцужкахъ золотихъ 22 лота. Сергы золотие, рубыновие, сергы золотие подъ смалцомъ, сергы золотие съ перлынамы, сергы золотие зъ бреліянтамы, сергы золотие зъ высяцимы камушкамы, сергы белие, болшие, алмазние. Перстніовъ два бреліянтовыхъ, еще перстневъ золотыхъ зъ разними камушкамы 18, да обручыковъ золотихъ два. Бантъ алмазній. Крестъ рубыновій, въ срединѣ шафѣръ. Складня старынная, позлоцанная, зъ разнимы простими камушкамы, на чорной лентѣ, складня золотая зъ краснимы і зеленимы камушками. Цепка золотая отъ часовъ. Коначковъ золотыхъ 11, зъ разнимы камушками. Запонокъ 3, позолоченныхъ. Трейзовка зъ краснымы камушкамы. Запонка сребная, зъ фіялетовимъ камушкомъ. Ѳузѣковъ 6 золотыхъ, зъ блакытными цветками. Восемъ золотниковъ разныхъ маленкыхъ вещей золотихъ. Часы золотие зъ репетиціямы, безъ цепкы, часы другие золотие, зъ цепкою, безъ репетицѣи, зъ ключикомъ. Лакончикъ парломотной на мушки и румяна. Камушковъ болшихъ одинъ шафѣръ, а маленкихъ съ 30, да красних мелкихъ съ 30, скалокъ рубиновъ 40, еще меншихъ до 30.

Платя і уборовъ. Ѳрадынаполю 30 аршинъ. Перевелѣ злосатой 30 аршинъ. Штофу французского 4 локтя. Перевелнее плате зъ золотымъ ѳазомъ. Голубовой парчевой ребронъ, обложенъ сребною сѣткою. *Въ платейной скрынѣ.* Два платкы белие, шитие, таѳяніе, платокъ шитой белой золотомъ, платокъ таѳяной, красній на столикъ, зъ сѣткою, платковъ два красныхъ, шитыхъ золотомъ, таѳяныхъ. Шнуровка среброглавная, зъ сѣткою сребною, (отдана сотнику Огіевскому). Карцетъ сребной, новой, незшиваной. Юнка кофейная, канавацова, золотомъ шитая, юнка бѣлая, ѳрезетная, шитая сребромъ зъ блостками, юнка блакитная, канавацовая, шитая сребромъ. Карсетъ красной, шитой золотомъ. Шуба парчевая, жолтая, подъ куницями. Ѳарцетъ белой, крезетной, шитой серебромъ. Кунтушъ понсовой, зъ золотимъ ѳазомъ. Кунтушъ парчевой, среброглавной, зъ карункою сребною. Ѳарцетъ жолтий, крезетной, ѳарцетъ бѣлій, люстрынній, шитій сребромъ, ѳарцетъ голубой, крезетной, шитой сребромъ, ѳарцетъ жолтій, крезетной, шитій сребромъ. Юбка парчевая,

корычная, зъ сребнимъ gазомъ. Кунтушъ канавацовой, блакитной, зъ сѣткою gазовою, кунтушъ жолтой, люстринній, зъ срѣбною сѣткою, кунтушъ рытого бархату, кривавой, зъ сребною сеткою, кунтушъ бѣлій, парчевій зъ сѣткою сребною, кунтушъ бѣлій, парчевій, зъ золотимъ gазомъ, кунтушъ зеленій, парчевій, зъ срѣбною сѣткою. Семъ бритъ (?) шитыхъ сребромъ. Gрезеты алой на юпку. Павиліонъ красной, разноцвѣтной, павиліонъ таѳти полоцатой. Запаска парчевая, фиялетова, запаска парчевая, блакитная, запаска парчевая, сереброглавная, понсовая, запаска парчевая попелястая. Парчѣ шматъ алой трохъ локоть. Юпка парчевая, разноцвѣтная, зъ срѣбною сѣткою, юпка зеленая парчевая, безъ сѣткы. Кофтъ парчевой, зеленой, старій, кофтъ парчевой дибчатой, старой. Запонъ две, китайской парчѣ. Парчѣ сутой золотой, въ двохъ шматкахъ, чтири локтѣ. Двѣ мантилѣ парчевие, золотие. Шуба парчевая, голубой землѣ, на черевемъ лысемъ футрѣ. Латъцкини два, одинъ золотой фондишпанѣи, а другой сребной фондишпанѣи жъ. Юпка красная, gрезетная, зъ сребною gазною сѣткою, юпка тафтовая жолтая, на баволнѣ. Башмаковъ матерыялнихъ пять паръ. Кофтъ камчатой, зъ юпкою такою жъ. Ребронъ моря белого и юпка, разноцвѣтние. Два латцкини чорние, сребние. Ребронъ і юпка gрезетние, красние, зъ сребною сѣткою, ребронъ і юпка, таѳты полосатой; ребронъ, юпка, кофтъ і gрезетъ таѳты кофейной, полосатой. Кружевие блонды. Флiоровие манжеты зъ круживомъ. Кофтъ бѣлой, gрезетной зъ копѣшономъ. Въ футлярику пара ножиковъ сребныхъ, а зъ другого боку партретъ.

Покоевъ жылыхъ девять, зъ залею, во всѣхъ оныхъ обои бомажные, пры каждихъ дверахъ замки жолтие тулскіе, зъ желѣзнимы засовками; въ ныхъ зеркаловъ болшихъ 11, а меншихъ зъ визолоченнимы рямамы, и пры оныхъ меншыхъ присѣнние лѣхтарѣ. Канапе тры. Стулловъ красних, матерыялныхъ, 6. Уборныкъ съ зеркаломъ краснимъ. Кроватей желѣзныхь тулскихъ зъ павилiонами, двомѣстна одна, а две одиночкы. Столикъ старій, подъ лакомъ, а въ срединѣ виложенъ фіянцомъ, столикъ черной, круглій, на одной ножкы, столыкъ красній, четиреуголній, на чтирохъ ножкахъ, столыковъ простыхъ семъ. Кабынетъ сандалной, красной, зъ четирма шуфлядкамы, кабинетъ красной, зъ чтирма жъ шуфлядкамы, кабынетъ темнокрасной, зъ осма шуфлядкамы, и въ ономъ печать сребная покойного Чернпша, да образы панагіи, тройніе, въ сребрѣ позолоченные; кабынетъ такой же, темно красный, зъ чтирма шуфлядкамы. Образовъ подъ сребромъ два, фырма и шафа болшая въ сѣняхъ. Ковдра штофная

на красномъ полю, квѣтъ бѣлій. Перынъ болшихъ двѣ, а меншихъ двѣ, подушокъ болшихъ чтири, а меншихъ разнихъ 11. *Фарфуру три креденсъ и въ имбару.* Полоскателныхъ двѣ чашкы, молочникъ одынъ, чашокъ саксонскихъ зъ ушкамы, 14 паръ, а простыхъ 10 паръ, чайниковъ финифтовихъ саксонскихъ 4, а каменный, простій, одинъ, чашка чайная зъ мисочкою и кришкою, талѣрокъ саксонскихъ 2, подносъ фынифтовой и чтири чаркы, каменныхъ талѣрокъ 34. *Фрушталю тры креденсъ и въ амбаръ.* Румокъ водчанихъ 13, румокъ виновыхъ 36, чайникъ, молочникъ, кофейникъ, подносовъ два, съ онихъ еденъ позлоченій съ краевъ, чашокъ чайнихъ две пари, стакановъ 26, мисочокъ заедныхъ 11, глечичковъ лымоннихъ тры, чарокъ зъ золотимы краямы, маленкыхъ 5, лямпъ болшихъ две. *Въ амбаръ кладовомъ зъ'ценъ.* Чашъ круглыхъ, зъ крышкамы, олованыхъ 6, блюдъ одинарнихъ болшихъ и малыхъ 32, талѣрокъ зубчастихъ четире дюжини безъ одной, талѣрокъ простыхъ 64, фляшка круглая медная болшая, мортировъ меднихъ 8, три пушки медніе. Сѣдло гаптованное, зъ красною подушечкою. Ларчикъ красній, порожнѣй, скринечка жестяная зъ сахарницями. *Въ первой скрынѣ красной.* Женскихъ рубашокъ 128, полотна 48 штучокъ. *Въ другой скринѣ белой, дубовой.* Рубашокъ швабскыхъ 102, баволницъ штукъ две, а третая начатая, обрусовъ швабскихъ 4, семъ швабскихъ же обрусовъ, серветъ швабскихъ штукъ 8, обрусъ маленкій, швабскій одынъ, ручниковъ швабскихъ 6, серветъ швабскихъ дюжиновъ пять, батисту полотна штука, постелей тры фарбованыхъ, ручниковъ шитыхъ 30, а тканихъ 10, ручниковъ гладкихъ 2. *Въ третой скринѣ бѣлой.* Скатертей штукъ 25, салфетъ штукъ 12. *Въ четвертой скринѣ.* Коверъ постриганой, дамчатой, коверъ постриганой, красной, коверъ постриганой, голубой, разноцвѣтной, коверъ постриганой, разноцвѣтной же, коверъ постриганой, красной, столбовой, коверъ бѣлой, постриганой, болшой, старой, килимъ старій, разноцвѣтній, по красномъ полю, килимъ новий, разноцвѣтній по зеленомъ полю, килимъ полосатій, килимъ другій полосатій, килимъ третій, полосатій же, неболшой, килимъ четвертий, полосатий же, коверъ постригатій весма старий. Зеркало болшое съ полотенкомъ, зеркало другое въ ящику озолоченномъ, а третое, меншее, въ ящики такимъ же. *Въ пятой скрынѣ бѣлой.* Уборъ на канапе, тканой, волосяній, павиліонъ красний полутабенковой, старий, зъ сребнимъ позументомъ, павиліонъ сытцевій со всемъ уборомъ, кришка штофная, красная, зъ белымъ, на столикъ, скатертей штука една, серветъ четири штуки, скатерть еще одна, полотна на-

битого штука, коверъ еще постриганой разноцвѣтной, по красномъ полю. *Въ шестой скрынѣ жолтой.* Платя лакейского, нѣмецкого, василкового сукна, швабскихъ нешитихъ рубашокъ 4, павилiоновъ 3, скатертей штукъ 3 тканихъ, а 6 шитыхъ, простиръ 5, между коимы одна швабская, наволочокъ белыхъ 9. *Въ семой скрынѣ белой, дубовой.* Сѣдло по зеленомъ бархату гаптованное, зъ платомъ, подъ ящуромъ, а другое сѣдло красное, гаптованое. Крышокъ красныхъ отъ хамутовъ суконныхъ 6. *Въ осмой скрынѣ белой.* Плахотъ простихъ 9. *Въ девятой скрынѣ.* Килимъ разноцвѣтнiй, фартуховъ до саней тры. *Въ десятой скрынѣ* положенно книжокъ разнихъ 30, а *другая скрыня, меншая,* вся полна рускихъ и латинскихъ книгъ. Три полы футра соболiого старого, на лошадей верховыхъ попонъ барсовихъ 3, балдахынъ тафтофiй зеленiй. Китайской кабинетчикъ. Кухва меду бытого. Доска аспѣсовая чорная. Погребецъ медной, въ немъ фляшъ 8, погребецъ gданской, въ коемъ пляшокъ болшихъ 4 и малыхъ 4, а двѣ лежачiе. Пуздерко простое, пляшъ 6 болшихъ, пуздерко шлiонское, пляшъ болшихъ 3, а меншихъ 4, пуздерко простое, пляшъ 5, пуздерко красное, пляшъ 4 болшихъ, а малихъ 3 визолоченнихъ. Шандаловъ меднихъ 9 жолтихъ, старинныхъ, болшихъ 3, а меншихъ 6. Судно сѣдалное красного дерева, зъ лоханею медною. Сѣбѣрокъ шматъ. Сахару голова. Замковъ тулскихъ 7 меднихъ, комнатнихъ. Оружына турецкая. Лакейскихъ чоботъ двѣ пари. Ковдра великой постелы, атласная красная, новая. Велыкой чайныкъ медной, чайныковъ медныхъ жолтыхъ 3, а красной медѣ 2, кофейникъ одинъ. Сукна простого бѣлого три круги, а два чорного. Два фанарѣ болшие, жестяние. Тры кухвы вышнiовки. Соли полтретѣ кухви, кримкы. Павилiонъ полосатiй, старiй. Красныхъ дергъ (?) три. Скриня обоевъ разноцвѣтныхъ 20 кусковъ. Кофе кулiокъ. Балахонъ тафянiй, краснiй зъ висѣчкою, и зъ капѣшономъ. Мантилiя сребная, зеленая, опушеная горносталями. Башмаки парчевие, а другие перелевие. Лохань меднихъ жолтихъ—една болшая, а другая меншая. *Въ другомъ амбарѣ,* въ которомъ iмѣется горѣлкы куховъ 47, а въ другомъ 6, да въ Красномъ Хуторѣ 3 кухвы. Пшеницѣ двѣ скрыне и двѣ кухве. Лембикъ медной съ кришкою. Вовни кудель скрыня. Коструль 8 меднихъ. Двадцять паръ вещщины. На горѣ, казановъ винокурныхъ 4, ленбиковъ два, смушковъ черныхъ малыхъ 5. Палатка зеленая одна. Салъ девять. Съ вынокурнѣ Подоловской казановъ робочихъ 6, трубъ 18. Карета зъ чахломъ, семостекелная, фрушталная, выбитая алимъ трипомъ. Берлинъ краснимъ

сукномъ вибитой, спереду окно; берлинъ старой, такой же, спалня роскошная, краснимъ сукномъ вибитая, козирковъ два, еденъ краснимъ, а другой блакитнимъ сукномъ вибитие. Хамутовъ уборныхъ 6, зъ красними клѣщамы, другой цуды хамутовъ 6 съ красними клѣщами, еще хамутовъ поездних, зъ маліованими клѣщами, старихъ 4, а палубнихъ тры хамута, старихъ. Бляшнихъ кантеровъ 6, лѣйцовъ ременихъ двое, шоръ старинних, лошадейнихъ, зъ бляхамы медними 6, а 8 безъ бляхъ, кантаровъ семъ безъ бляхъ, уздечокъ московскихъ простихъ 12. Лошадей цудовыхъ гнѣдыхъ 6, а темногнѣдыхъ тройка Грыгоровскихъ, да старихъ такихъ же особливо тройка, робочыхъ лошадей 8, трохъ воронихъ, чалая, рижихъ двое, половая, и клячъ сивая, да муковозской еденъ конь половой. *При дворѣ Подоловскомъ* коровъ 4, телятъ двое, воловъ робочихъ 7 паръ, свыней надворнихъ при винницѣ 33, въ сажѣ свиней 14, и подсвинковъ столко жъ. *Въ хуторѣ Красномъ*. Винокурныхъ котловъ 3, трубъ 9, воловъ одна пара, въ сажѣ свиней 12, надворнихъ 28, поросятъ пятеро. *Въ хуторѣ Менскомъ*. Пчолъ пней сто двое уставлено въ імшаникъ, овецъ старыхъ 93, козъ 4 и козловъ два, рогатого скота двадцятеро поголовя толко и кобила една въ хуторного.

Крѣпости на всѣ грунта недвижиміе и облѣки при сребрѣ, за печатю сотника Огіевского, въ наволочки, въ скрынѣ положенны при сребрѣ жъ. Вишепроименованного сначала описѣ сребра явилось по перевѣсу одинъ пудъ семнадцять фунтовъ съ половиною и съ четтю; въ новыхъ ножахъ, безъ вѣделокъ, зъ железомъ, полчварта фунта, въ ножахъ всѣхъ, что въ пуделку зъ вилкамы, полдевята фунта, въ рондахъ зъ ремнями и удилами, 30 фунтовъ, въ сагайдакахъ 8 фунтовъ съ походомъ.

Сотникъ Кролевецкій Григорій Огиевскій. Бунчуковій товаришъ Іванъ Ширай подписался и печать приложилъ.

Коморникъ повету Стародубовского Іванъ Завадовскій подписался и печать приложилъ.

Сія выпись по доношенію умершой подскарбіиной генералной Марѳи Степановни Скоропадской отъ дочери ея Анни Яковлевни Чарнишевни въ сотенную Кролевецкую канцелярію персоналю поданному, наличныхъ движимихъ ея, Чарнишевни, въ наслѣдіе оставшихъся вещей въ селѣ Подоловѣ, въ домѣ жиломъ и въ футорахъ, сотникомъ Кролевецкимъ Григоріемъ Огіевскимъ въ присутствіи двоюроднихъ браттей ея, Чарнишевни, бунч. тов. Івана Ширая да коморника полку Стародубовского Івана Завадовского учинена, и по

особливому доношенію опекуна оной наслѣдницы дядѣ ей родного, подкоморого полку Стародубовского Михаила Ширая, точно отъ слова до слова въ мѣскую крепостную книгу вписанна, и при сей виписѣ зъ сотенной Кролевецкой канцеляріи, при печати сотенной, въ силѣ права Малороссійского права книги Статута, роздѣла 6, артикула 4 означенному, опекуну виданна. 1764 года, марта 6 дня. Писарь сотенній Кролевецкій Іванъ Сердюковъ. *(Съ подлинника).*

9. Протестъ дочери Якова Чарныша, Анны, противъ насилій тетки ея Прасковьи Судьенковой. 1765 г., 26 марта.

По указу ея императорского величества самодержицы всероссійской, изъ полкового Нѣжинского суда г. подкоморого повѣту Менского Григорія Фридрикевича женѣ Аннѣ Фридрикевичевой дана сия выпись для того: Сего 1765 году, марта 26 д., она, Фридрикевичева, въ судѣ полковомъ Нѣжинскомъ, чрезъ повѣренного канцеляриста суда земского Михаила Губаревского, протестнимъ доношениемъ представила, что въ прошломъ 1764-мъ году, февраля 28 д., по смерти матери еи, Фридрикевичевой, Марфи Степановой, по второму мужу подскарбиевой генералной Скоропадской, оставшаясь она, Фридрикевичева, въ сущемъ сиротствѣ, взята въ содержание и опекунство родними еи дядею г. подкоморимъ Стародубовскимъ Михайломъ Шираемъ и теткою, удовствующею сотниковою Новгородскою Параскевиею Степановою дочерю Судденковою, (въ которой Судденковой домѣ съ прошедшого 764 году, марта « » до 765 году, февраля по 18 число, до виходу еи, Фридрикевичевой, въ замуже за подкоморого повѣту Менского Григория Фридрикевича, безотлучно жила), а имѣние, по смерти оной еи, Фридрикевичевой, матери, оставшоесь, недвижимое и движимое, единствено на еи Фридрикевичеву спадаючое, по еи Фридрикевичевой доношению въ сотеную Кролевецкую канцелярию, прошедшого 1764 года, марта 4 д., поданному, отъ оной сотенной канцелярии описано и за оною описю тое имѣние показанной дядя еи Ширай и тетка Суденкова въ безутратное содержание приняли, съ какого имѣния болшая часть въ движимостяхъ, зъ сундуками, оною теткою еи взяти и отвезени въ домъ еи, въ Новгородокъ, къ цѣлому сохранению, чтобъ же и она Фридрикевичева съ тѣхъ своихъ имѣний чего либо и малѣйшого до виходу своего въ замуже неутратила, о томъ съ нихъ еи, Фридрикевичевой, опекуновъ, предъ упомянутимъ дядею еи взята у неи, Фридрикевичевой, подписка,

которая де отъ еи, Фридрикевичевой, для того и дана, даби де оною могла она, Фридрикевичева, свое имѣние въ случаю отъ насилныхъ вимагателствъ защитить. Но напротиву де того предреченная тетка еи Судденкова и синъ еи Иванъ Судденковъ, когда привезли еи, Фридрикевичеву, въ свой домъ, то начали съ угрозами разними досадами и многими устрашениями принуждать еи, Фридрикевичеву, продать имъ хуторъ свой, имѣючийся въ сотнѣ Воронѣжской, прозиваемой Красной, сказивая, что мать еи, Фридрикевичевой, при своемъ скончании, говорила, даби она, Фридрикевичева, тотъ хуторъ продала еи, Судденковой, или сину еи Ивану Судденкову, неотмѣно, и денги за оной употребленни бъ били на поминовение оной умершой матери еи, Фридрикевичевой, о чемъ де она, Фридрикевичева, не толко не знаетъ, но и отъ другого никого, кромѣ ихъ, не слихала, чтобъ мать еи, Фридрикевичевой, когда либо о продажи имъ того хутора говорила; да и матери де еи, Фридрикевичевой, никакой нужды ни имѣлося ради поминовения о продажи имъ оного хутора думать или говорить, ибо де по смерти еи наличние денги, какъ на поминовение еи, такъ и для еи, Фридрикевичевой, остались, да и когда отъ сотеной Кролевецкой канцелярии, по прописаному еи, Фридрикевичевой, доношению чинена опись наслѣдственнимъ еи, Фридрикевичевой имѣниямъ, (при которой описѣ показанная тетка еи, Судденкова, зъ синомъ своимъ Иваномъ находилась), то о продажи имъ онаго хутора ни отъ оной тетки своей и ни отъ кого другого никаковаго упоминку не било да и упоминатся де ни къ чему и никому било ни изъ чего, якожде мать еи, Фридрикевичевой, умре безъ всякого о движимихъ и недвижимихъ имѣнияхъ распредѣления, какъ де о томъ и въ вишеобявленомъ еи, Фридрикевичевой, доношении въ Кролевецкую сотеную канцелярию поданому скоро по смерти матери еи, Фридрикевичевой, имено прописано. Когда же де по тѣмъ предизображенимъ правилнымъ обстоятелствамъ отъ насилной продажи оной тетки еи, Фридрикевичевой, и сину еи Ивану Судденкову она, Фридрикевичева, крайне отказивалась, то за сие самое, ожесточась, бранили еи, Фридрикевичеву, безпремѣнно устрашая, что она, Фридрикевичева, всѣми людьми будетъ за проклятую признана, естли не сохранитъ матернего якоби въ продажи имъ хутора приказания, именуя оное якоби приказание, или сказание рѣчи, нѣякимсь важнимъ завѣщаниемъ. Однажо жъ де она, Фридрикевичева, съ нихъ сину тетки еи, Фридрикевичевой, упомянутому Ивану Судденкову осмѣлилась сказать, что хотя неволею они принудятъ еи подписатся на

продажи хутора еи, Фридрикевичевой, но за еи, Фридрикевичевой, виходомъ въ замуже тотъ хуторъ она, Фридрикевичева, отобрать имѣетъ, которой де Судденковъ за то осердясь, съ бранью еи, Фридрикевичевой, говорилъ: когда де такъ думаетъ, то еи, Фридрикевичевой, по смерть въ замуже не отдадуть, а какъ она, Фридрикевичева, въ отвѣтъ виговорила, что она уже имѣетъ жениха и безъ ихъ видачи пойдетъ за него, то онъ зъ немалими укорителствами бранилъ еи, Фридрикевичеву, и ругалъ, стращая разними бѣдствиями, отъ какихъ де нападений и угрожений она, Фридрикевичева, занемогла и чуть било не умерла. Не бивши никогда въ таковихъ напастехъ и бѣдствияхъ, воображая себѣ свое безпомощное сиротство, съ которимъ они еи, Фридрикевичеву, у себя содержали въ такомъ строгомъ бережении, что никуди еи, Фридрикевичевой, не випускали, и не имѣла она ни одного такого случая, чтобъ съ кимъ либо о семъ посовѣтоватся, словомъ сказать чрезъ все то время оная тетка и синъ еи Иванъ безъ себя никуди еи, Фридрикевичевой, не пущали и когда случалось одному съ нихъ куди отлучится, то другимъ безотступно она, Фридрикевичева, бережена. А между тѣмъ де упоминаемая тетка еи, Фридрикевичевой, и синъ еи Иванъ Судденковъ вздумали и сами написали писмо, которого за обявлениемъ еи, Фридрикевичевой, яко оное написано о продажи имъ нею, Фридрикевичевою, показаного хутора, хотя де она, Фридрикевичева, отъ таковой насилной продажи, какъ и прежде того, вовся отказивалась, но оние де Суденкова и синъ еи удостовѣрая, а притомъ и оболщая еи, Фридрикевичеву, разними обнадеживаниями, сказивали, что оное писмо о продажи того еи имъ хутора въ немалую и весма въ нужную матери еи ползу здѣлано, а напослѣдокъ долговремено отказивавшуюсь еи, какъ безпомощную и беззащитную сироту, единственними своими грозними устрашениями и зъ подъ неволѣ на ономъ писмѣ принудили подписатся и просили о подписъ рукъ разновремено приезжавшихъ въ домъ оной тетки еи, Фридрикевичевой, Николая Юркевича, да сотника Случановскаго, что де она, Фридрикевичева, и исполнять за страхъ и неволю принуждена била. А послѣ, подъ видомъ разглашеного ими виезду въ еи, Фридрикевичевой, маетность Подоловъ, собравшись, показаная тетка еи, Фридрикевичевой, и синъ еи Иванъ Судденковъ взяли еи въ собою и поехали будто въ Подоловъ, не взявъ нарочно съ еи людей, при ней находившихся, ни одного слуги и ни одной дѣвки, кромѣ двохъ конюховъ, и нагло, не смотря на тогдашнюю превеликую стужу, въ откритихъ саняхъ повезли еи,

Фридрикевичеву, не въ Подоловъ, но прамо въ Глуховъ, куда и привезши позно въ вечеру, зъ жесточайшими надъ прежние устрашениями, изневоляли еи, Фридрикевичеву, во всю ночъ ихать съ ними, поутру, до суди земского повѣту Глуховского г. Дергуна и все что имъ угодно и отъ нихъ еи, Фридрикевичевой, приказано о продажи имъ оного хутора, говорить велѣли, сказивая, когда ихъ волѣ согласно будетъ чинить, то счасливою, а въ отмѣнномъ надъ ихъ волю случаи, нещасливою могутъ еи, Фридрикевичеву, вѣчно здѣлать, и не спуская еи зъ глазъ, даби она ни съ кимъ не могла видѣтся и о своей такой крайней бѣдности пожаловатся, поутру, какъ напраняе разбудивъ еи, Фридрикевичеву, приказали одѣтся и, посадивъ въ сани, Иванъ Суденковъ привезъ еи въ домъ къ показаному судии Дергуну, знать съ такимъ намѣрениемъ, чтобъ она зъ своихъ рукъ персоналне подала оное писмо, на которомъ, какъ више значится, принудили еи подписатся. Однако она, Фридрикевичева, ни того писма и никакого, какъ оному судии Дергуну въ его домѣ, такъ и нигдѣ на урадѣ, никому сама персонално не подавала, а за поворотомъ еи, Фридрикевичевой, на квартеру, оной Иванъ Суденковъ написавъ въ судъ земскій повѣту Глуховского доношение и принудивъ еи, Фридрикевичеву, на ономъ подписатся, строго еи, Фридрикевичевой, какъ тетка, такъ и онъ запретили, чтобъ никому она, Фридрикевичева, не сказивала того, что онъ, Суденковъ, возилъ еи въ домъ къ прописанному судии Дергуну и того, что тамъ говорили, а потомъ онъ Суденковъ взялъ тое доношение, имѣвъ у себя упоминаемое насилно ими отъ еи, Фридрикевичевой, прежде взятое писмо, самъ, безъ еи персоналной подачи и сознатія, ствердилъ, какъ она, Фридрикевичева, увѣдомилась въ земскомъ судѣ и яко все тое тетка еи, яко опекунка, надъ долгъ и совѣсть, въ отмѣнность законовъ, учинила, содержа еи, Фридрикевичеву, въ опеки въ своемъ домѣ съ крайнѣйшою еи, Фридрикевичевой, обидою и разорениемъ и такимъ тайнимъ образомъ, что и первѣйший по правамъ опекунъ дядя еи Ширай ничего вѣдать не могъ о сей затѣенной, единствено для ползи оной тетки ей, здѣлки, а безъ его согласия оной тетки еи равнаго, но первѣйшого опекуна, не токмо такого неправилного дѣла затѣвать и вимагателствъ еи, Фридрикевичевой, наслѣднихъ имѣний дѣлать, имѣя еи, Фридрикевичеву, въ полной своей волѣ, но и правилного чего либо начинать она тетка еи, Фридрикевичевой, не должна била, такъ де по тому писму, даби она тетка сама или еи наслѣдники до обявленого Красного хутора не возжелали касатся, которой еи, Фридрикевичпвой,

урядово отъ дядѣ еи, Ширая, яко первѣйшого опекуна съ протчими недвижимими еи, Фридрикевичевой, добрами при виходѣ еи, Фридрикевичевой, зъ ихъ опеки въ наслѣдное владѣние еи, Фридрикевичевой, съ наличностми отданъ, а для того де нинѣ, вишедши изъ опеки отъ оной тетки своей въ замуже, не пропуская правного времени, о всемъ предизображеномъ впредь для видѣния суду полковому Нѣжинскому претестуя и предпоказание писмо, тако жъ и доношение, яко изъ подъ неволѣ и въ отмѣность правъ отъ неи, Фридрикевичевой, взятое, которое писмо и доношение, какъ више значится, безъ персоналного еи, Фридрикевичевой, на урадѣ земского Глуховского суда признатя и подачи помянутой тетки еи Судденковой съ синомъ Иваномъ Суденкомъ въ ономъ судѣ подано, во всякомъ судѣ и правѣ вѣчними часи уничтожаетъ и опровергаетъ. При томъ же, ради предимѣючого бить отъ еи, Фридрикевичевой, на комъ подлежитъ иску, и о ниже слѣдующомъ представляетъ: первое, по виходѣ де еи, Фридрикевичевой, въ замуже, когда отъ опекуна дядѣ своего Ширая по вишенамѣненной отъ сотеной Кролевецкой канцелярии здѣланой описѣ отдача еи, Фридрикевичевой, имѣний, (съ которихъ въ недвижимие имѣния она дѣйствително во владѣние вступила), то зъ движимихъ де имѣний, въ оной описѣ написанихъ, хотя иние получила, но многихъ вещей не явилось и ей, Фридрикевичевой, не отдано, о которихъ неявившихся вещахъ при ономъ протестномъ доношении приложила реестръ. А сверхъ де того, по примѣчанию еи, Фридрикевичевой, нѣкоторие вещи въ клейнотахъ и въ протчиихъ вещахъ перемѣнени, съ которихъ де иние, о коихъ еи, Фридрикевичевой, заходитъ сумнителство, при отдачи еи, Фридрикевичевой, запечатани урядникомъ хоружимъ сотенимъ Новгородскимъ Григориемъ Налягакою, а другие изъ своихъ местъ совсѣмъ винути, такъ что толко пустие мѣста остались, гдѣ находилось серебро, какъ то: въ нахтишномъ сундучке, да особливой ящикъ, въ которомъ умивалница и кувшинъ серебрание били, пустой найденъ, и нинѣ имѣется; второе, въ упомянутой урядовой еи, Фридрикевичевой, наслѣдственихъ имѣний описѣ, между протчимъ, написано тако: крѣпости на всѣ грунта недвижимие и облики, при сребрѣ, за печатю сотника Огиевского, въ наволочке, въ скринѣ положени при сребрѣ жъ, а при отдачи еи, Фридрикевичевой, по оной описѣ, при протчихъ движимихъ еи, Фридрикевичевой, имѣниахъ содержанихъ, въ сундукахъ показиваемою теткою Судденковою, въ домѣ еи въ Новгородку, на оной наволочки печати уже не било, которую роспечатаную наволочку издатчикъ

онихъ имѣний войск. канцеляристъ Петръ Василиевичъ Заводовскій да хоружий сотенний Новгородскій Григорий Налягака свидѣтелствовали, при битности Ивана Суденкова, и она, Фридрикевичева, роспечатаную оную наволочку приняла, а после того онъ, Суденковъ, чрезъ показаного Заводовского, прислалъ къ ней, Фридрикевичевой, обликъ матери еи, Фридрикевичевой, данной отъ Забѣли, зъ чего де явствено, что онъ, Суденковъ, что хотѣлъ съ оной наволочки винулъ изъ обликовъ или крѣпостей еи, Фридрикевичевой, когда тотъ обликъ не въ наволочки билъ, но онъ Судденковъ изъ своихъ рукъ видалъ. И яко де въ оной наволочки положенимъ обликамъ и крѣпостямъ еи, Фридрикевичевой, реестри или описѣ по пересмотру тогда жъ обявленимъ Заводовскимъ не искалось, такъ и узнать нинѣ еи, Фридрикевичевой нѣ изъ чего, что съ онихъ обликовъ и крѣпостей цѣло, а чево нѣтъ. Третее, движимие имѣния тожъ единствено на еи, Фридрикевичеву, спадаючие въ разнихъ вещахъ состоящие, за умертвиемъ матери еи, Фридрикевичевой, до приезду дядѣ еи и опекуна показаного Ширая въ Подоловъ и до учинення по оному, поданому отъ отъ еи, Фридрикевичевой, доношенію отъ Кролевецкой сотеной канцелярии имѣниямъ еи, Фридрикевичевой, описѣ, чрезъ нѣсколко дней били, какъ и ввесь домъ, въ единственомъ тетки еи, Фридрикевичевой, оной Суденковой и сина еи Ивана Суденкова завѣдовании, яко прежде смерти матери еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ приехавшихъ, которими самими скоро по смерти матери еи, Фридрикевичевой, и ключи отъ всѣхъ сундуковъ и отъ всего, что въ домѣ било, въ ихъ руки забрати, и въ тихъ дняхъ по смерти матери еи, Фридрикевичевой, пока опись сочинена и пока оной опекунъ Ширай приихалъ, многие вещи расхищени и что отъ расхищения остатся могло, то все ли показано тѣмъ отъ уряду опредѣленимъ для введения въ опись, или что, какъ вишепоказано отъ всего ключи били у тетки еи, Фридрикевичевой, да и она, Фридрикевичева, въ тѣ пори, за еи несносною печалію, немогла ни во што вникать, и затѣмъ о преднопоказаномъ расхищении, яко и не введении всего въ опись изъ еи, Фридрикевичевой, имѣний, имѣетъ она, Фридрикевичева, причину сумниватся какъ съ вишеприсанихъ обстоятелствъ, такъ и по нижеслѣдующему: 1, что де сундуки, которие отъ матери еи, Фридрикевичевой, въ сохраненію тетки еи Судденковой въ Новгородку, въ домѣ, еи поставлени били, (за коими по совѣту г. маіора Якова Михайловича Скоропадскаго мать еи, Фридрикевичевой, передъ своею кончиною, посилала въ Новгородокъ для

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозврѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.